

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

Факультет педагогики, психологии и социальных наук
(ФППиСН)
Кафедра «Теория и практика социальной работы»

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей
по материалам научно-практической конференции
«XIX Социологические чтения»

г. Пенза, 14 ноября 2019 г.

Под редакцией
кандидата философских наук, доцента Т. И. Лавреновой

Пенза
Издательство ПГУ
2020

УДК 316
С56

Социальные практики в информационном обществе : сб. науч. ст. по материалам науч.-практ. конф. «XIX Социологические чтения» (г. Пенза, 14 ноября 2019 г.) / под ред. к. филос. н., доц. Т. И. Лавреновой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. – 150 с.

ISBN 978-5-907262-46-1

Представлены материалы научно-практической конференции «XIX Социологические чтения», проведенной 14 ноября 2019 г. на факультете педагогики, психологии и социальных наук ПГУ, а также результаты научных исследований актуальных проблем социальной философии, теоретической и прикладной социологии, теории и практики социальной работы, педагогики и психологии.

Издание адресовано учёным, преподавателям вузов, обучающимся и всем интересующимся проблемами социально-гуманитарных наук.

УДК 316

П р и к а з

*О подготовке и проведении научно-практической конференции
«Социальные практики в информационном обществе»
(XIX Социологические чтения)
№ 1229/о от 11.11.2019*

ISBN 978-5-907262-46-1

© Пензенский государственный
университет, 2020

Содержание

Р а з д е л I. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ	6
<i>Тугаров А. Б.</i> ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	6
<i>Лавренова Т. И.</i> САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПАРАДИГМЕ «ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ»	11
<i>Мясников А. Г, Мясникова Т. А.</i> МИФОЛОГЕМА «ГЛУБИННОГО НАРОДА» КАК НОВЕЙШАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛОВУШКА	19
<i>Шевцова Э. А.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ КАК ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.....	23
<i>Антипов М. А.</i> ЛИМИНАЛЬНОСТЬ КАК ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	29
<i>Кузнецов М. В.</i> СУЩНОСТЬ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА КАК ИНСТРУМЕНТА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ	34
<i>Суркова В. В.</i> ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	38
<i>Синев Е. Н.</i> НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ	43
Р а з д е л II. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	48
<i>Очкина А. В.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ XXI в. И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	48

Лыгина М. А. ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	53
Стенякова Н. Е., Колесникова Ю. В. РАЗВИТИЕ САМОСОЗНАНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	56
Викторова Е. В., Сладкова Т. И., Тужилова Т. А. МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	62
Нестеренко О. Ю. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	66
Обушников М. Д. СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	70
Шарикова Е. С. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИНКЛЮЗИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	75
Хакимова Э. А. ГЕНЕЗИС ПОДХОДОВ И ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ИНДИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ	79
Гарасиева А. А. РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ	84
Козина Г. Ю., Кузьмина Н. В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СУПРУЖЕСКОГО НАСИЛИЯ.....	92
Папшева П. С. МНОГОДЕТНОСТЬ НА ЗАПАДЕ: ВОЗВРАТ К ТРАДИЦИОННОСТИ ИЛИ ЕСТЕСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН?.....	97
Пертулисова А. А. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ.....	101
Мали Н. А., Старшева С. В. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА.....	108

Р а з д е л III. ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	113
<i>Медведева И. А., Москвина О. И.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ К СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	113
<i>Орлова Ю. С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «ЗЛОВЕЩАЯ ДОЛИНА»	118
<i>Бухлина Л. Ю., Тигунова М. С.</i> АФФЕКТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНТОК С РАССТРОЙСТВАМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ	121
<i>Бузыкина Ю. С., Позднякова А. М.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ	126
<i>Новикова М. С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ИЗМЕНЕ.....	130
<i>Хаметова Г. Р.</i> РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ	134
<i>Глухова Н. А.</i> ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	138
<i>Андрянова А. В.</i> АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ВЛИЯНИЮ СЕНСОРНЫХ СТИМУЛОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАПОМИНАНИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ	142
Сведения об авторах	147

Раздел I

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

А. Б. Тугаров

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Рассмотрено влияние социальной практики на социально-философское исследование феномена превенции в современном обществе; выявлены концептуальные подходы к типологии социальной превенции. Показано, что основными типами социальной превенции являются «собственно превенция», «антипревенция», «контрпревенция».

Ключевые слова: социальная превенция, социальная практика, типология, типы социальной превенции.

A. B. Tugarov

Penza State University, Penza

A TYPOLOGY OF SOCIAL PREVENTION: CONCEPTUALITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL PRACTICE

Abstract. The article is devoted to the influence of social practice on the socio-philosophical study of the phenomenon of prevention in modern society. The conceptual approaches to the typology of social prevention are identified. The author shows that the main types of social prevention are “prevention itself”, “anti-prevention”, “counter-prevention”.

Keywords: social prevention, social practice, typology, types of social prevention.

Научный и философский анализ социальной превенции предполагает определённый концептуальный подход к исследованию этого социального феномена с точки зрения понимания его места и значения в современных социальных практиках. В свою очередь,

каждый конкретный вид социальной практики в современном обществе в той или иной мере испытывает влияние внешних для себя попыток реализовать «идею общества, основанного на знаниях».

Э. Агацци обратил внимание на то, что «в последние годы выражение «основанный на знаниях» стало все чаще использоваться в различных контекстах как некоторого рода новая категория для интерпретации специфических черт многих реальностей современного мира, а также как парадигма того, что может предложить решение для нескольких открытых проблем нашего мира» [1, 4].

Наличие такой парадигмы обращает внимание исследователя на то обстоятельство, что наука предполагает рассмотрение своего содержания в двух аспектах: как система готовых знаний и как система исследовательской деятельности. Наука, понимаемая как система исследовательской деятельности, порождает вопрос о допустимой доли субъективности в создании типологии социальной превенции.

Не отвергая значения объективности научных знаний, А. И. Ракилов считает, что далеко не всегда объективность является главным и единственным критерием научности. Дело в том, что, по его мнению, во всех видах социальной реальности и социальной действительности присутствуют элементы субъективности как общего свойства человеческой ментальности. Кроме того, субъективность присутствует в социальном познании и социальных исследованиях [2, 20].

А. И. Ракилов исходит из того, что во всех формах познания социальных явлений и процессов (в том числе в научном и философском) обнаруживаются элементы субъективности. Такая точка зрения означает, что общий смысл понятия «основанный на знаниях» вполне допустим при исследовании социальной превенции как феномена современного общества «в качестве некоего регулятивного идеала для человеческих действий и социальной практики» [2, 20; 1, 4].

В результате концептуальность философского исследования феномена социальной превенции, детерминированного содержанием конкретных видов социальных практик, будет основана, прежде всего, на выборе определённого варианта её типологии. В основу предлагаемой типологии социальной превенции положено понимание роли и значения государства в организации и осуществлении превентивных по их направленности действий [3; 4].

Такой подход позволяет через понимание соотношения эволюции и революции в жизни общества выявить историко-филосо-

софские по своему характеру и содержанию типы (модели) социальной превенции. Такими типами являются «собственно превенция» – «анти-превенция» – «контр-превенция» [5; 6]. Концептуальным обоснованием такой типологии социальной превенции в русской социальной философии становится определение соотношения интервенции, поственции и превенции как качественных характеристик состояния общества.

Концептуальной основой создания типологии социальной превенции, с одной стороны, является русская философия гуманизма, дающая возможность рассмотреть социальную превенцию как элемент гуманизации общественных отношений, как практический гуманизм современного общества [7; 8].

С другой стороны, методологическим подходом к типологии социальной превенции является рассмотрение эволюции типов социальной превенции на следующих уровнях научно-философского знания о ней: 1) простые системы социальной превенции в обществе; 2) сложные саморегулирующиеся системы социальной превенции; 3) саморазвивающиеся системы социальной превенции [9, 59–60].

Философско-теологический подход к исследованию превенции в традиции русской религиозной философии проявляет себя на каждом из этих уровней и становится универсальной характеристикой определённых сторон каждого из вышеназванных типов социальной превенции.

Эта особенность философско-теологического подхода объясняется тем, что русская религиозная философия представляет собой основу понимания русской философии социальной превенции. Русская философия социальной превенции является не столько подобием или аналогом русской религиозной философии, сколько, скорее, её антиподом, т.е. светским вариантом понимания необходимости превентивности в обществе.

Но при этом русская философия социальной превенции по своей сути не является контрадикторной противоположностью русской религиозной философии, поскольку то, что последняя объясняет как жизнь человека с Богом и по Божьим законам в обществе, по целям и задачам такой жизни в определённой мере оказывается социальной превенцией, т.е. предупреждением «социального зла».

Такая концептуальность позволяет в исследовании типов социальной превенции (собственно превенции – анти-превенции – контр-превенции) обратиться к работам архиепископа Иннокентия, В. И. Несмелова, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и других ре-

лигиозных философов, а также к богословским взглядам Н. И. Пирогова, в которых идея превенции (предупреждения возникновения социальной аномии) рассмотрена как феномен христианской антропологии [10, 218–219].

Помимо религиозного понимания жизни человека в обществе (христианской антропологии) универсальными характеристиками определённых сторон каждого из названных типов социальной превенции являются философское понимание войны, мира и безопасности в обществе как социальных феноменов. Более того, понимание войны как анти- или контр-превенции, а мира как собственно превенции предполагает рассмотрение социальной превенции в контексте философии обеспечения безопасности человечества и практики достижения национальной безопасности современной России.

Социально-философский подход к исследованию характеристик и особенностей феноменов войны, мира и безопасности присутствует на каждом из названных уровней научно-философского знания о социальной превенции.

Таким образом, типология социальной превенции в русской социальной философии даёт основание утверждать, что социальная превенция проявляет себя в конкретном обществе, в конкретных социальных условиях, при наличии которых отсутствуют (уже отсутствуют или пока отсутствуют) явно выраженные отклонения от социальных норм данного общества, т.е. открыто не проявляет себя социальная аномия.

Только в этом случае социальная превенция имеет смысл и значение своего существования в обществе, в других случаях и при других условиях социальная практика характеризуется состоянием социальной профилактики или интервенция.

Что касается совершаемой в обществе религиозной деятельности, которую русская религиозная философия называет духовной, то эта деятельность человека в общественной жизни, по сути, оказывается деятельностью по предупреждению «социального зла». Только такую по своему содержанию деятельность со стороны отдельного индивида или групп людей следует считать проявлением социальной превенции.

Типология социальной превенции должна завершаться выводом о том, какой тип социальной превенции характеризует конкретный вид социальной практики в современном обществе и ориентировать дальнейшее исследование на то, что существует

проблема выбора подходов к социально-философскому пониманию проблем социальной превенции как феномена современного российского общества.

Библиографический список

1. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях : пер. с англ. / Э. Агацци // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.
2. Ракитов, А. И. В защиту субъективности (социальная реальность, социальная деятельность, социальное познание) / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 2018. – № 9. – С. 20–26.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. / З. Бауман. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.
4. Федотова, В. Г. Хорошее общество / В. Г. Федотова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
5. Тугаров, А. Б. Философия социальных ценностей: единство солидарности, взаимопомощи и социальной превенции / А. Б. Тугаров, А. В. Очкина, Т. А. Николаева, Э. А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 1-2. – С. 172–182.
6. Шевцова, Э. А. Социальная превенция и революция (опыт русской социальной философии) / Э. А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 9, № 3-2. – С. 183–188.
7. Глинчикова, А. Г. Индивидуализация личности в преддверии Современности / А. Г. Глинчикова. – Москва : ИФ РАН, 2012. – 163 с.
8. Глинчикова, А. Г. Россия и Европа. Два пути к Современности / А. Г. Глинчикова. – Москва : Культурная революция, 2014. – 608 с.
9. Стёпин, В. С. Наука и философия / В. С. Стёпин // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 58–75.
10. Шевцова, Э. А. Религиозная антропология В. И. Несмелова как методология русской философии социальной превенции / Э. А. Шевцова, А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 9, № 1-3. – С. 215–219.

Т. И. Лавренова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПАРАДИГМЕ «ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ»

Аннотация. Отражено изменение научного подхода к самоопределению человека в процессе смены парадигм познания, рассмотрены проблемы духовного состояния общества, установлено соответствие принципов постмодернизма и современной действительности в осуществлении самоопределения человека.

Ключевые слова: научная парадигма, позитивизм, неопозитивизм, структурализм, постструктурализм, индивид, человек, самоопределение, свобода, плюрализм.

T. I. Lavrenova

Penza State University, Penza

HUMAN SELF-DETERMINATION IN THE "POST-MODERNITY" PARADIGM

Abstract. The article reflects the change in the scientific approach to human self-determination in the process of changing paradigms of knowledge, examines the problems of the spiritual state of society, and establishes the correspondence between the principles of postmodernism and modern reality in the implementation of human self-determination.

Keywords: scientific paradigm, positivism, neopositivism, structuralism, poststructuralism, individual, person, self-determination, freedom, pluralism.

В современном обществе условия жизнедеятельности человека изменяются постоянно, включая как технологические возможности экономической деятельности, так и социальные практики в самом широком значении этого понятия. Информационное общество, известное как концепция с прошлого века, давно стало реальностью. В теоретических прогнозах использовались термины «технотронное», «индустриальное в фазе зрелости», «постиндустриальное», все они относились к тому этапу эволюции общества, когда в результате научных и технических достижений производство товаров уступит приоритет развитию сферы потребления и услуг, а инфор-

мация станет базовым фактором социальной жизни. Важно отметить, что уже тогда возникла дискуссия о противоречивости последствий научно-технической революции, об их влиянии на существование человека. Сегодня очевидно, что развитие технологий влечет за собой не только решение многих проблем, но и появление новых, которые требуют осмысления и преодоления. Ожидания того, что по мере улучшения материального благосостояния общество будет все более нравственным и устремленным к самосовершенствованию, не оправдываются. Способность человека к саморефлексии не гарантирует его стремления к позитивным изменениям, а стремление к свободе зачастую понимается как отказ от всего, что не нравится.

В современном знании об обществе сосуществуют три основные парадигмы, возникшие последовательно, одна за другой. Названия их множатся в зависимости от области знания, поэтому условно обозначим в обобщенном виде специфику этих трех различных методологических подходов, или парадигм:

- объект существует вне исследователя, он отделен от познающего субъекта и не зависит от него (классическая; позитивистская);
- на результат исследования влияют не только сам объект, методы и инструментарий, но и познающий субъект (неклассическая, постклассическая, неопозитивистская, структуралистская, модернистская);
- отрицание универсальных принципов; знания об обществе должны пополняться множеством профессиональных авторских интерпретаций (постнеклассическая, постпозитивистская, постмодернистская, «постсовременная»).

В классической парадигме роль и место личности в обществе объясняется неодинаково, но преобладают представления, унаследованные от мифологии, религиозных доктрин и философских учений. В них человек предстает несвободным, он зависит от Бога, от высших сил, от природы, от провидения, хотя и наделен свободой воли, свободой выбора между добром и злом. Позитивистская социология трактует человека как продукт внешних детерминаций, общественных отношений. Действительно, в сословном обществе жизнь индивида меньше всего зависела от его собственных личностных качеств, а определялась положением в социальной структуре, бытовым укладом, культурными предписаниями. Однако, влияние идей гуманизма, персонализма, стремление к «царству Бо-

жьюму на Земле», или просто к справедливому общественному порядку приводит к тому, что взгляды на роль и место человека кардинально меняются.

Развитие человека провозглашается мерилем общественного прогресса. Например, в марксизме человек рассматривается как самоцель исторического процесса, когда «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Возникает соблазн сформулировать идеал человека, а затем создавать по этой матрице необходимый набор качеств у конкретных индивидов. Историческая практика показала, что это возможно, но неизбежно порождает множество проблем. «Людей производят люди», значит, должны быть те, кто изначально лучше остальных (приближен к идеалу), или кому можно доверить (поручить) воздействие на формирование личности. Противоречивость заложена в методологическом принципе: построить свободное общество через целенаправленное конструирование правильных людей.

Поскольку человек является объектом познания (и деятельности) другого человека, возникает гносеологическая проблема. Человек одновременно и объект, и субъект познания и деятельности. Именно эта заданность и приводит к появлению иной парадигмы. Если классическая парадигма выстраивалась вокруг первой ипостаси (объекта), то перенесение акцента на ипостась субъекта – это уже **не** классическая, а какая-то иная парадигма (что и закрепилось в названии – «неклассическая»).

При всей неоднородности взглядов и теорий неклассического знания, их должно сближать придание особой роли субъекту, повышенное внимание к человеку, к личности.

Общественное развитие в XX в. определено было ориентировано на демократизацию, секуляризацию, «освобождение» человека. Тема роли человека и свободы личности становится одной из главных в совершенно разных социальных и научных контекстах (гуманизм, персонализм, экзистенциализм, феноменология, герменевтика и др.).

Структурализм и неопозитивизм продемонстрировали, как может влиять на результат научного исследования субъект познания, ученый, исследователь. Исходя из объективности существования аналитических структур, в том числе языковых, лингвистических, авторы (К. Леви-Стросс, М. Фуко, Р. Барт, Л. Витгенштейн и др.) создали новый метод исследования – структурный анализ.

Гуманистическая психология предложила рассматривать личность как единую систему. В этой версии человек обладает воз-

возможностью для постоянного развития и самореализации, причем, именно те, кто достигает самоактуализации (реализует свои способности и таланты), максимально полно воплощают человеческую сущность.

Несмотря на то, что стереотипизированные представления о советском периоде прочно связаны с приоритетом общественных интересов на фоне тотального коллективизма, один из главных лозунгов той эпохи – «Всё во имя человека, всё для блага человека». Со школьной скамьи советский человек знал, что «Человек – это звучит гордо» (А. М. Горький).

Роль и значение человека, его возможностей и достижений, конечно, лучше всего подтверждаются примерами великих ученых, знаменитых художников, музыкантов, успешных государственных деятелей, полководцев, тех, кто добился выдающихся результатов в своей деятельности. В XX веке в человеческой истории «опредметился», осуществился вектор демократического развития, стремления к свободе, к самоопределению.

Однако, этот век стал и самым трагичным, достаточно вспомнить две мировые войны. Войны тоже ведут люди. Преступность, терроризм – результат внешних или внутренних «детерминаций» личности?.. Если внешних, значит, человека можно заставить поступать противозаконно и античеловечно. Если внутренних, дело совсем плохо, потому что это уже осознанный выбор, это осуществление свободы выбора в пользу Зла.

Наличие противоречий такого уровня свидетельствует о серьезной проблеме. У верующего человека рассуждения о «великости» человека вызовут только внутреннюю усмешку, в то время как ничтожность человека для него – это данность. Сама жизнь в этом случае – это возможность преодолеть собственную ничтожность, переходя с уровня на уровень.

В секуляризованном социуме человек привыкает жить вслед за своими желаниями, «здесь и сейчас», других измерений он не имеет. Причем, чем больше осуществляются желания и потребности, тем больше вероятность впасть в меланхолию, а то и депрессию.

В научной литературе тема человека неизбежно переходит в тему духовного кризиса и самого человека, и цивилизации. Несмотря на то, что все рецепты давно выписаны, проблема остается актуальной. Человек исследуется все подробнее, но счастливее не становится. Психология, психиатрия пытаются объяснить ситуацию, но все выглядит безнадежно.

Проблема человека притягивает к себе разноплановые курсы, она уже не может оставаться предметом только философии. Бестселлер своего времени, книга нидерландского историка Йохана Хёйзинги «Homo ludens» формально является исследованием истории культуры человечества, представленной как игра. Сам метод – уже провокация, но главное – подтекст, в котором обнаруживается не столько рассуждение историка, сколько наблюдение социолога и философа о природе человека. Другая работа автора «В тени завтрашнего дня», которую он посвятил своим детям, известна гораздо меньше. Оно и понятно, ведь ее поясняющее название – «Диагноз духовного недуга нашей эпохи». Если в первом случае можно спорить о продуктивности авторского подхода (то ли человек унижен до способности только играть, то ли игра возвышена до серьезности человека), то во втором случае обсуждать нечего, поскольку диагноз читается как приговор. Несмотря на то, что работы Хёйзинги написаны в 30-е годы XX века, описанные проявления «духовного недуга» вполне могут быть распространены и на более поздние времена [1].

Не менее характерны для неклассической науки работы американского психотерапевта Эрика Берна, полагающего, что каждый человек имеет свой жизненный сценарий, заложенный в детстве. Но, объясняя «игры, в которые играют люди», разбирая роли и сценарии, автор меньше всего интересен читателю как психотерапевт. Он, скорее, собеседник, который ненавязчиво готов помочь человеку, научить его лучше разбираться в самом себе и в жизненных ситуациях [2].

Еще один пример неклассического, авторского подхода к проблеме человека – работа Виктора Франкла «Человек в поисках смысла» (1972 г.) [3]. Франкл определяет в качестве главной проблемы современного человека утрату смысла жизни («экзистенциальный вакуум»). И, хотя автор – психолог, его книга – о нравственном выборе, о свободе и ответственности, о том, как человеку остаться человеком.

В. М. Лейбин предпринял специальное исследование соотношений между психоанализом и современной западной философией, в котором показал, что, вопреки утверждениям многих психоаналитиков, учение З. Фрейда с момента своего возникновения не только претендовало на широкие обобщения философского характера, но и включало в себя скрытую установку на создание особой психоаналитической философии. Причем, критика психоанализа (К. Ясперс,

М. Шелер, К. Поппер) зачастую приводила к появлению новых философских учений, включающих и психоаналитические идеи [4].

Обобщая, можно сказать, что углубленное изучение человека в социально-философском и гуманитарном знании не дает решения проблем, объединенных понятием духовного кризиса. Плохо, когда человек несвободен, но, во-первых, он не всегда стремится к свободе, а во-вторых, обретая свободу выбора, принятия решений, не всегда с ней справляется.

Нужно было как-то выходить из тупика. Как следует рассматривать человека, как свободного самодостаточного субъекта? Или как одного из множества себе подобных? Как запрограммировать баланс между правильной социализацией и хотя бы безопасной для него самой индивидуализацией?

Приходит время идей и концепций, объединенных впоследствии понятием «постсовременность». Если классическая и неклассическая парадигмы шли вслед за практикой, за самой действительностью, пытаясь её описать и объяснить, то «постсовременная» предвосхищает явления реальности, может быть, даже программирует и моделирует их.

Все, что нужно было сказать о парадигме, как понятии, уже состоялось после выхода работы «Структура научных революций» Томаса Куна. За этим термином могут стоять очень разные идеи, концепции и теории, причем их авторы не всегда подозревают о своей принадлежности к какой-то парадигме. Парадигма идентифицируется не по целостности или единообразию внутри себя, а по различию с иным парадигмальным комплексом.

При всей условности названия «постсовременная», эта парадигма знания отображает процессы становления постиндустриального общества, хотя, как было отмечено выше, не отменяет предыдущие парадигмы. Более того, одно из основных направлений гуманитарного знания – постструктурализм – появляется как нечто после структурализма. Н. С. Автономова считает, что переломный момент в традиции мышления о структуре наступает тогда, когда начинает рассматриваться «структурированность структуры без центра» [5]. Среди теорий, составляющих постструктурализм, ведущая роль принадлежит деконструкционизму, основоположником которого является Жак Деррида [6]. В самом общем плане деконструкционизм представляет собой стиль критического мышления, направленный на поиск противоречий через разбор формальных элементов, поначалу это относилось к анализу литературных тек-

стов, затем Ж. Деррида рассматривает всю европейскую культуру как единый текст, состоящий из множества фрагментов, как «серию блуждающих открыток», символизирующих раскрепощенность и свободу. В практике литературоведческого анализа формируется постмодернистская проблематика: множественность смыслов, интертекстуальность (Ролан Барт) [7]. Постструктурализм деконструирует саму фигуру автора, субъект как таковой. «Смерть автора», «крах персонажа» – характерные для этого направления тезисы, отражающие кризис личностного начала в создании и функционировании текста. Разрушив понятие центра, постструктурализм фрагментировал и человека.

Несмотря на то, что изначально деконструкция и децентрация применялись в отношении знаковых систем, эта практика дала начало формированию не столько научного метода, сколько способа мышления, для которого важно признание распада единства, диверсивности, различности, «принципиального плюрализма» как характеристик развития общества.

Смена парадигм приходится на 80–90 гг. XX века, когда Россия переживала один из самых сложных периодов: в буквальном смысле распад единства (страны, государства, экономики, политической системы, социальной структуры), «плюрализм» стал принципом государственной идеологии, затем последовал отказ от идеологии вообще. В оппозициях «коллективное-индивидуальное», «общественное-личное» все более значимым становится индивидуальное и личное, что вполне закономерно, как реакция на безальтернативность доминирования коллективного и общественного, существовавшего десятилетиями. Отказаться от идеологии все же не получается, складывается вполне постмодернистская реальность, когда сосуществуют разные идеологии, от националистической и неонацистской до коммунистической. Наиболее привлекательной для многих людей выглядит либеральная доктрина. Нежелание быть, как все, осознание собственной идентичности, стремление к самостоятельности, в том числе экономической, – это естественно для человека. Демократические нормы делают его жизнь действительно более свободной: свобода выбора места жительства (когда место фактического проживания может не совпадать с местом регистрации), передвижения (невиданные прежде возможности для международного туризма), свобода вероисповедания, свобода слова, собраний и т.д. Для гражданина постсоветской России возможность не по месту жительства оформить ребенка в детский сад

и школу, или получать медицинские услуги уже много значила. Но самое главное, конечно, обретение чувства собственника, даже если человек владеет небольшой квартирой. Понятно, что «в условии задачи» (либеральной идеологии) заложено стимулирование предпринимательского интереса, приоритета индивидуализма, частной собственности. Все это уже сформировало в западных странах то, что называли «обществом потребления». В данном случае мы не будем обсуждать его достоинства и недостатки, а в контексте исследуемого вопроса отметим, что возможности индивида для построения собственного жизненного «сценария», конечно, расширились. Можно выбирать все: убеждения, идеалы, круг интересов, род занятий, круг общения, сексуальную ориентацию, пол. С развитием высоких технологий возможности самоопределения неизмеримо возрастают, можно ожидать, что в недалеком будущем человек даже сможет «подбирать» необходимые компоненты для совершенствования своего физического тела. Цифровизация экономики, повальное использование гаджетов создают технологическую основу для того, чтобы индивид мог быстро и полно реализовать любые свои потребности (более того, без электронного помощника он может оказаться просто беспомощен). При этом никто не может оценивать или, не дай Бог, осуждать содержание этих потребностей, если только это прямо не нарушает закон. Ведь толерантность – это тоже либерально-демократическая ценность. Однако, никто не может гарантировать рационально-позитивной направленности в самоопределении «автономной личности».

Содержание реальных процессов прямо соответствует третьей парадигме, и множественность, диверсивность воплощается как самодостаточность отдельного. И это не только разрозненность индивидов, «атомизация» общества, но и радикализация индивидуализма, абсолютизация частного по отношению к общему.

Библиографический список

1. Хейзинга, Й. *Homo ludens. В тени завтрашнего дня* : пер. с нидерл. / Й. Хейзинга ; общ. ред. Г. М. Тавризян. – Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
2. Берн, Э. *Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы* : пер. с англ. / Э. Берн ; общ. ред. М. С. Мацковского. – Москва : Прогресс, 1988. – 400 с.

3. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сб. : пер. англ. и нем. / В. Франкл ; общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 368 с.

4. Лейбин, В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / В. М. Лейбин. – Москва : Политиздат, 1990. – 397 с.

5. Автономова, Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках / Н. С. Автономова. – Москва : Наука, 1977. – 269 с.

6. Деррида, Ж. Письмо японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53–57.

7. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; общ. ред. Г. К. Косикова. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.

УДК 02.41.11

А. Г. Мясников¹, Т. А. Мясникова²

¹*Пензенский государственный университет, г. Пенза*

²*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

МИФОЛОГЕМА «ГЛУБИННОГО НАРОДА» КАК НОВЕЙШАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛОВУШКА

Аннотация. Рассмотрена актуальная философская тема свободы в современных российских политических условиях. Она получает конкретизацию в ходе критического анализа политической мифологемы «глубинного народа», которая была представлена в программной статье В. Суркова. Данная мифологема представлена как новейшая интеллектуальная ловушка, препятствующая дальнейшей демократизации российского общества.

Ключевые слова: «глубинный народ», интеллектуальная ловушка, Россия, свобода.

A. G. Myasnikov¹, T. A. Myasnikova²

¹*Penza State University, Penza*

²*Moscow State University. M. V. Lomonosova, Moscow*

THE MYTHOLOGY OF THE "DEEP PEOPLE" AS THE NEWEST INTELLECTUAL TRAP

Abstract. The article deals with the actual philosophical theme of freedom in modern Russian political conditions. This topic of freedom is concretized in the

course of critical analysis of political mythology of "deep people", which was presented in the program article by V. Surkov. This mythology is considered to be the newest intellectual trap preventing further democratization of Russian society

Keywords: «deep people», intellectual trap, Russia, freedom.

В феврале 2019 года много шума в интеллектуальных кругах России произвела статья известного политтехнолога и идеолога Владислава Суркова под названием «Долгое государство Путина». Статья начинается с дерзкого, по словам автора, утверждения: «это только кажется, что выбор у нас есть», которое претендует на «первую аксиому новой российской государственности» [5]. Из этого утверждения можно сделать вывод, что *на самом деле никакого выбора нет, и свобода выбора – это лишь иллюзия!* Таков исходный идеологический тезис современного политтехнолога.

Для современной социально-практической философии рассуждения В. Суркова представляют особый интерес, так как в них содержится много ложных и необоснованных утверждений, претендующих на общественное признание и идеологическую абсолютность. Прежде всего, я хотел бы обратить внимание на «первую аксиому», с которой начинает столичный политтехнолог: «На самом деле никакого выбора нет». Эта так называемая «аксиома» на самом деле является давней мировоззренческой ловушкой, которая сводит жизнь человека и целой общности людей (обычно подневольных) *только* к феноменально-биологическому, полусознательному существованию, т.е. к *полной* зависимости от законов природы и законов государства. Такая зависимость может усиливаться религиозно-мистическими аргументами, типа, «на всё воля свыше» и «мы рабы Божьи», и тем самым превращает людей в послушных подданных или винтиков государственной системы, и лишает жизнь человека собственного смысла [3].

Идеологическая потребность в этой фундаментальной мировоззренческой ловушке возрастает в периоды общественно-политических и экономических кризисов, когда начинает расти социальная напряжённость, недовольство действующей властью, и усиливается общая неопределённость будущего. В таких условиях «аксиома нашей несвободы» оказывается вполне подходящей идеологической установкой как для правящей элиты, которая хочет сохранить своё господствующее положение, так и удобной психотерапевтической установкой для пассивной части общества, которая в свою очередь нуждается в душеспасительных идеях. Так называемая «аксиома нашей несвободы» на некоторое время способна

успокоить разум подданных и принять происходящее как некую неизбежную предопределённость, но такая мировоззренческая позиция в итоге порождает «несчастное сознание», подавляя чувство собственного достоинства и разумное стремление к лучшему [4].

Когда господин Сурков хитроумно утверждает, что россиянам не нужно ничего менять, а надо лишь сохранять «государство Путина», он апеллирует к понятию «глубинного народа», т.е. к простым людям, живущим в российской «глубинке», кое-как выживающим, почти безучастным к происходящему в стране и надеющимся на чудо. И вроде бы есть эти люди, живущие в поволжских, уральских, сибирских и дальневосточных селениях и в других бескрайних землях России... Но в ответ кремлевскому идеологу, как назло, ну как специально, в марте 2019 года якутский шаман Александр Габышев решил идти на Москву, чтобы совершить «обряд изгнания Путина».

Сначала на него не обращали особого внимания, думали, что чудак какой-то решил позабавиться, но когда он за четыре месяца прошел всю Якутию и Бурятию – и о нём заговорили в интернете, в соцсетях, – он стал опасным примером личной свободы. Был бы этот ходок вузовским преподавателем, на него, наверное, побыстрее нашли бы управу, а тут – якутский шаман, который никому не подчиняется, кроме своих высших духов. Да и в теорию крепостного народа он не верит, и не вписывается в неё... Пришлось местным силовикам провести спецоперацию: арестовать шамана, вернуть в родную Якутию, подальше от столицы. Местные власти в спешном порядке признали шамана психически больным, т.е. «дурачком», который сам не знает, что делает.

Интересен тот факт, что арест якутского шамана произошёл через неделю после сентябрьских выборов, которые показали рост протестных настроений россиян и значительную потерю авторитета партии власти. И еще более интересно то, что в октябре 2019 года «Левада-Центр» получил новые результаты всероссийского опроса, касающиеся отношения россиян к происходящему в стране. Уже не 90 %, а только 58 % опрошенных сказали, что «от нас ничего не зависит в стране», и такое изменение умонастроений произошло всего лишь за два года [1]. Получается, что якобы несвободный «глубинный народ» начинает роптать по своей воле (не по заграничным подсказкам), а возможно (на примере якутского шамана) и по воле высших духов. Этот народ начинает требовать обновления и улуч-

шения своей жизни, и эти реальные действия легко опровергают умозрительные конструкции политтехнологов, и наглядно доказывают истинность тезиса о том, что **человек всегда может быть свободен, если захочет**. И народ, состоящий из свободных личностей-граждан, также самостоятельно решает: как ему жить? Ради чего жить и умирать?

Таким образом, рассуждения о «глубинном народе», от которого якобы ничего не зависит в нашей стране, являются новейшей интеллектуальной ловушкой, направленной на хитроумное сохранение действующей системы властно-политических отношений. Но такие мировоззренческие установки противоречат действующей Конституции РФ, признающей каждого гражданина свободной личностью (Статьи 2, 3, 17, 18), и препятствуют дальнейшей демократизации и совершенствованию российского общества.

Библиографический список

1. Ответственность и влияние // Левада-центр от 22.10.2019. – URL: <https://www.levada.ru/2019/10/22/otvetstvennost-i-vliyanie-3/> (дата обращения: 15.11.2019).

2. Мясников, А. Г. Право на ложь как ловушка для свободы / А. Г. Мясников // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 174–186.

3. Мясников, А. Г. Происхождение, структура и функции ловушек для свободы: социально-философский анализ / А. Г. Мясников, В. В. Константинов, М. А. Чернецов, Т. А. Мясникова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8, № 2А. – С. 158–170.

4. Мясников, А. Г. Современное философское осмысление сказки А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» / А. Г. Мясников // CREDO new. – 2017. – № 3. – С. 77–84.

5. Сурков, В. Долгое государство Путина / В. Сурков. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

Э. А. Шевцова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕВЕНЦИИ КАК ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Рассмотрены основные тенденции социально-философского исследования проблем социальной превенции в современном российском обществе: диалектика социального государства и социальной превенции; определение принципов взаимосвязи превенции и индикации качества социальной жизни в современном обществе; определение основ проблемы соотношения воспитания и социальной превенции.

Ключевые слова: социальная превенция, социальное государство, качество социальной жизни, социальное воспитание, индикация качества.

E. A. Shevtsova

Penza State University, Penza

THE MAIN TENDENCIES OF THE SOCIAL PREVENTION'S PHILOSOPHICAL STUDY AS A PHENOMENON OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the main trends in the socio-philosophical study of the problems of social prevention in modern Russian society: dialectics of the social state and social prevention; definition of the principles of the relationship between prevention and the indication of the quality of social life in modern society; definition of the foundations of the problem of the correlation of upbringing and social prevention.

Keywords: social prevention, social state, quality of social life, social education, quality indication.

Содержание русской философии социальной превенции составляет процесс осмысления социальных проблем общества, его результатов и направляющих его теоретических побуждений. Методологические основы русской философии социальной превенции, определяя изучение мировосприятия и духовно-нравственного настроения российского общества, способствуют созданию системы исследования социальных проблем российского общества, как постановкой проблем социальной превенции, так и обоснованием ценности для общества процесса её совершенствования и развития.

Первой тенденцией философского анализа является раскрытие диалектики социального государства и социальной политики в исследовании социальной превенции. Диалектика социального развития и социальной превенции выступает как методологический принцип исследования любых тенденций, особенностей и проявлений превенции и анти-превенции в современном российском обществе. Абстрагированное выявление такой диалектики должно стать основой исследования её конкретных форм и частных случаев.

Но эти частные случаи исследования не могут выбираться произвольно, поскольку их выбор определяется традицией философского интереса в русской социальной мысли к тем сторонам общественной жизни, которые традиционно считаются приоритетными для социально-превентивной деятельности, и исследование которых определяет содержание русской философии социальной превенции. Речь может идти об определённом уровне социальных явлений современного российского общества, на котором предполагается рассмотрение социальной превенции и как сущего, и как должного [1, 178–179].

Направлением исследования может стать, с одной стороны, идея соотношения государства и общества, общества и личности, государства и личности в осуществлении социальной превенции. С другой стороны, идея изменения роли, форм и степени участия государства в социальной превенции исходит из предположения о том, что именно социальное государство в большей мере разделяет с обществом участие в осуществлении социальной превенции, тогда как на более ранних этапах истории общества присутствует полное или почти полное «огосударствление социальной превенции».

Эти идеи обнаруживают себя при рассмотрении структуры русской философии социальной превенции и предполагают уточнение и конкретизацию с обращением внимания на проблемы современного социального государства в России.

При этом акцент в понимании социальной превенции делается на её достижение (или её отсутствие) как результат действия (или бездействия) государства и институтов гражданского общества (этим вопросам в русской социальной философии начала XX века уделялось большое внимание), а также как результат детерминирующего воздействия внешнеполитических и геополитических, а также макроэкономических факторов, которые проявляются на уровне деятельности институтов государства.

Второй тенденцией философского исследования социальной превенции как феномена современного российского общества явля-

ется определение принципов взаимосвязи превенции и индикации качества социальной жизни в современном обществе. Исследование такой направленности будет антропологическим (человеческим) измерением социальной превенции, поскольку предполагает социально-философское осмысление социальной превенции как состояния социальной жизни человека [2, 215–216].

В этом случае философская и социальная антропология становятся методологией исследования превентивных тенденций в социальной жизни современного российского общества, которое объединяет различные аспекты антропологической проблематики качества социальной жизни человека в обществе. Таким образом, представляется обоснованным рассмотрение аспектов этой проблематики, имеющих отношение к мировоззрению человека, его когнитивным особенностям, социальному поведению, морально-нравственным ориентирам и др.

Такая индикация качества социальной жизни не ограничивается уровнем рассмотрения осуществляемой государством социальной политики, а предполагает выявление её взаимодействия с социальной превенцией на уровне конкретно-научного анализа. Методологической основой социально-философского исследования превенции как универсального индикатора качества социальной жизни человека становится, с одной стороны, деятельностный, бытийный подход, а с другой стороны, концепция гуманизации социальной жизни современного общества.

Исследование социальной превенции реализуется через деятельностный подход, а рассмотрение социально-превентивных направлений гуманизации социальной жизни – через бытийный подход.

Сочетание двух методологических подходов проявляет себя при рассмотрении социально-психологических аспектов превенции – «*психосоциальной превенции*», в основе которой предположения о сублимации как превенции; изоляции как конкретном психосоциальном состоянии превенции; психосоциальной работе как профессиональной деятельности и знании психосоциальных особенностей и проявлений социальной превенции (В. Н. Келасьев, П. Д. Павленок, М. В. Фирсов, Т. Шанин, В. Н. Ярская и др.).

Рассмотрение этих и других аспектов можно представить как философскую интерпретацию состояния «*психосоциальной составляющей*» социальной превенции в современном российском обществе, которая является показателем индикации качества социальной жизни человека.

Вопрос о социальной превенции и индикаторах качества социальной жизни современного общества возвращает исследование к проблеме соотношения социальной превенции и социальной справедливости.

Мы исходим из того, что первоначальным предметом справедливости считаются основные структуры общества или направление, в котором основные социальные институты сочетают в себе фундаментальные права и обязанности людей и детерминируют разделение между ними преимуществ социального сотрудничества и социальной солидарности.

Принципы справедливости для социальных институтов не следует отождествлять с принципами, которые применимы к индивидам и их действиям под влиянием конкретных социальных обстоятельств. Эти два вида принципов применимы к различным сторонам индикации качества социальной жизни в современном обществе и предполагают отдельное исследование каждого из них.

Поскольку содержанием и направленностью социальной превенции является «очеловечение человека», реализация его сущностных сил, то социально справедливым, т.е. индикатором качества социальной жизни современного общества, может быть признано всё то, что с точки зрения социально-превентивной деятельности в обществе способствует развитию родовой сущности человека.

Третьей тенденций философского исследования социальной превенции как феномена современного российского общества является определение основ проблемы соотношения воспитания и социальной превенции. Социальная превенция как состояние общества, как качество («индикатор») социальной жизни не может быть только продуктом деятельности институтов государства, имея в виду социально-превентивную направленность государственной социальной политики.

Социальная превенция должна быть конкретной характеристикой деятельностной сущности человека, т.е. социально-превентивная активность человека может быть только результатом её формирования, результатом воспитания ценностей и норм социально-превентивной деятельности у человека.

Исследовать содержание и направленность такого воспитания можно, обращаясь к методологическим принципам воспитания, раскрытым в русской социальной философии, и приняв за основу идею соотношения воспитания и превенции.

Русская философия воспитания, в частности, философско-педагогические идеи Н. И. Пирогова интересна не столько тем, что в ней содержатся практические рекомендации по воспитанию индивидов, которые сохраняют свою актуальность и применимость в воспитательных практиках современного российского образования, сколько тем, что в ней раскрывается методология исследования воспитательной деятельности.

Так, Н. И. Пирогов интересен для исследования выбором своей парадигмы воспитания как результата соотнесения целей и задач воспитания с реалиями современного ему общества. Методология исследования раскрывается в обосновании способа корреляции содержания воспитания с содержанием и условиями жизни общества в целом; в определении соотношения воспитания и превенции в обществе.

Эффективность воспитательной деятельности зависит не от самого воспитательного процесса, применяемых воспитательных технологий и др., а от того, насколько воспитательная деятельность детерминирована даже не профилактическими, а, прежде всего, превентивными действиями со стороны различных субъектов воспитательной деятельности.

В противном случае, воспитание предстаёт как абстракция, как действие само-для-себя и само-в-себе, не достигающее своих целей и, скорее всего, малорезультативное или даже, в конечном счёте, безрезультативное.

Проблема исследования заключена в преодолении смыслового противоречия, состоящего в том, что даже узко понимаемые профилактические действия, а тем более, широко понимаемая превентивная деятельность, не являются и не могут являться составляющей собственно воспитания, поскольку у них иные, отличные от воспитания, цели, задачи и способы осуществления.

Так, к примеру, философское обоснование проблемы обеспечения безопасности человечества и национальной безопасности России может быть дано в контексте философского рассмотрения проблемы воспитания социальной превенции. Но, если не ставить проблему столь широко, то следует конкретизировать рассмотрение проблемы социальной безопасности рассмотрением философских корней социального образования как формы социальной превенции в контексте достижения социальной безопасности.

В этом случае профилактика и превенция становятся если не детерминантами, то своего рода гарантом воспитания. Кроме того, противоречие состоит и в том, что превенция и воспитание как ви-

ды деятельности значительно различаются по своим субъектам. Философия Н. И. Пирогова и других русских мыслителей интересна именно способами осмысления и разрешения этого противоречия [3, 120–122].

Таким образом, акцент исследования смещается с философии воспитания социальной превенции (воспитание социальной превенции как раз и следует из признания этого противоречия и необходимости его преодоления) на философию воспитания в контексте социальной превенции, т.е. на философию воспитания как «иного» социальной превенции и как своеобразного продукта превентивных усилий общества в различных направлениях (экстремизм, интолерантность, расизм и др.) [4, p. 315–316].

Такой подход даёт методологическое обоснование идее воспитания у человека потребности в социальной превенции, т.е. философия воспитания социальной превенции предстаёт как частный момент философии воспитания в одном случае и философии социальной превенции в другом случае.

Возможно, другим частным случаем может стать философия воспитания превентивности (воспитания превентивного поведения), но тогда её следует различать и не отождествлять с философией превентивного воспитания. Иначе получается, что есть «превентивное» и «непревентивное» воспитание, а если это так, то возникает вопрос о критериях их разграничения.

Таким образом, мы видим, что русская философия социальной превенции способствует утверждению в исследованиях социальных проблем современного общества идеи взаимной связи социальных явлений, формирует представления об основах понимания динамики социальной жизни.

В содержании русской философии социальной превенции обнаруживаются две её составляющие, существенно различающиеся по принципам их методологического обоснования. Первая составляющая предстаёт собственно спекулятивной, метафизической, отражающей практическое или этическое понимание задач исследования социальных проблем современного общества. Отличительной чертой второй составляющей является развитие представления о социальной превенции как о науке, теории. Такая составляющая получает название позитивно-философской или конкретно-теоретической.

Поиск направлений восстановления традиции отечественного социального философствования по проблемам превенции в современном обществе приобретает в этом случае не только мировоз-

зренческий, но и логико-теоретический, а также методологический интерес.

Библиографический список

1. Тугаров, А. Б. Философия социальных ценностей: единство солидарности, взаимопомощи и социальной превенции / А. Б. Тугаров, А. В. Очкина, Т. А. Николаева, Э. А. Шевцова // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 1-2. – С. 172–182.

2. Шевцова, Э. А. Религиозная антропология В. И. Несмелова как методология русской философии социальной превенции / Э. А. Шевцова, А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 9, № 1-3. – С. 215–219.

3. Шевцова, Э. А. Идея превенции в философско-богословских взглядах Н. И. Пирогова / Э. А. Шевцова, А. Б. Тугаров // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11, № 1-3. – С. 118–129.

4. Chung, H. Subjective insecurity and the role of institutions / H. Chung, S. Mau // Journal of European Social Policy. – 2014. – Vol. 24 (4). – P. 303–318.

УДК 101.1:316

М. А. Антипов

*Пензенская духовная семинария
Пензенской епархии Русской православной церкви, г. Пенза*

ЛИМИНАЛЬНОСТЬ КАК ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Посвящена существованию человека в современном мире. Данная проблема интерпретируется через понятие лиминальности. Оно определяется как переходное состояние чистой потенциальности. Далее раскрываются проявления данного состояния в данное время. Сделан вывод о потенциальных рисках и возможностях, порождаемых лиминальным состоянием.

Ключевые слова: лиминальность, информационное общество, постструктурализм, идентичность.

M. A. Antipov

Penza Orthodox Theological Seminary, Penza

LIMINALITY AS A PERSON'S POSITION IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article is devoted to human's being in modern world. Author is interpreting this problem through the concept «limiting». It is defined as pure potentiality transient condition. The following manifestations of this condition are bringing out. The conclusion is made about the potential risks and opportunities posed by the liminal condition.

Keywords: limiting, information society, post-structuralism, identity.

Текущий век и информационно-технологические достижения связаны с развитием цифрового виртуального пространства, составляющего все более серьезную альтернативу исконной реальности.

Современное состояние как общества, так и человека можно назвать лиминальным, что позволяет раскрыть его противоречивость и неоднозначность. Само понятие лиминальности впервые было употреблено для обозначения промежуточной ступени неофита, проходящего обряд инициации, когда он вышел из своего предыдущего состояния, прошлого уровня существования, но не вышел на новый, качественно более высокий [1, 390]. Данный уровень существования характеризуется открытостью для новых форм бытия, чистой потенциальностью. Это символическая смерть, когда человек находится между «до» и «после». У Тернера лиминальность ассоциируется с состоянием чистой потенциальности к формированию принципиально нового состояния [2; 236, 240]. Таким образом, лиминальность – это не просто пограничность или маргинальность, а состояние промежуточности, ведущее к открытию новых граней существования личности.

Но, если в обрядах инициации вторая лиминальная стадия закономерно завершается выходом на требуемый уровень существования, то лиминальность как характеристика существования индивида в повседневной жизни, его сознания, а также общества в целом, означает пребывание в такой промежуточности в течение длительного времени. Это существование на грани, своего рода «травеолог» или путешествие от одного концептуального персонажа (временной маски идентичности) к другому (другой временной маске идентичности). На уровне общества лиминальность означает отсутствие достаточного набора качественных параметров, призна-

ков, характеристик, по которым конкретный социоисторический организм можно было бы отнести к одному из типов общества хотя бы с небольшой долей определенности. Так, наше современное общество сочетает в себе элементы архаики и модерна, капитализма и феодализма, традиционности, индустриальности и постиндустриальности. Если представить образно, то это уже не четкая структура наподобие атомарной решетки или садово-паркового ансамбля, а скорее пластичное непрерывно изменяющее свои очертания, структурные связи и набор составляющих элементов образование, в развитии которого трудно установить какие-либо законы, а, значит, идеалы классической научной рациональности к его интерпретации неприменимы.

Лиминальность применительно к обществу выражается в промежуточном нахождении между архаикой, модерном и постмодерном; феодализмом и капитализмом; традиционностью, индустриальностью и постиндустриальностью.

Если исходить из постмодернистского представления о том, что личность проявляет себя в социуме посредством дискурса [3, 129], конструируя при этом свою идентичность с помощью различных языковых форм, то можно говорить о производстве в ходе дискурсивных практик не только текстов, но и гипертекстов, т.е. текстов, напоминающих бесконечные «матрешки». Определение своей я-концепции, состоящей из множества идентичностей, конструирование очередного концептуального персонажа, актуального в данный момент жизненного пути личности, возможно и посредством средств, предоставляемых глобальной цифровой паутиной. Репрезентация себя в аккаунте социальной сети, например через формулирование статуса или краткой информации о себе означает четкое определение своего Я, ответа на вопрос «кто я есть». Позиционирование себя как носителя определенных социальных ролей также означает определение и конкретизацию Я-концепции. Личность позиционирует себя в таком свете, в котором хочет себя видеть, а прежде всего, хочет, чтобы так ее видели другие.

Условия «глобальной деревни» [4] дают каждому из нас возможность составлять я-концепцию из совершенно эклектичных элементов и делать отсылки с одного текста на другие. Например, сейчас никого не удивит, если Иванов Иван идентифицирует себя этнически как русского, конфессионально – как пастафарианца (пародийная квазирелигия), в досуговом плане – как любителя йоги и медитаций, в политико-идеологическом как монархиста, в этическом – как сторонника трансгуманизма и биохакинга. И все это ре-

презентируется определенным образом в аккаунтах социальных сетей, где он зарегистрирован. При этом гипертекстуальность проявляется, во-первых, в отсылках с аккаунта в одной социальной сети на аккаунты в других сетях или на ютуб-канал, а во-вторых, в возможности перейти в сообщества, в которых состоит Иванов, а также в аккаунты его виртуальных друзей и носителей тех же идентичностей, что и он.

Если следовать постструктуралистским установкам, то личность существует для себя самой в разнообразных дискурсах. Иными словами, индивид чувствует себя живым, полноценным, существующим, реальным, когда он выражает себя в различных формах текста, создаваемых из знаков того или иного языка, и удостоверяется в том, что его дискурсивные практики воспринимаются другим и вызывают у другого определенную реакцию. Это может быть устная речь и письмо, мимика и пантомимика, визуальные изображения себя, фото и видео, записи голоса, танцевальные движения, песенное искусство, картины, кино, видеоарт и многое другое. Формы выражения себя могут быть самыми разнообразными.

При этом, значительная их часть в наше время цифровизации и поколения постмиллениалов приходится на интернет-пространство. Активный интернет-пользователь живет одновременно в двух мирах – в константном и виртуально-диджитальном, и осуществляет себя в дискурсивных практиках и в одной реальности, и в другой. И обе они являются одинаково значимыми для поддержания чувства самотождественности (аутентичности), пусть даже это чувство на деле часто оказывается иллюзией. Когда человек по тем или иным причинам лишается возможности коммуникации, реализации своих потребностей в общении, признании, доверии, то это вызывает состояние отчужденности от социума. Индивид начинает испытывать свою неполноценность, блокированность, лишенность чего-то важного и необходимого для нормального существования. К обозначению подобного состояния также вполне применимо понятие лиминальности, то есть пограничности. Как и в первых трактовках термина «лиминальность» как срединной фазы между началом обряда инициации и его завершением, означающем возрождение к новой жизни и получение новых возможностей, так и здесь временная цифровая смерть создает возможности для реализации себя в сфере часто игнорируемого поколением «Z» живого общения.

Таким образом, лиминальность положения личности в информационном обществе проявляется как пребывание между множеством различных идентичностей, называемых в постмодернизме

концептуальными персонажами, а также как нахождение между константной и виртуальной реальностями [5]. Такое положение личностей на макросоциальном уровне проявляется в тенденциях деинституализации, размывании традиционных социальных норм и связей. Общество приобретает характер мерцающих структур, вспыхивающих на короткие промежутки времени и исчезающих, оставляя место другим временным локальным структурам. Ключевые традиционные институты остаются и сохраняют свое значение, но теряют свое постоянство, меняют свои формы и очертания. Личность в подобных социокультурных условиях, с одной стороны получает широчайшие перспективы для самоопределения и самореализации, а с другой – множество рисков, связанных с утратой аутентичности, деиндивидуализацией, утратой себя и ориентиров существования.

Библиографический список

1. Van Gennep, A. Review of E. Durkheim “Les Formes élémentaires de la Vie religieuse” / A. Van Gennep // *Mercure de France*. – 1913. – № 101 (374). – P. 389–393.
2. Turner, V. *Betwixt and between. The liminal period in rites of passage* / V. Turner. – URL: <http://www2.fiu.edu/~ereserve/010010095-1.pdf> (дата обращения: 18.04.2019).
3. Делёз, Ж. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато / Ж. Делёз, Ф. Гваттари ; пер. Я. Свирского. – Екатеринбург : У-Фактория, Москва : Астрель, 2010. – 896 с.
4. Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 432 с.
5. Юхвид, А. В. Философские проблемы виртуальной реальности в творчестве, искусстве и образовании. Правовые аспекты использования виртуальных технологий / А. В. Юхвид. – URL: <http://thecoolhunter.ru/architecture/article87.php>

М. В. Кузнецов

Пензенский государственный университет, г. Пенза

СУЩНОСТЬ МНОГОМЕРНОГО ПОДХОДА КАК ИНСТРУМЕНТА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Аннотация. Рассматривается многомерный подход к исследованию религиозности. Религиозность представляется как некоторая целостная система, которую возможно оценить посредством разложения на несколько измерений. Сделан вывод о том, что большинство исследователей в данной области выделяют следующие измерения: веру; практики и ритуалы; знания. Несмотря на то, что в научном сообществе нет полного единства по этому вопросу, данный метод стал одним из основных инструментов исследования религиозности.

Ключевые слова: религия, религиозность, уровень религиозности, измерение религиозности.

M. V. Kuznetsov

Penza State University, Penza

THE ESSENCE OF THE MULTIDIMENSIONAL APPROACH AS A TOOL FOR THE STUDY OF RELIGIOSITY IN THE SOCIAL SCIENCES

Abstract. This article discusses a multidimensional approach to the study of religiosity. Religiosity is represented as a complete system that can be evaluated by decomposing it into several dimensions. It is concluded that most researchers in this field distinguish the following dimensions: faith; practices and rituals; knowledge. Despite the fact that there is no complete unity in the scientific community on this issue, this method has become one of the main tools for the study of religiosity.

Keywords: religion, religiosity, level of religiosity, measurement of religiosity.

Происходящие в современном мире социальные и культурные трансформации в условиях глобализации опровергают истинность недавнего прогноза ряда ученых о неизбежном отмирании религии и исчезновении религиозных институтов. Еще совсем недавно сторонники теории секуляризации, среди которых можно отметить Б. Вилсона, Т. Лукманна и др., указывали на неизбежность упадка традиционных форм религиозного сознания в результате научного, экономического и технического прогресса в обществе. Согласно их теории, религия должна была утратить свое влияние на обществен-

ную и политическую жизнь сразу же, как только общество адаптируется к ценностям модернизации. Современные исследования в области социальных наук показывают, что выводы и прогнозы теоретиков секуляризации не имеют широкого подтверждения, а описываемые тенденции наблюдаются в основном в Западной Европе.

Очевидно, что сам образ бытия современного социума все же оказывает определенное разрушительное воздействие на традиционные формы религиозной жизни и поведения, что сказывается также и на роли религиозных институтов в нашем обществе. И, тем не менее, П. Бергер, который некогда сам был приверженцем теории секуляризации, отмечает, что «было бы абсолютно неверным утверждать, что сегодня мы живем в секулярном обществе. Современный мир, за некоторыми исключениями, остается таким же в высокой степени религиозным, как и всегда, а в ряде случаев – даже более, чем всегда» [2, 2]. Как показала действительность – модернизация не ведет в обязательном порядке к упадку религиозности. Даже в социумах, подвергшихся значительной модернизации, таких как Европа, религия сохранила свое присутствие, особенно в сфере индивидуального религиозного сознания.

Происходящие сегодня процессы в социальной, политической, культурной жизни общества подтверждают, что религия и сегодня остается значимым социальным фактором. Сейчас явно прослеживаются тенденции возрождения интереса к религии (как традиционной, так и новым религиозным движениям) в США, на Ближнем Востоке, в Южной Америке, Восточной Европе (включая Россию) и ряде других географических областей мира, а технологический прорыв в области коммуникации позволил религии и религиозным сообществам и объединениям стать реальностью глобального масштаба. Сегодня ученые уделяют значительное внимание анализу природы и способов трансформации религии и религиозности во всем многообразии проявлений. Вне зависимости от того, какую из многочисленных дефиниций религии мы предпочитаем, – несомненно, что мы имеем дело с феноменом, характеризующимся множеством аспектов и измерений. За последние десятилетия исследователи социального и психологического аспектов религии приложили много усилий для концептуализации и оценки религиозного поведения, обусловленного наличием у индивида религиозного сознания. Дискуссии о сущности данного феномена перешли от простых споров о том, является ли религиозность неким унитарным феноменом либо же многомерным конструктом, к более де-

тальным исследованиям, кульминацией которых становится синтез различных теоретических структур и моделей, созданных именно с целью изучения данного комплексного явления. Для того, чтобы иметь полное представление о достижениях исследований в рассматриваемой области и увидеть, в каких сферах секуляризация достигла определенного прогресса, необходимо принять во внимание ряд релевантных теорий.

Существует множество определений религии. Так как единого и общепринятого всем научным сообществом определения нет, то сущность феномена для разных людей может представляться абсолютно разной. Как отмечает Д. Троруэр, первым, с чем приходится сталкиваться человеку при попытке ответить на данный вопрос, станет многообразие вариантов ответа на него. Далее последует осознание того, как мало общего (или вообще ничего) все эти ответы имеют между собой. И, наконец, человек приходит к выводу, что, несмотря на различия, все имеющиеся теории очень тесно связаны с конкретным культурным и цивилизационным контекстом [5, 202]. Иными словами, в зависимости от отдельно взятого культурного и социального контекста с характерной именно для него ценностной и идеологической моделью люди по-разному воспринимают сам феномен религии. Даже в рамках одной и той же религиозной традиции существуют различные варианты интерпретации значения религии для общества и ее влияния как на отдельного индивида, так и на социум в целом. Религиозные учения невозможно рассматривать как монолитные системы: такой подход наталкивается на непреодолимую сложность при столкновении с многообразием проявлений религиозного опыта и его влиянием на социальное поведение личности. Ретроспективный взгляд на историю человеческой цивилизации доказывает, что религиозные системы являются не статичными, а динамическими явлениями. Во многом именно эта динамика и позволяет религии играть важную роль во все времена как на уровне личностном, так и общем социальном.

Любой феномен, настолько же комплексный, как религия, должен быть многомерным в своей сущности, так как религия затрагивает проблему высших ценностных устремлений индивида и имеет отношение и к личной, и к социальной идентичности как на уровне эмпирически воспринимаемой действительности, так и области метафизического. Г. Ленски, один из первых исследователей многомерной природы религиозности, предложил четырехмерную модель. С точки зрения содержания он определяет эти уровни следующим образом:

- 1) ассоциативный уровень – принимается во внимание степень внешней вовлеченности в молитвенную практику;
- 2) «общинный» уровень – рассматривается взаимоотношение верующих на уровне общин и объединений;
- 3) доктринальный уровень – степень осознанного интеллектуального приятия единой доктрины конкретного вероучения;
- 4) осознанная приверженность – личное общение с объектом религиозного поклонения посредством молитвы, медитации, обусловленных поведенческих моделей и т.д. [4, 23].

Рассмотренная модель, таким образом, включает в себя когнитивный, реляционный, поведенческий и культовый компоненты.

Несколько позже Ч. Глок предложил свою пятимерную модель описания социального поведения, базирующегося на религиозном сознании. Он отметил следующие пять измерений, которые, по его мнению, являются основными и одинаково присущими различным системам вероучений:

- 1) опытное измерение – субъективный эмоциональный религиозный опыт, отражающий личную религиозность;
- 2) ритуалистическое – участие в религиозных практиках, действиях, ритуалах, например, посещение богослужений и молитвенных собраний;
- 3) идеологическое – принятие определенной системы верований;
- 4) интеллектуальное – знания о своей вере и ее предмете, общая информированность;
- 5) последствия – результаты и влияние четырех предыдущих уровней на мышление и поведение индивида [3, 39].

Данную модель Глока можно считать классической в рамках многомерного подхода к изучению религиозности, которая впоследствии обусловила появление более развернутых моделей, включающих в себя до десяти уровней, и повлияла на ход исследований в области эмпирического анализа религиозности, ставшего одним из популярных направлений западной социальной философии, социологии и философии религии XX века.

В рамках рассматриваемого в данной статье многомерного подхода религиозность рассматривается как некоторая целостная система, которую возможно оценить посредством разложения на несколько осей (измерений). Консенсус относительно того, какие именно измерения должны составлять понятие религиозности, так и не был достигнут. Однако можно сказать, что большинство исследователей в данной области выделяют следующие оси: веру; прак-

тики и ритуалы; знания [1, 104]. Данный метод стал одним из нескольких основных инструментов исследования религиозности в XX–XXI вв., способствующим более глубокому пониманию процессов и трансформаций современного мультикультурного общества и возможности их прогнозирования.

Библиографический список

1. Пруцкова, Е. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности / Е. В. Пруцкова, К. В. Маркин // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 95–105.
2. Berger, P. The Desecularization of the World, Resurgent Religion in World Politics / P. Berger. – Washington, 1999. – 146 p.
3. Glock, C. Y. On the Study of Religious Commitment / C. Y. Glock // Religions Influence in Contemporary Society, Readings in the Sociology of Religion. – Ohio, 1972. – P. 38–56.
4. Lenski, G. The Religious Factor, a Sociological Study of Religions Impact on Politics, Economics and Family Life / G. Lenski. – Connecticut : Greenwood Press, 1961. – 381 p.
5. Thrower, J. Religion: The Classical Theories / J. Thrower. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1999. – 224 p.

УДК 101

В. В. Суркова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. Показано, что самыми влиятельными факторами идентификации в современном обществе становятся средства массовой коммуникации и разнообразные информационные технологии. Именно они определяют символические интерактивные матрицы, которые конструируют восприятие окружающей реальности; формируют единое информационное пространство, делая актуальным вопрос межкультурной коммуникации; способствуют «омассовлению» потребностей, вкусов, ценностных ориентаций людей; трансформируют гендерную культуру.

Ключевые слова: идентичность, социокультурная идентичность, социальный феномен, социально-философское знание.

V. V. Surkova

Penza State University, Penza

IDENTITY AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEM

Abstract. The author deals with the problem of human self-determination in the changing socio-cultural space. She shows that the most influential factors of identification in modern society are mass communication and a variety of information technologies. They define symbolic interactive matrices that construct the perception of the surrounding reality; form a single information space, making the issue of intercultural communication relevant; contribute to the "massing" of people's needs, tastes, value orientations; transform gender culture.

Keywords: identity, socio-cultural identity, social phenomenon, social and philosophical knowledge.

Хорошо известно, что феномен идентичности исследуется многими науками, поскольку он имеет отношение к различным сферам жизнедеятельности человека и функционирования общества. При этом термин «идентичность» в научных исследованиях используется как универсальный в силу того обстоятельства, что идентичность соотносима как с человеком, так и с природным миром.

В свою очередь, в логике сложилась традиция, которая идёт от Г. Фреге и Б. Рассела, употреблять термин «идентичность» в контексте рассмотрения отношений обозначения, соотносящих имя и объект, строящихся по принципам однозначности, предметности, взаимозаменяемости [1, 110–111].

В контексте социально-гуманитарного знания идентичность относится, как к индивиду, так и к группе людей. Так, проблематика идентичности в социологии первоначально обнаруживалась в статусно-ролевых концепциях личности и проявляла себя в необходимости определения соответствия предписываемого социального статуса нормативной роли и её ролевому исполнению.

В психологии термином «идентичность» обозначается один из важнейших элементов структуры личности человека: исследуются психические механизмы процесса идентификации [2, 142–143]. Считается, что частота использования данного термина в психологии соотносима с его применением в социальной философии.

Социально-философский интерес к исследованию проблем идентичности объясняется тем, что в современном обществе наблюдается кризис идентичности. Он проявляется в том, что про-

исходит трансформация факторов идентификации, а изменения касаются как индивидуальной идентичности, так и коллективной. В этой связи П. Рикер считает, что появляются новые и более значимые для идентификации институты современного общества, а также вспоминаются и возрождаются старые, забытые и, в какой-то мере, архаические социальные институты [3, 4].

По мнению исследователей, идентичность становится более сложной, модульной, изменчивой, часто неуловимой. Идентичности могут быть рассмотрены в ретроспективе как взаимодополняющие друг друга в ролевом описании идентификационных механизмов, формирующихся на разных структурных уровнях личности (формирования идентичности – психоанализ, подтверждения – символический интеракционизм и когнитивная психология, предъявления – статусно-ролевые концепции в социальной психологии и социологии личности) и посредством различных социализирующих сценариев [4, 6–7].

В научных и социально-философских исследованиях идентичность понимается как важный элемент структуры личности; субъективное чувство соответствия самому себе; сохранение биолого-психологического равновесия и фактор развития личности. Такая вариативность понимания феномена идентичности определяет особенности социально-философского исследования структуры и содержания категории идентичности.

Если исследователь рассматривает категорию идентичности в широком контексте научного дискурса, то он может соотнести её с понятием «тождества» и определить как одинаковость, сходство предметов друг с другом в какой-либо совокупности характеристик.

Мы исходим из того, что термин «идентичность» многофункционален, часто употребляем в научно-философских исследованиях и предполагает при использовании дифференциацию по содержанию, которое он отражает. Дифференциация в использовании данного термина связана с тем, что социальная обусловленность феномена идентичности позволяет разделить её на два основных вида: личностную и групповую.

Такое деление становится основанием для соотнесения в исследовании физиологической и социальной идентичности. Что касается физиологической идентичности, её нельзя изменить в зависимости от пожеланий человека, она является врожденной. К ней относятся такие черты, как голос, внешность, физические данные и др. На эти признаки физиологической идентичности накладываются признаки, приобретённые человеком в процессе социализации.

Социально-философский подход к проблеме идентичности проявляет себя, прежде всего, при рассмотрении различных аспектов социальной идентичности. Согласно О. А. Леонтович социальная идентичность представляет собой аспект «личности коммуниканта», состоящий из совокупности социальных ролей, которые она играет в обществе. Социальная идентичность включает расовую, этническую, возрастную, профессиональную и другие формы идентичности [5, 8–10].

Таким образом, из совокупности социальных ролей, выполняемых в обществе, складывается социальная идентичность личности. Такой методологический подход к исследованию проблемы идентичности позволяет считать базовыми параметрами социальной идентичности возраст, пол, расу, этническую принадлежность и социальный статус.

Вместе с тем, помимо определения базовых критериев, характеризующих жизнедеятельность человека в современном обществе, необходимо понимание духовно-нравственных оснований социальной идентичности. В этом аспекте исследования социальную идентичность можно разделить на социокультурную и духовную идентичность.

Духовная идентичность представляется как усиленная реализация собственной личности, а именно совершенного человека, в окружении идеального общества. Характеристикой духовной идентичности человека можно считать самоопределение во времени и истории. Предметом социально-философского исследования при этом будет поиск бесконечного смысла конечной жизни человека.

В свою очередь, содержанием социокультурной идентичности становится понимание человеком своего реального места в природе и в социальном мире. Предполагается разграничение между «своими» и «чужими». Можно определить круг лиц, с которыми индивид действительно (по социальному происхождению, общественному статусу и др.) связан и осознанно идентифицирует себя [4, 17].

Исследование содержания социокультурной идентичности также предполагает определение круга лиц, которым человек реально противостоит, и от которых себя отличает. В социальной философии социокультурная идентичность, прежде всего, понимается как самоопределение в социальном пространстве. Социокультурная идентичность современного человека, на наш взгляд, в большой степени имеет национально-особенный характер и реализуется через соответствующие символы: язык, религия, обычаи, традиции и др.

Социокультурная идентичность имеет некоторые особенности. Она уже предначертана человеку, является, так сказать, предметом ограниченного выбора (родной язык, нация, конфессиональная среда) и она замкнута на себя. Характер и содержание замкнутости социокультурной идентичности на самой себе представляется актуальным и перспективным направлением социально-философского исследования.

Мы исходим из того, что каждая национальная культура самодостаточна, т.е. всегда есть то социокультурное начало, благодаря чему она является уникальной, незаменимой. Культуры не складываются между собой, поскольку эмпирический индивид может принадлежать сразу к нескольким разным национальным культурам, но он не совмещает их, не собирает в единое целое.

Допустим, что индивид принадлежит к двум культурам, в нём «сидят» как бы «два человека», один из которых «спит» в то время, как другой «бодрствует». Невозможно одновременно быть, к примеру, русским и французом, мусульманином и христианином. Нереально одновременно говорить на двух языках, даже если знаешь их в совершенстве [6, 14].

Таким образом, получается, что социокультурная идентичность людей сводится к тому, в каких социальных группах, общностях, коллективах они состоят и с кем, или чем (например, символика) они себя идентифицируют.

Социокультурная идентичность всегда как объединяет людей, так и разделяет их. Данное обстоятельство объясняется тем, что, если подробно рассматривать каждый вид идентичности, то окажется, что социокультурная идентичность будет являться одним из составляющих компонентов в каждом виде идентичности.

Библиографический список

1. Люббе, Г. Историческая идентичность / Г. Люббе // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 108–113.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – Москва, 1996. – 344 с.
3. Рикер, П. Повествовательная идентичность / П. Рикер. – URL: https://royallib.com/book/riker_p/povestvovatel'naya_identichnost.html
4. Зверева, И. А. Идентичность как философская проблема: социокультурные основания : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Зверева И. А. – Москва, 2010. – 27 с.

5. Леонтович, О. А. Введение в межкультурную коммуникацию / О.А. Леонтович. – Москва : Гнозис, 2007. – 368 с.

6. Чекалина, Н. Е. Социокультурные основания духовности : автореф. дис. ... канд. филос.наук / Чекалина Н. Е. – Волгоград, 2007. – 24 с.

УДК 316.4

Е. Н. Сунев

Пензенский государственный университет, г. Пенза

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Посвящена анализу роли научно-технической революции в трансформации системы общественных отношений постиндустриального общества.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, научно-техническая революция, образование, общественные отношения, научно-технический прогресс, информационное общество.

E. N. Synev

Penza State University, Penza

SCIENTIFIC AND TECHNICAL REVOLUTION, EDUCATION AND SOCIAL RELATIONS

Abstract. The role of scientific and technical revolution in the transformation of the social relations in postindustrial society is analysed in the article.

Keywords: postindustrial society, scientific and technical revolution, education, social relations, scientific and technological progress, information society.

Увеличение темпов научно-технического прогресса в индустриальном обществе способствовало ускорению общественной динамики. Процессы научно-технической революции, начавшейся в середине двадцатого века, и ее первые результаты оказали огромное влияние на трансформацию системы социальных отношений в формирующемся постиндустриальном обществе. Социальные отношения, связывающие основные элементы современного общества, детерминированы изменениями как в экономической, так и

в социальной, политической и духовной сферах общественной жизни. Э. Агацци, анализируя особенности общества, основанного на информации и научных знаниях, определял его как тип социума, «необходимый для того, чтобы быть конкурентоспособным и добиваться успеха в изменяющейся экономической и политической динамике современного мира» [1].

Научно-техническая революция представляет собой взаимосвязь и взаимодействие многогранных социальных явлений, совокупность которых в виде сложной системы социальных процессов выступает в своей социальной сущности системой производства и воспроизводства общественных отношений. Коренные качественные изменения в науке и технике, превращение науки в непосредственную производительную силу, технологическая революция характеризуют практические последствия научно-технической революции как новый тип общественного производства. Однако изучение развития научно-технической революции не может быть ограничено только новыми явлениями в производительных силах. Формируясь и эволюционируя в системе общественных отношений, все явления и процессы научно-технической революции не могут не быть проявлением общественных закономерностей, фиксирующих специфику общественных отношений на конкретном историческом этапе развития социума [2].

Существенно меняется система производственных отношений. Речь идет о постепенном вытеснении простой человеческой рабочей силы и замене ее квалифицированным трудом, требующим использования современных научных знаний и творческих интеллектуальных усилий. В результате происходит выравнивание условий труда, приближение труда рабочих по своему содержанию к труду инженерно-технических работников, а с другой стороны, все более условными и относительными становятся границы между учеными и инженерами, инженерами и высококвалифицированными рабочими, наблюдается синтез труда конструкторов, изобретателей, проектировщиков с научной работой. Огромную роль в становлении нового характера труда играет широкое сотрудничество рабочих с инженерно-техническими работниками и учеными. Получили распространение и признание состоящие из технологов, конструкторов, рабочих творческие производственные сообщества, в которых ведется совместная аналитическая, исследовательская работа. Коллективный поиск способствует более эффективному решению производственных задач, а, кроме того, помогает раскрытию творческой индивидуальности личности. В результате проис-

ходит все большее сближение функций ученых, инженерно-технических работников и рабочих, которое осуществляется на базе автоматизированного производства с искусственным интеллектом – именно комплексная компьютеризация и цифровизация производства объективно требует высокообразованного, обладающего практическими инженерными знаниями творческого рабочего.

Повышение требований к интеллектуальной, содержательной стороне трудовой деятельности необходимо влечет за собой расширение и совершенствование всех видов образования. Овладение знаниями, достижениями науки, становится не менее важным фактором в развитии общественного производства, чем ее технологическое применение. Образование, которое раньше было в определенной степени индифферентно по отношению к производительным силам, в настоящее время непосредственно связано с развитием человека как главной производительной силы. Причина подобного повышения роли образования заключается в изменении характера и содержания труда, изменении места человека в производственном процессе.

Вместе с тем, еще существуют значительные противоречия между «продукцией» системы образования и предъявляемыми к ней требованиями со стороны науки и производства. У учащихся школ в постиндустриальном обществе, где в экономике господствует сфера услуг, слабо формируется интерес к производству, и в то же время недостаточной является их подготовка к учебе в современных вузах. Эффективность любой системы образования определяется также тем, как используются выпускаемые специалисты – по профилю полученного профессионального образования или нет.

В последние годы произошли значительные изменения в системе образования: были переработаны школьные программы, перестроен процесс обучения в вузах на двухуровневый – бакалавриат и магистратура, и главное, внимание высшей школы уделяется повышению качества профессиональной подготовки выпускников, укреплению связей с реальным рынком труда. В этой связи необходимо также отметить, что для овладения научными основами современного высокотехнологичного производства уже недостаточно знаний естественнонаучных и технических, бывших совсем недавно традиционно «производственными». Научный багаж современного выпускника должен включать также знания экономические, организационные и даже социологические и психологические.

Социальная функция образования не может быть ограничена лишь экономической эффективностью, возрастает и его социально-культурное значение. В условиях постиндустриального общества высшее профессиональное образование определяет не только уровень теоретических знаний и репродуктивных способностей, но и сформированность профессиональных компетенций и практического развития творческих способностей.

Резкое возрастание значимости социальных факторов развития производства вызывает необходимость привлечения к этим процессам общественных наук. Проникновение в сферу материального производства не только превращает эти науки в непосредственную производительную силу, но и способствует формированию и развитию научных основ управления социальными процессами на уровне производства, а в целом ведет к совершенствованию всей системы общественных отношений.

Социальные функции общественных наук в условиях постиндустриального общества определяются главной целью общественного прогресса – всесторонним и гармоничным развитием человека, в то время как материальное и духовное производство выступает в качестве средства для достижения этой цели.

Благодаря науке и ее применению становится возможным, в соответствующих социально-политических условиях, преодоление простого абстрактного труда и формирование творческого характера труда, который становится фактором самореализации современного человека. Этот процесс обуславливается наличием двух необходимых условий: социально направленной трудовой деятельностью и ее научным характером. Как следствие, переход труда в область творческой деятельности превращает его из простого средства к жизни в цель человеческого существования, важнейшую жизненную потребность, а это является характерной чертой современных общественных отношений.

Научно-техническая революция, применение научных знаний в производстве создают объективные предпосылки для формирования человека как всесторонне развитой личности, с разнообразными общественными связями и потребностями. Однако универсальное развитие человека не может быть осуществлено за счет одной науки, ибо характер применения научных знаний зависит от способа социальной организации общества. Характер применения достижений науки определяется специфическими потребностями того общественного организма, в котором она функционирует, и вытекает из ее положения в данной социально-экономической структуре.

Поэтому только в социальном государстве постиндустриального периода человек действительно становится целью всего общественного развития. Такова объективная тенденция развития общества на гуманистических принципах и общечеловеческих ценностях, из которой вытекает необходимость соединения достижений научно-технической революции с социальными целями человечества в условиях глобализации.

Библиографический список

1. Агацци, Э. Идея общества, основанного на знаниях / Э. Агацци // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.
2. Корчагин, В. Н. Методологические аспекты исследования человека в постиндустриальном обществе / В. Н. Корчагин, Е. Н. Синев // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 3. – С. 37–40.

Раздел II

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ, ВОСПИТАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

УДК 316.3

А. В. Очкина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ XXI в. И ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. Современная социальная реальность, формируя специфические условия социализации подростков, диктует свои требования к пространству их социализации. Однако сложившаяся сегодня в России система образования объективно не способна отвечать этим вызовам. Залог эффективности системы образования – её способность отвечать потребностям общественного развития. Сегодня невозможно вернуться к советской школе, но можно и нужно использовать базовые принципы, на которых она построена – гуманизм, фундаментальность, приоритет трудового и гражданского воспитания. Нужно не просто адаптировать эти принципы к современным задачам, но и реализовывать их более последовательно и полноценно, чем это было сделано в СССР.

Ключевые слова: система образования, советская школа, социализация подростков, современность.

A. V. Ochkina

Penza State University, Penza

SOCIALIZATION OF TEENAGERS IN THE XXI CENTURY AND THE GOALS OF THE MODERN SCHOOL

Abstract. Modern social reality, forming the specific conditions for the socialization of teenagers, dictates specific requirements for the space of their socialization. However, the current Russian education system is objectively unable to answer these challenges. The key to the effectiveness of the education system is its ability to meet the basic needs of social development. Today it is impossible to return to the Soviet school, but it is possible and necessary to use the basic principles

on which it was built – humanism, fundamentality, the priority of labor and civic education. It is necessary not only to adapt these principles to modern tasks, but also to implement them more consistently and fully than was done in the USSR.

Keywords: education system, Soviet school, socialization of teenagers, Modernity.

Сегодня проблемы образования – одни из самых обсуждаемых социальных проблем. Много говорится о том, что современная жизнь требует принципиально новых подходов к обучению и воспитанию подростков, однако под новыми подходами часто подразумевают те, которые предполагают использование информационных технологий. Однако современная жизнь формирует такие задачи социализации подростков, для решения которых одних информационных технологий недостаточно.

Перечислим вкратце те общественные условия, которые обрачиваются современными вызовами системе образования:

1) Современная социализация большинства современных детей в малочисленных семьях.

2) Изменившийся социальный статус ребёнка, доминирование «детоцентричной» модели семьи.

3) Сохранившаяся архаичная классно-урочная система, ориентированная, прежде всего, на оценки и достижения, а не развитие личностных качеств.

4) Распад или снижение социализирующей значимости формальных и неформальных подростковых сообществ.

5) Многогранность, динамизм и растущая многовариантность современного мира.

Добавим очевидные сегодня проблемы подростковой социализации:

1) Давление на них большого объёма неконтролируемой взрослыми противоречивой информации.

2) Снижение физической активности.

3) Интернет-зависимость.

Такие проблемы требуют принципиального реформирования пространства социализации, повышение его стимулирующего и воспитательного потенциала, способности среды включать формирующуюся личность в реальную, общественно полезную деятельность, помогающую на практике усваивать необходимые для полноценного развития ценности и навыки.

Интересно, что на фоне разговоров о модернизации системы образования, ориентации её на решение современных задач, всё чаще звучат похвалы в адрес советской школы. В своём выступле-

нии двухлетней давности министр Просвещения РФ Ольга Васильева воздавала должное советской системе образования, говорила, в частности, о том, что советская школа воспитывала «личность, уважающую свой народ и ценящую труд». С этим трудно не согласиться. Однако для строительства целостной работающей системы нужно нечто большее, чем общие принципы. Как минимум, они должны быть грамотно операционализированы и адекватно реализованы в организации образования, в учебных программах, в педагогической теории и практике.

Сохранить принцип гражданского и трудового воспитания как базы развития школьного образования вовсе не означает автоматическое возвращение в СССР. С точки зрения исторической реальности восстановить советскую школу мы не можем, она отвечала на запросы определённой эпохи, на требования конкретного момента. Нужно было сформировать грамотного работника, способного эффективно решать задачи индустриального производства, воспитать лояльного и управляемого, но идейного и активного гражданина, адаптированного к динамизму городской жизни, подчиненной темпам социалистического строительства. Приобщить прежде неграмотного человека ко всему богатству русской культуры, ценностям Просвещения и гуманизма, сделав его последовательным коммунистом, но только лишь согласно официальной идеологической модели. Воспитать творческую и инициативную личность, способную, однако, следовать заданным курсом, не отклоняясь от него и не критикуя. Изначально противоречивая задача, как ни странно, была решена, а в результатах – советском гражданине и советском обществе – были отражены все противоречия изначального целеполагания.

Принуждение и идеологическая лояльность были контекстом, а не содержанием образования, инструментами, а не основными задачами. Принципы Просвещения и гуманизма, заложенные в основу системы образования, нашли довольно последовательное воплощение в его содержании.

Оно и было успешным постольку и до тех пор, поскольку и пока в обществе доминировал созидательный импульс, а дух свободы и гуманизма, как и коммунистическая идея, пусть и в усеченной советской редакции, пронизывающие образовательные программы, не вступили в явное противоречие с реальной политической и социальной практикой.

Сегодня ситуация принципиально иная, да и задачи у нас иные, иные общественные условия, в которых растут и взрослеют

наши дети. Функционирование системы образования в значительной степени оторвано от социально-экономической модели современного российского общества, работает в основном на индивидуальные цели и всё больше воспринимается обществом как услуга. Да и теоретико-методологическая, идейная база образования, особенно школьного, очень подорвана экспериментами со стандартами и идеологическими метаниями, метаниями от рыночного радикализма к консервативно-патриотической идиллии. Кроме того, не имея возможности отвечать на реальные запросы общественного развития, и социальную мобильность образование обеспечивает очень условную, с большими оговорками, а порой – только в мечтах.

Сегодня всё больше и больше становится очевидным тот факт, что главная задача школы – нравственное воспитание. Это даже и декларируется, и формализуется в образовательных стандартах. Но документы воспитывать не могут, это делают люди. А что же может сделать задавленный работой, финансовыми проблемами и бюрократическим гнетом учитель, успевающий во время уроков только готовить учеников к сдаче ОГЭ и ЕГЭ, поскольку именно это – сегодня основные показатели эффективности образования? И насколько вообще в нашем разобщенном, деполитизированном и деидеологизированном обществе могут сработать увещевания учителей, учитывая крайне низкий сегодняшний статус их профессии?

Сегодня вряд ли возможна такая централизованная государственная просветительская политика, которая реализовалась в советское время. Да и в таком виде она сегодня вряд ли нужна. Однако вполне ещё возможно саму школьную программу сделать просветительским проектом. В XX веке культура не стояла на месте, она переосмысливала культурные достижения прошлых веков, оппонировала им, интериоризировала их, ища актуальные ответы на вечные вопросы. И именно с такой точки зрения, как духовное осмысление всех аспектов социально-исторического развития, культура должна быть включена в школьную программу. Но не дополнительным уроком или факультативом, а в качестве обязательного контекста, основного содержания всей школьной программы.

Литература, живопись, музыка, кинематограф дают огромный материал для уроков истории, обществознания, биологии, географии, физики и химии, даже математики. У каждого научного открытия есть автор и индивидуальная поучительная история, любое приращение знания имеет значимые социальные последствия, формирующие историческую логику, любой исторический период имеет своих героев и предлагает особые нравственные дилеммы. И всё

это описывается и осмысливается не только в научных исследованиях, но и в художественных образах. Эмоциональные переживания, сопровождающие получение информации, персонализация исторических событий, периодов, социальных проблем – это наши самые верные и надежные мнемонические союзники.

Радикальный пересмотр школьной программы потребует и изменения подготовки учителей, заставит по-новому оценить их труд и статус. Тем более этого потребует развитие трудового воспитания, о котором сейчас снова стали вспоминать. Реальная общественная полезность труда – его главный воспитательный фактор, и труд школьников разумнее всего организовать как шефство – над определенным двором, детским домом, домом престарелых, да хоть над живым уголком. Главное, чтобы ответственность школьников за порученный им объект была настоящей, а не формальной, чтобы они сами, пусть и с помощью взрослых, вырабатывали механизмы взаимодействия, организации работы, обсуждения результатов.

Такого рода новшества неминуемо вызовут неудовольствие родителей. Коллективные интересы, служение обществу, альтруизм и тому подобное – в нашем обществе ценности инструментально не слишком популярные. Никто их не оспаривает прямо, но будущее собственных детей со служением и самопожертвованием мало кто связывает. Для того чтобы начать воспитывать ответственного и активного гражданина, наше общество должно очень сильно и по-настоящему этого захотеть и, главное – многое изменить в себе.

И здесь мы подходим к главным проблемам и препятствиям для проведения разумной и объективно необходимой реформы образования. Во-первых, невозможно исправить школу локально, не затрагивая высшее образование, прежде всего – педагогическое. Во-вторых, нельзя успешно провести необходимую реформу, не изменив ничего в существующем российском обществе, хотя бы на уровне расхожих установок и инструментальных ценностей.

И, наконец, без единой концепции образования, без стратегического понимания необходимых преобразований его содержания и организации все разговоры и о нравственном воспитании в школе, и о едином образовательном пространстве, и об общественно полезном труде как части воспитательного процесса так и останутся разговорами. И это, кстати, ещё счастье. Они вполне могут превратиться в очередные бюрократические «инновации» и пролиться на головы бедных учителей водопадом указаний, инструкций и форм отчетности.

Образование для современного общества – всё равно, что система кровообращения в организме. Невозможно вырезать больную кровеносную систему, невозможно локально воздействовать на неё, не затрагивая весь организм. Вот только с переливанием крови метафора не работает. Сколько-нибудь массовые заимствования принципов образования – тактика почти всегда провальная. Система образования непосредственно создает граждан определенной страны и, опосредованно, всю её культуру и историю, национальную, уникальную. Поэтому в конечной своей форме она уникальна, подогнана к стране как наряд haute couture.

УДК 37.01

М. А. Лыгина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассмотрены специфические черты процесса информатизации общества и их влияние на новые требования к личностным свойствам человека, и, соответственно, к системе воспитания. Определены социокультурные детерминанты процесса социализации личности, предпринята попытка разработки и обоснования основных принципов построения модели современной образовательно-воспитательной деятельности.

Ключевые слова: социальная работа, система воспитания, инновации, социальный работник.

М. А. Lygina

Penza State University, Penza

EDUCATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article is devoted to specific features of the process of information of the society and their influence on the new standards to personal qualities and therefore to the system of education. Socio-cultural determinations of the process of socialization of a personality are determined. The attempt of elaboration and substantiation of main principles of the constructions of the model of modern educational work is made.

Keywords: social work, system of education, innovation, social worker.

В условиях переходного периода от индустриального к информационному обществу основными социокультурными детерминантами воспитания выступают система образования, являющаяся важнейшей сферой осуществления воспитательной политики, и ценностные ориентации личности.

Понимание образования как социокультурной детерминанты воспитания, обуславливающей раскрытие и творческую свободу личности, является одной из исходных теоретических предпосылок для создания единой философской концепции образования, призванной служить методологической основой для систематизированного изучения всего многообразия общественных процессов, в той или иной степени связанных с целенаправленным формированием личности на всех ступенях образовательной системы: дошкольного образования, средней и высшей школы в условиях прогрессивного развития информационного общества.

Создание новой модели образования, соответствующей современным требованиям информационного общества, предполагает учет следующих приоритетных задач:

во-первых, формирования у воспитуемых широты видения мира, признания равноценными и равноправными разных, альтернативных точек зрения на мир, любых “образов мира”;

во-вторых, ориентации человека на разрешение современных глобальных проблем;

в-третьих, воспитания уважения к чужой культуре, умения вести диалог на равных, понимания роли взаимообогащения культур, ценности культуры в её многообразии;

в-четвёртых, учета традиций воспитательной деятельности в разных странах и понимания острой необходимости обновления системы образования, внедрения инновационного опыта воспитания;

в-пятых, выработки умения видеть личностный смысл в любой деятельности, способности определять её стратегию и тактику.

Говоря о ценностных ориентациях личности как о социокультурной детерминанте воспитания, следует отметить, что современный этап становления информационного общества является прогрессивной стадией развития не только всего человечества, но и каждой личности, ибо устремляет её внутренний мир на ценности, оставляющие за ней право окончательного выбора в жизни, тем самым делая приоритетным фактор свободы и творческого подхода в формировании собственного мировоззрения у каждого гражданина.

Использование принципов самосовершенствования, саморегуляции и самоактуализации позволяет современному человеку

наиболее полно раскрывать заложенный в нем творческий потенциал, контролировать и управлять своими эмоциями, соотносить свои желания и потребности с реальными возможностями.

В современных условиях формируется новая социокультурная парадигма развития общества, что во многом определяет и особенности воспитательно-образовательной деятельности. Проведенный автором анализ опыта американского и японского обществ показывает стремление каждого из них совершенствовать свою систему воспитания последовательными, терпеливыми шагами, в основе которых важное место занимает преемственность передового опыта других стран, основанная на развитии собственных традиций [1].

Очевидно, что и России, пребывающей в глубоком кризисе, обусловленном не только переходом всего мирового сообщества в информационную цивилизацию, но и отставанием от развитых стран, необходимо учесть опыт ведущих мировых держав, решающих свои насущные проблемы путём развития, прежде всего, национальных традиций.

Исследование существующей в России воспитательной системы выявляет ее недостаточную эффективность в условиях переходного периода от индустриального к информационному обществу, что обуславливает необходимость ее инновационных корректив.

Анализ российской системы воспитания, основанный на изучении особенностей взаимодействия коллективистских традиций и новаторско-творческих начал в современной школе, показывает, что воспитательные усилия должны быть сфокусированы на достижении следующих главных стратегических ориентиров:

– во-первых, трансляции из поколения в поколение и закрепление в каждом последующем из них исторически сложившихся, наиболее стабильных духовных, мировоззренческих и культурных традиций российского народа, предопределяющих глубинные, «корневые» основания его специфического менталитета;

– во-вторых, обогащения индивидуальных и общественных ментальных качеств народа России общечеловеческими духовными, нравственными ценностями. При этом важно опираться на относительную целостность, всеединство цивилизации и естественные тенденции к духовной конвергенции и постепенной интеграции народов, ко всё более активному диалогу культур. Конвергенция и интеграция вовсе не связаны с подавлением самобытности российской культуры, её «растворением» в неких безликих общечеловеческих ценностях – напротив, речь идёт о естественной гармонии процессов дифференциации и интеграции, о безусловном сохране-

нии самобытности российского общества, о создании наиболее благоприятных условий для его развития, но также и об устранении иллюзий самодостаточности этой самобытности, чреватых недопустимыми националистическим сепаратизмом и самоизоляцией;

– в-третьих, коррекции и, в необходимых случаях, преобразования тех ценностных жизненных ориентиров, которые определяют наиболее вероятное поведение и поступки людей, направляют и концентрируют их «ментальную» энергию на достижение поставленных целей. При этом следует помнить, что и цели, и средства их достижения должны утверждать высшие нравственные ценности человеческой цивилизации.

Библиографический список

1. McCormick, K. Vocationalism and the Japanese Educational System / K. McCormick // Comparative Education. – New York, 1988. – Vol. 24. – P. 44–52.

УДК 159.9

Н. Е. Стенякова, Ю. В. Колесникова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

РАЗВИТИЕ САМОСОЗНАНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Аннотация. Представлен анализ проблемы развития толерантности и самосознания у студентов вуза. Охарактеризованы результаты первичной диагностики показателей развития самосознания и толерантности студентов разных направлений подготовки вуза.

Ключевые слова: развитие, самосознание, толерантность, рефлексия, Я-концепция, студенческий возраст.

N. E. Stenyakova, Yu. V. Kolesnikova

Penza State University, Penza

DEVELOPMENT OF SELF-CONSCIOUSNESS AND TOLERANCE AMONG UNIVERSITY STUDENTS

Abstract. The article presents the analysis of the problem of development of tolerance and self-consciousness among University students. The results of primary

diagnostics of indicators of development of self-consciousness and tolerance of students of different directions of training of higher education Institution are characterized.

Keywords: development, self-consciousness, tolerance, reflection, Self-concept, student age.

На современном этапе развития психологической науки в нашей стране одной из наиболее актуальных является проблема развития самосознания, как важнейшего составного компонента личности. В психологической литературе показано, что, являясь «ядром личности», самосознание оказывает регулирующее влияние на все стороны жизнедеятельности человека.

Человек осуществляет самоанализ, как правило, в свете того или иного идеала личности и тех ценностей, которые выражают его тип отношения к другим людям. Когда человек смотрит на себя как бы со стороны, анализирует свою жизнь, деятельность, опыт, размышляет над своим отношением к делу, к людям, к жизни, стремится объективно, без самооправдания заглянуть в субъективные тайны собственной жизни и сознания, он, вольно или невольно желает как бы реализовать, утвердить, заново «обосновать себя», закрепить собственные принципиальные ориентиры жизни, что-то подвергнуть собственному суду совести, строгой самооценке и что-то отвергнуть, преодолеть [3].

В научной литературе самосознание определяется, как осознание, оценка человеком своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, целостная оценка самого себя как деятеля, как чувствующего и мыслящего существа. Самосознание свойственно не только индивиду, но и обществу, классу, социальной группе, когда они поднимаются до понимания своего положения в системе производственных отношений, своих общих интересов и идеалов. В самосознании человек выделяет себя из всего окружающего мира, определяет своё место в круговороте природных и общественных событий. Самосознание тесно связано с рефлексией, где оно поднимается на уровень теоретического мышления. Самосознание формируется на определённой ступени развития личности под влиянием образа жизни, который требует от человека самоконтроля собственных поступков и действий, принятия полной ответственности за них [5].

Поскольку мерой и исходным пунктом отношения человека к себе выступают прежде всего другие люди, самопознание по самому существу носит глубоко общественный характер.

А. Н. Леонтьев, считает, что необходимо различать знание о себе (познание себя) и реальное осознание себя с помощью знаково-опосредствованной и социально-нормированной форме. А знание о себе накапливается и у маленьких детей, но не осознанно.

Сознание человека может быть направлено либо на внешний мир, окружающий человека (внешняя направленность), либо на самого субъекта – это и есть самопознание [2].

Согласно Л. С. Выготскому, развитие самосознания включает примерно те же стадии, что и развитие высших психических функций (как в онтогенетическом, так и в историческом аспектах); к нему применяется та же логика: сначала другие люди познают и осознают свойства и состояния данного субъекта; ориентировка на внутренние свойства и состояния ребенка включается взрослыми в содержание совокупной и совместной деятельности; затем субъект в ответ на внешние вызовы пытается выразить себя на том языке, на котором с ним общаются; по мере усвоения знаковых средств самовыражения он становится способным обратить усвоенные средства самовыражения на себя и для себя; таким образом, прежде чем самосознание становится индивидуальным фактом, оно уже существует как факт для других; в свою очередь, диалогическая природа сознания сохраняется и в его индивидуальной форме [1].

Не следует отождествлять самосознание и Я-концепцию. Самосознание частично включает содержание Я-концепции, которая в этом случае выступает как более или менее устойчивая (стабильная) часть.

В свою очередь рефлексия (от позднелат. *reflexio* – обращение назад, отражение) – это форма теоретической деятельности человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека. Содержание рефлексии определено предметно-чувственной деятельностью: рефлексия в конечном счёте есть осознание практики, предметного мира культуры. В этом смысле рефлексия есть метод философии, а диалектика – рефлексия разума.

Проблеме межэтнических отношений и толерантности посвящали работы ученые самых различных направлений: социологи, этнопсихологи, философы, историки, этнографы, политологи и многие другие. Среди ученых, внесших вклад в изучение проблем толерантности в России А. Г. Асмолов, изучавший подходы к определению понятия «толерантность»; В. Л. Лекторский, выделявший различные критерии толерантности как этического феномена;

В. В. Шалин, рассматривавший место толерантности в системе либеральных ценностей. За рубежом проблемами толерантности занимаются П. Николсон, рассматривавший толерантность как моральный идеал, М. Уолцер, предложивший выделять различные степени проявления толерантности личности, Дж. Роле, исследовавший толерантность как моральную добродетель в рамках своей теории справедливости, и др.

Нами было предпринято исследование, направленное на изучение развития самосознания и толерантности студентов вуза.

Предметом нашего исследования является процесс развития самосознания и толерантности студентов вуза.

С учетом проблемы исследования была выдвинута следующая цель исследования: изучение различий в развитии самосознания и толерантности студентов разных направлений подготовки в вузе.

Гипотеза исследования: существуют различия в показателях развития самосознания и толерантности студентов разных направлений подготовки вуза.

Исследование было проведено на базе ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». В нем принял участие 64 студента различных направлений подготовки.

В ходе исследования был проведен диагностический эксперимент с использованием таких методик, как:

- 1) Методика изучения самоотношения (МИС) С. Р. Пантелеева;
- 2) Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова);
- 3) Тест-опросник самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев);
- 4) Тест на самоуважение. Методика М. Розенберга.

Представим результаты первичной диагностики показателей развития самосознания и толерантности студентов разных направлений подготовки вуза.

Результаты исследования самоотношения по методике (МИС) С. Р. Пантелеева указывают на преобладание доминирующих высоких показателей по шкале «Самоуверенность» и «Самоценность» у 26 % опрошенных. «Самоценность» - передает ощущение ценности собственной личности и предполагает ценность собственного "Я" для других.

«Самоуверенность» – выявляет самоуважение, как человек относится к себе, считает ли он себя уверенным, самостоятельным, волевым и надежным человеком, который знает, что он себя уважа-

ет. Высокие значения показывают, что у личности присутствует выраженная самоуверенность, ощущение силы собственного "Я", высокая смелость в общении. Доминирует мотив успеха. Человек почитает себя, доволен собой, собственными начинаниями и достижениями, ощущает свою компетентность и способность решать многие жизненные вопросы. Препятствия на пути к достижению цели кажутся как преодолимые, легкие и с ними легко справиться. Проблемы затрагивают неглубоко и не кажутся непреодолимыми, переживаются недолго и легко.

Анализируя результаты методики «Индекс толерантности» Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова, мы можем выделить следующую особенность: преобладает средний уровень толерантности у 86 % испытуемых. Такие результаты показывают респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность.

По результатам теста-опросника самоотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев) в данной группе преобладает шкала «Самоинтерес» – 43 % опрошенных. Это шкала из 8 пунктов, отражает меру близости к самому себе, в частности интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой «на равных», уверенность в своей интересности для других. Также опросник содержит семь шкал направленных на измерение выраженности установки на те или иные внутренние действия в адрес «Я» испытуемого.

Шкала 1 – самоуверенность.

Шкала 2 – отношение других.

Шкала 3 – самопринятие.

Шкала 4 – саморуководство, самопоследовательность.

Шкала 5 – самообвинение.

Шкала 6 – самоинтерес.

Шкала 7 – самопонимание.

По результатам тестирования наиболее выраженный показатель у студентов – это «Самообвинение» (21 % опрошенных). Шкала «Самообвинение» характеризует выраженность отрицательных эмоций в адрес своего "Я".

Высокие значения можно наблюдать у тех, кто видит в себе прежде всего недостатки, кто готов поставить себе в вину все свои промахи и неудачи. Проблемные ситуации, конфликты в сфере общения актуализируют сложившиеся психологические защиты, среди которых доминируют реакции защиты собственного "Я" в виде

порицания, осуждения себя или привлечения смягчающих обстоятельств. Установка на самообвинение сопровождается развитием внутреннего напряжения, ощущением невозможности удовлетворения основных потребностей.

По результатам теста на самоуважение (Методика «Шкала самоуважения», М. Розенберг) преобладает самоуважение и студенты могут адекватно оценивать свои достоинства и недостатки, могут согласиться с тем, что бывают неправы, сохраняют уважение к себе при неудачах, но склонны иногда заниматься затянутым «самобичеванием», что не предусмотрели, не заметили, «соломку не подстелили», что не позволяет смириться с тем, что изменить невозможно и быстро среагировать и откорректировать там, где есть возможность. Результат – 82 % участников.

В дальнейшем наша работа заключается в дифференциации студентов по различным направлениям подготовки с описанием в каждом направлении показателей развития самосознания и толерантности у студентов, в реализации программы тренинговых занятий по формированию и развитию самосознания и толерантности, а затем в проведении повторной диагностики с применением тех же диагностических методик, что и на первом этапе.

Библиографический список

1. Выготский, Л. С. Лекции по психологии / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург : Союз, 1997. – 144 с.
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл : Академия, 2005. – 352 с.
3. Пантелеев, С. Р. Самоотношение как эмоционально оценочная система / С. Р. Пантелеев. – Москва : МГУ, 1991. – С. 110.
4. Пантелеев, С. Р. Структура самоотношения как эмоционально оценочной системы : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Пантелеев С. Р. – Москва, 1989. – 202 с.
5. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – Москва : МГУ, 1983. – 284 с.

Е. В. Викторова, Т. И. Сладкова, Т. А. Тужилова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. На конкретном эмпирическом материале рассмотрена мультипликация как один из источников ценностей и норм для современной молодежи. Особое внимание уделяется социально-психологическим функциям, которые выполняет мультипликация: информационной, интеграционной, политической, гражданско-патриотической, религиозной, художественно-эстетической, развлекательной.

Ключевые слова: социализация, молодежь, мультипликация, социально-психологические функции.

E. V. Viktorova, T. I. Sladkova, T. A. Tuzhilova

Penza State University, Penza

ANIMATION IN THE CONTEXT OF MODERN YOUTH SOCIALIZATION

Abstract. Animation is considered as one of the sources of values and norms for modern young generation. Specific empirical material is used in the investigation. Particular attention is paid to the socio-psychological functions that the animation fulfills: informational, integrational, political, civil and patriotic, religious, artistic and aesthetic, entertaining ones.

Keywords: socialization, youth, animation, socio-psychological functions.

Увлечение мультипликацией (анимационным кино) характерно не только для детей – и молодежь, и взрослые люди смотрят мультфильмы.

В задачи нашего конкретно-социологического исследования входило получение первичных эмпирических данных о том, каково значение мультипликационного кино в социализации молодежи (16–30 лет): мультфильмы каких жанров, стран и времени производства популярны у современной молодежи; каковы мотивы, побуждающие молодежь к просмотру мультипликации; каковы ее социально-психологические функции. Исследование проведено с использованием методов экспертного опроса (опрошены три

ютуб-блогера, создающие контент по мультипликационной тематике), анкетного опроса (опрошены 54 студента 1–4 курсов факультета педагогики, психологии и социальных наук Пензенского государственного университета (далее – ФППСН ПГУ)) и полуструктуризованного интервью (опрошены восемь студентов ФППСН ПГУ).

Результатами исследования можно считать следующие данные и сделанные на их основе выводы.

Мультипликация в той или иной степени интересна большинству опрошенных: 10 респондентов ответили, что смотрят мультфильмы часто, 24 – что смотрят периодически, 10 – смотрят иногда, 12 – не смотрят никогда.

Среди мотивов просмотра мультфильмов лидируют рекомендации друзей и знакомых (на такой вариант ответа указали 25 респондентов) и интерес к новинкам (17 респондентов). 11 человек склонны остановить свой выбор на мультфильме, транслируемом по телевидению. В любом случае наибольшее внимание молодёжи привлекают новинки – их рассматривают как потенциально интересные: можно сказать, что смотреть новое и быть в курсе новинок принято в молодежной среде.

Большинство респондентов рассматривают мультипликационное кино как источник познания, поскольку из него, как и из игрового кино, в разной степени в зависимости от жанра, можно почерпнуть различную информацию (39 респондентов). Не может не радовать тот факт, что к получаемой из мультипликации информации студенты относятся критически. В качестве примера приведем выдержку из интервью: «Главное – не принимать всё за чистую правду: в мультиках почти всегда есть вымысел и несоответствующие описываемой культуре детали, события».

На развлекательное содержательные мультипликации изначально ориентированы 29 опрошенных из 54-х: они отметили, что ценят здесь прежде всего сюжет – приключения (действие, «экшн») или взаимоотношения (взаимодействия) персонажей. Логичен в данном случае и выбор мультипликационных жанров: преобладают здесь комедии (33 чел.), приключения (31 чел.), фэнтези (28 чел.). Приведенные данные подтверждаются и выбором времени для просмотра мультфильмов: по результатам анкетирования, 24 человека смотрят мультфильмы в свое свободное время, 17 – выделяют для них время, как только появляется интересный вариант для просмотра. Один из интервьюируемых отмечает: «Это интересно [просмотр мультипликации], да и надо же чем-то время занимать».

Художественно-эстетическая сторона мультипликации имеет не меньшее значение для молодежи: визуальный ряд мультфильма как критерий его привлекательности, по данным анкетирования, занимает второе место после сюжета. Мультипликационные картины, помимо сюжетной составляющей, привлекают зрителя и красочными визуальными образами, а с появлением современных компьютерных технологий мультипликационные продукты получили ещё больше возможностей для воплощения любой художественной задумки. Так, в результате интервьюирования выяснилось, что визуальные характеристики анимационного кино респонденты зачастую считают более важным фактором выбора продукта к просмотру: «Смотрю [мультипликацию] отчасти из-за того, что там происходят те вещи, которые невозможны в реальности. Также из-за визуальной составляющей...»; «...смотреть [мультипликацию] приятно - современные мультики очень красочные и стильные», «Лучшая “рисовка” и развитие сюжета [в сравнении с игровым кино]».

Полученные данные позволяют говорить об экспрессивной функции мультипликации. Более половины респондентов (30 чел.) получают яркие эмоции от просмотра. За счёт ярких визуальных образов и аудиоряда мультипликация способна передавать аудитории чувства и эмоции, заложенные в произведение авторами, что способствует эмоциональной разгрузке зрителя или, напротив, восполнению недостающих современному зрителю переживаний. Раскрыв этот аспект путём интервьюирования, удалось подтвердить, что мультипликационные продукты способны вызвать у студентов эмоциональный отклик: «Я вообще очень эмоциональный человек, и при любых трогательных моментах я плачу, при веселых, соответственно, наоборот. Задумываюсь, когда в мультфильме затрагивают какую-то социальную проблему, или «скрытно» высмеивают реальных личностей».

Выполняет мультипликация и коммуникативную функцию: 29 опрошенных отметили тот факт, что им случалось заводить беседу на тему того или иного мультфильма (сравним: около половины респондентов выбирают мультипликационные продукты, исходя из советов друзей). Интервьюируемые говорили о том, что посещают показы мультипликационных премьер в кинотеатрах, что происходит обычно в дружеской компании.

Особо следует отметить ценностно-ориентационную функцию мультипликации. По мнению экспертов, мультипликация способна влиять на самые разные аспекты мировоззрения потребителя. 29 ре-

спондентов утверждали, что мультфильмы так или иначе повлияли на их ценностно-ориентационные установки. Из полученных путем интервьюирования первичных данных стало известно, что все респонденты во время просмотра мультфильмов или мультсериалов отмечают активное транслирование общечеловеческих ценностей, популярных сейчас в обществе.

При этом респонденты признают транслирование мультфильмами социальных и нравственных ценностей, но не признают транслирования ценностей политических и религиозных. Так, большинство респондентов уверены в том, что гражданско-патриотическая направленность характерна для отечественных картин, и всего четверо видят подобные идеи в зарубежной мультипликации. При этом половина респондентов отечественному анимационному кино предпочитает зарубежное.

Эксперты же утверждают, что мультипликация действительно используется в целях политического и гражданско-патриотического воспитания. Мультипликация располагает всеми необходимыми ресурсами соответствующего воздействия: она может выступать в качестве рупора той или иной идеологии или отдельных мировоззренческих идей, в ней возможна непосредственная патриотическая агитация или побуждение к возникновению патриотических чувств за счет создания определённого эмоционального фона картины. Однако, судя по предпочтениям потребителей, вопрос о том, оказывает ли она ожидаемое авторами медиапродуктов воздействие, остается открытым и требует более глубокого изучения.

Также при изучении рынка мультипликации последних лет, в том числе наиболее популярных картин, можно заметить, что во многих из них присутствуют детали религиозного характера, но они остаются практически не замеченными зрителями. По нашему мнению, это связано с тем, что религиозное сознание значительной части молодежи латентно. 11 участников опроса, напротив, заявили, что даже скрытые религиозные мотивы ими угадываются и подмечаются с интересом, 9 респондентов считают мультипликацию достойным источником знаний о других религиях.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что мультипликация, как один из популярных видов искусства (киноискусства), занимает значительное место в современной молодежной культуре. В мультипликации отражаются устойчивые, принятые в обществе социальные нормы и ценности, сюжетно обосновывается их правильность и необходимость, что требует более детально и глубоко рассматривать мультипликацию в контексте социализации молодежи.

О. Ю. Нестеренко

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассмотрены позитивные и негативные аспекты влияния информационного общества на процесс интеграции инвалидов в социум.

Ключевые слова: инвалидность, социальная интеграция, информационное общество, инклюзия, информационные технологии.

O. Yu. Nesterenko

Penza State University, Penza

FEATURES OF SOCIAL INTEGRATION OF PEOPLE WITH DISABILITY IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article considers the positive and negative aspects of the influence of the information society on the process of integrating persons with disabilities into society.

Keywords: disability, social inclusion, information society, inclusion, information technology.

Приоритет социальной модели инвалидности потребовал перемещения акцента в реабилитации инвалидов на их интеграцию в социум, на создание таких условий, при которых возможность эффективного самостоятельного социального функционирования не должна и не может ограничиваться биофункциональными характеристиками индивида.

Обобщение различных трактовок понятия «социальная интеграция» в социологии позволяет представить ее, «с одной стороны, как процесс активного включения индивида в социальную жизнь общества, а с другой стороны – как процесс активного усвоения индивидом общественных норм и ценностей» [1, 201]. Т. Парсонс оценивал социальную интеграцию как «фундаментальное свойство или функциональный императив социальной системы», обеспечивающий ее устойчивость и воспроизводимость [2].

Основу социальной интеграции составляют функциональные связи между индивидами. В сложно дифференцированном и струк-

турированном обществе возможности установления и развития социальных взаимодействий у членов различных социальных групп, в том числе и инвалидов, могут быть неодинаковыми, что обуславливает риск «социального исключения». Однако интеграция индивида в систему общественных взаимодействий есть объективная необходимость как на личностном уровне (с целью раскрытия их самореализации), так и на общественном (с целью их включения в созидательную деятельность в интересах социума). Включение инвалидов в социально и экономически полезную деятельность позволяет не только расширить культурное разнообразие, но и обосновать целесообразность инвестиций в их реабилитацию.

Процесс включения лиц с инвалидностью в активную общественную жизнь также обозначают термином «инклюзия», который в широком смысле трактуется как «система отношения социума к ним, обеспечивающая создание равноправного положения для людей с ОВЗ и безбарьерной среды (отсутствие ментальных, инструментальных, средовых и т.п. барьеров)» [3, 166].

Интеграции инвалидов в общество препятствуют физическая изоляция, трудовая сегрегация, малообеспеченность, пространственно-средовая блокада, информационный дефицит, непродуктивные эмоциональные реакции окружающих и фрустрирующие эмоции инвалида, коммуникативный барьер, часто аккумулирующий действия всех перечисленных выше факторов.

Обеспечить условия для создания безбарьерной среды может информационное общество, характеризующееся увеличением роли информации и знаний, созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам.

Обеспечение доступа инвалидов к информации, информационным технологиям и системам, как одно из основных условий создания равных возможностей, утверждено ст. 9 «Конвенции о правах инвалидов». Создание доступной информационной среды для инвалидов – значимая задача и направление государственной программы «Доступная среда» (на 2011–2020 гг.). Современные технологии в зависимости от вида и степени инвалидности предлагают специальные технические средства – тактильные и аудиодисплеи для незрячих пользователей, различные модификации клавиатур и манипуляторов для людей с нарушениями функций ОДА, специализированные компьютерные мыши для людей с нарушениями слуха и речи и т.д. Производители программного обеспечения так-

же делают акцент на функциях, предназначенных для людей с ОВЗ. Например, приложение GoogleGesture переводит язык глухонемых людей в режиме реального времени и пр.

Развитие информационных технологий совершенствует и подвергает пересмотру устоявшиеся организационные формы, позволяющие интегрировать людей с ограниченными возможностями здоровья в общество.

Во-первых, следует рассмотреть возможность широкого доступа к информации посредством овладения информационными компьютерными технологиями, использования специализированных технических устройств и программ для коммуникации.

Во-вторых, следует отметить возможность доступа к программам образования, в том числе профессионального и высшего, с использованием дистанционных форм обучения, с применением интерактивных виртуальных сред с погружением, инновационным технологическим проектам, к повышению своего образовательного и профессионального уровня.

В-третьих, с возникновением новейших сетевых инструментов бизнеса (например, краудсорсинг) расширяются сферы профессиональной деятельности, открываются дополнительные возможности трудоустройства инвалидов при надомной форме работы, а специализированные интернет-сообщества объединяют работодателей и сотрудников, готовых к взаимодействию на удалённой основе.

Освоение новых видов профессиональной деятельности, востребованных, высококвалифицированных, а, следовательно, достойно оплачиваемых, позволяет в перспективе решить проблему малообеспеченности.

Важную роль в повышении уровня инклюзии и социализации инвалидов в современном обществе играют социальные сети. Помимо тематических социальных сетей (порталы <http://www.invalirus.ru>, <http://www.disability.ru>, социальные сети «Соседи», «Инвалидов нет», LydiX.ru, ИнваМир, специализированные сети знакомств, учебно-консультативные, развлекательные порталы, библиотеки для слепых) люди с ОВЗ часто используют популярные онлайн-сообщества, общаются в разнообразных форумах и блогах (например, Одноклассники, Вконтакте, LiveJournal, Facebook, Twitter) [4]. Важно отметить тот факт, что обмен опытом социальной адаптации, инновационными находками в реабилитации «частным порядком» (в форме размещения в сети Интернет самостоятельно записанных видеосюжетов о ведении быта, выполнении

повседневных операций самообслуживания) стал развиваться гораздо раньше профильных порталов и дал возможность инвалидам найти поддержку, принять свое состояние, самостоятельно научиться справляться с возникающими трудностями.

Однако, несмотря на все позитивные стороны проникновения информационных технологий в жизнь людей с инвалидностью, необходимо отметить, что активное использование ими сети Интернет все чаще приводит к развитию интернет-аддикции. Согласно опросу, проведенному информационным порталом для инвалидов «Inva.tv», в среднем инвалиды ежедневно проводят за компьютером от 4 до 12 часов, а главная их цель – ее отметили 45% опрошенных – общение, компенсация его дефицита в реальной жизни [4].

Кроме того, развитие интернет-коммуникаций в определенном смысле содействует поддержанию стратегии эксклюзии и самоизоляции: доступность информации снимает актуальность физического взаимодействия, а посещение тематических порталов ограничивает круг общения инвалидов.

Таким образом, инвалиды все активнее включаются в информационную среду, которая дает новые возможности для развития, самореализации и участия в социальных взаимодействиях, иными словами, для их социальной интеграции. Так, информационное общество способствует изменению социального подхода к пониманию инвалидности, формированию более позитивного отношения общества к лицам с инвалидностью и наоборот, стиранию барьеров и разрушению стереотипов. Однако не следует игнорировать и негативное влияние развития информационных технологий и интернет-коммуникаций на процесс социализации инвалидов, проявляющееся как содействие внутригрупповой изоляции, снижение навыков непосредственной коммуникации («живого общения»), развитие аддикции.

Библиографический список

1. Табылгинова, Л. А. Основные научные подходы к понятию «социальная интеграция» / Л. А. Табылгинова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н. Г. Чернышевского. Сер.: Социологические науки. – 2011. – С. 196–201. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-nauchnye-podhody-k-ponyatiyu-sotsialnaya-integratsiya> (дата обращения: 12.11.2019).

2. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем: культура, личность и место социальных систем / Т. Пар-

сонс. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aver/10.php (дата обращения: 11.11.2019).

3. Антонова, В. К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам / В. К. Антонова // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – Т. 11, № 2. – С. 151–170. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-sotsialnoy-inklyuzii-i-eksklyuzii-v-globalnom-obschestve-dreyf-po-sotsialnym-institutam-aktoram-i-praktikam/viewer> (дата обращения: 11.11.2019).

4. Бухтиярова, И. Н. Информационные технологии как фактор развития современного инклюзивного общества / И. Н. Бухтиярова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6. – С. 118–121. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15986014> (дата обращения: 12.11.2019).

УДК 37.068

М. Д. Обушникова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСТВА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Дается характеристика волонтерского движения в России. Затрагиваются вопросы специфического развития добровольчества в информационном обществе, рассматриваются особенности функционирования волонтерства.

Ключевые слова: волонтер, добровольческая деятельность, информационное общество, молодежь, социальное служение.

М. D. Obusnikova

Penza State University, Penza

SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF VOLUNTEERISM IN THE INFORMATION SOCIETY

Abstract. The article describes the volunteer movement in Russia. The article gives a description of specific development of volunteering in the information society are touched upon, the features of the functioning of volunteering are considered.

Keywords: volunteer, volunteering, information society, youth, social service.

Развитие добровольчества в России – это одно из актуальных и перспективных направлений государственной политики. Данное утверждение подтверждает факт объявления 2018 года годом добровольца в РФ. В настоящее время в России добровольческие инициативы находят широкую поддержку, поскольку соответствуют государственной социальной политике, направленной на реализацию демократических идей, прав человека и социальной справедливости. Молодежь в развитых странах – один из важнейших социально-экономических ресурсов общественного развития. Молодые люди являются активными членами общества, проводниками социальных инноваций. Благодаря высокой мобильности у них нет проблем в коммуникации, освоении новых социальных ролей и обучении новым технологиям. Стремление молодежи к общественному участию реализуется через деятельность добровольческих организаций. Добровольчество как способ организации участия членов социума в общественной жизни позволяет удовлетворить как потребности общества, так и личности. Для общества и государства волонтерская активность представляет собой значимый ресурс разрешения многих социальных проблем, а также эффективный механизм сплочения и интеграции (не случайно актуализация интереса к волонтерству в различных странах, как правило, приходится на кризисные периоды их развития). Для личности добровольчество – это возможность самореализации и саморазвития [1, 125].

Таким образом, добровольчество можно расценивать как форму взаимовыгодного партнерства личности, общества и государства, которое берет на себя обязанность законодательно урегулировать данную сферу деятельности [3, 9].

С развитием информационного общества изменяются и традиционные формы оказания добровольческой помощи. Благодаря созданию глобального информационного пространства, доступу к мировым информационным ресурсам волонтеры могут обмениваться опытом, учиться, участвовать в социально значимых проектах по всему миру. Специфические признаки информационного общества постепенно интегрировались в добровольческую деятельность. Это стало одной из причин активного развития добровольчества. Из-за этого появилась необходимость упорядочения и регламентации этой деятельности, т.е. фактически ее институализации.

Создание эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных институтов, распространение и использование информации как важнейшего условия демократического развития, улуч-

шение взаимодействия населения с органами власти привели к оформлению устойчивых механизмов взаимодействия участников отношений.

Эти отношения закреплены в нормативно-правовых и этических документах (сегодня, например, в России юридические аспекты волонтерства отражены в ФЗ «О добровольчестве (волонтерстве)» и в ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»; этические аспекты – в Кодексе добровольцев России, принятом 19 мая 2007 г. на Втором Международном фестивале добровольчества). Определены системы статусов и ролей («доброволец (волонтер)» – «благополучатель»), также нашедшие отражение в нормативных актах.

Происходит формирование организационной структуры добровольчества, включающей волонтерские отряды различных государственных и негосударственных, коммерческих и общественных организаций и учреждений, а также их объединения на региональном, федеральном и международном уровнях. Повышение уровня профессионального и общекультурного развития за счёт совершенствования системы образования и расширения возможностей систем информационного обмена, повышение роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству, как важнейших характеристик труда, привели к дифференциации волонтерской деятельности. Одним из направлений является медиа- или информационное волонтерство. Деятельность волонтеров этого направления заключается в освещении всех мероприятий, видео, аудио сопровождении проектов. Медиа-волонтеры практикуют проведение интернет-трансляций по всему миру. Это очень эффективная технология для людей, которые не могут попасть на проект или мероприятие. Благодаря этому и другим направлениям волонтерства молодые люди приобретают профессиональные навыки.

Расширение сферы использования волонтерского труда и повышение требований к его качеству приводит к привнесению в добровольческую деятельность квалификационных требований, характерных для профессиональной деятельности. Так, например, на крупномасштабных мероприятиях и в некоторых организациях практикуют трехуровневую систему организации добровольчества. На каждом уровне волонтер должен иметь ряд компетенций, соответствующих его задачам.

Первый уровень – волонтер «staff», выполняет самые простые функции (подготовка площадки, встреча гостей, их сопровождение и т.д.).

Второй уровень – «team-лидер» или «главный менеджер» – организует работу волонтеров, распределяет задачи, контролирует и отвечает за качество работы.

Третий уровень – «проектный менеджер» или «PM» отвечает за успешную реализацию проекта или мероприятия, он разрабатывает программу, руководит всей командой, решает возникающие проблемы. У него должен быть большой опыт в руководстве, умение работать с большой командой, коммуникативные и лидерские навыки. Влияние информационного общества на волонтерство затрагивает и значимые проблемы развития добровольчества в нашей стране, которые обсуждались, в том числе, на прошедшем в Москве Международном форуме «Доброволец – 2018» [2, с.15].

Во-первых, это проблема учёта волонтеров и волонтерских организаций, так как многие оказывают помощь неформально, т.е. не состоя в организациях, стихийно. Для решения этой проблемы в 2015 г. был открыт федеральный сайт «Доброволец РФ», на котором каждый волонтер или объединение волонтеров может зарегистрироваться и получить доступ к информации о планируемых событиях, подать заявку для участия в них и т.п. [3, с. 8–9].

Вторая проблема – систематизация и интеграция деятельности волонтеров и их объединений. Создание глобального информационного пространства обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах. Для решения данной проблемы в 2017 г. был разработан стандарт поддержки волонтерства в РФ, в соответствии с которым в городах стали создаваться добровольческие волонтерские центры (ресурсные центры), оказывающие гражданам и организациям полный комплекс услуг по консультативной, ресурсной, организационной, информационной и методической поддержке в сфере добровольчества с целью создания благоприятных условий для осуществления добровольческой деятельности. На сегодняшний день самыми перспективными являются Центры в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Ульяновске, Республике Коми [5, с. 16–20].

Третья проблема – это оценка эффективности волонтерской деятельности от микро- до макроуровня. Например, в Норвегии с 2007 по 2013 год проводилась оценка эффективности добровольческой деятельности путем определения доли доходов, полученных в результате волонтерского труда. И этот вклад в ВВП страны составил 2,7 %. У нас, к сожалению, такая статистика не ведется.

В цифровом обществе рост интереса к участию в масштабных событийных мероприятиях в качестве волонтеров среди молодежи намного выше, чем в других направлениях добровольчества. Происходит подмена ценностей и мотивации. Желание помочь заменяется стремлением стать частью значимого события, получить возможность путешествовать, получить продукцию с символикой мероприятия и т.д. Волонтерская деятельность на подобных мероприятиях несет минимальную нагрузку. Происходит подмена понятий, миссия добровольческой деятельности может обесцениваться [6, с. 38].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что информационное общество влияет на добровольческую деятельность двояко. Эффективность добровольческих программ в современной России зависит от создания единого информационного пространства. Информационная платформа «Добровольцы РФ» на данный момент активно развивается. Площадка успешно реализует свою цель - объединить волонтеров, гражданских активистов, некоммерческие организации, государственные учреждения для организации компетентной и комплексной помощи. Портал позволяет волонтерам контактировать друг с другом по всей стране, участвовать в вебинарах, форумах. Год добровольца стал серьезным шагом к развитию волонтерства. Были реализованы многие проекты, проведены крупномасштабные мероприятия, эффективность и значимость которых можно будет определить в скором времени.

Библиографический список

1. Егорова, Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. 100 000 слов и выражений / Т. В. Егорова. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.

2. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федер. закон № 135-ФЗ от 11.08.1995 : [в ред. от 18.12.2018] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>

3. Сколько волонтеров в России? // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – Москва : Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. – № 1(14). – 38 с.

4. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации : учеб. пособие / под ред. И. В. Мерсияновой. – Москва : Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. – 198 с.

5. Сайт «Добровольцы России». – URL: <https://xn--90acesaqsbbbreoа5e3др.хп--р1аi/> (дата обращения: 15.12.2018).

6. Стандарт поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах Российской Федерации //Агентство стратегических инициатив. – Москва, 2017. – С. 327.

УДК 364.467

Е. С. Шарикова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИНКЛЮЗИВНОГО ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Затронуты основы функционирования инклюзивного волонтерства и основные проблемы его практической реализации, в том числе в контексте информационного общества.

Ключевые слова: инклюзивное волонтерство, человек с ограниченными возможностями здоровья, проблема.

E. S. Sharikova

Penza State University, Penza

THEORY AND PRACTICE OF INCLUSIVE VOLUNTEERING IN RUSSIA: THE PROBLEM STATEMENT

Annotation. The article touches upon the basics of the functioning of inclusive volunteering and the main problems of its practical implementation, including in the context of the information society.

Keywords: inclusive volunteering, people with disabilities, problem.

Волонтерство вошло в нашу жизнь сравнительно недавно и сразу привлекло к себе внимание активного населения страны. «Волонтерство» – понятие собирательное: оно подразумевает множество разновидностей добровольческой деятельности и понимается как безвозмездная, сознательная и добровольная деятельность на благо общества.

В последние десятилетия укрепляет свои позиции инклюзивное (включённое) волонтерство. Этот термин сравнительно новый и обозначает «совместную добровольческую деятельность людей

с ограниченными возможностями здоровья и без таковых, направленную на помощь людям, организацию мероприятий, решение социально-значимых проблем общества» [1, 3]. Актуальность инклюзивного волонтерства вызвана тем положением, которое занимают в обществе люди с ограничениями здоровья. Выделяют три стадии отношения общества к лицам с ограниченными возможностями здоровья:

1) «отрицание» – неприятие людей с ограниченными возможностями здоровья как членов общества, избегание контактов с ними. Работа с лицами, имеющими ограничения, на этом этапе сводится, как правило, к медицинской помощи;

2) «жалость» связана с восприятием людей с ограниченными возможностями здоровья в качестве жертв социализации. В данном контексте широко развивается адресная помощь, просвещение остального населения о проблемах данной категории людей, благотворительность;

3) «принятие» характеризуется признанием людей с ограниченными возможностями здоровья полноценными членами общества со своими потребностями, проблемами, возможностями [4, 140].

С одной стороны, негативное отношение тормозит развитие инклюзивного волонтерства в России, с другой – инклюзивные волонтеры из числа лиц с ограничениями ломают стереотипы, завоевывая внимание и уважение у здорового общества. Происходит формирование и закрепление инклюзивной культуры, т.е. системы принципов и ценностей инклюзивной добровольческой деятельности и обеспечение безопасности, комфорта, сохранения физического и ментального здоровья на протяжении осуществления волонтерского процесса.

В качестве теоретических основ функционирования инклюзивного волонтерства, как одного из видов волонтерства в целом, могут быть предложены следующие положения:

– нравственные потребности не являются естественными для человека, следовательно, человек нуждается во внутренней или внешней мотивации к добру (формирование ценностей, потребностей, установок);

– необходимость в добре и помощи вызывает естественное желание отзываться на нужды других, прилагать усилия для улучшения окружающей и своей собственной жизни в том числе [2, 15–16];

– лица с ограничениями ценны для общества, они обладают стремлением к самореализации и их социальные права не должны быть ущемлены [3, 6].

Инклюзивное волонтерство и инклюзивная культура среди лиц с ограниченными возможностями здоровья и без таковых – это возможность по-новому посмотреть на человека с ограничениями, увидеть его потенциал. Эта та модель инклюзивного общества в малом формате, в котором все взаимодействуют на равных, а негативные стереотипы о людях с ограничениями постепенно сходят на нет. Данную проблему позволяет смягчить информационное общество: информационно-коммуникативные технологии позволяют обратить внимание общества на проблему инклюзии. В этом плане информационное общество является общественным благом.

И если проблема толерантного отношения постепенно снижает свою напряженность, связанную с социальным негативом, то другая насущная проблема – организация доступной среды – сохраняет свою актуальность. Проблема доступности существенно тормозит развитие инклюзивного волонтерства в России. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда», утвержденная 29.03.2019 постановлением Правительства РФ № 363, имеет благородную цель – «создание правовых, экономических, институциональных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни»[5]. Несмотря на то, что срок действия программы подошел к половине (она рассчитана на 2011–2025 гг.), доступная среда на достойном уровне развита далеко не во всех городах нашей страны, что не позволяет физически и ментально комфортно чувствовать себя человеку с ограничениями в процессе социальной жизнедеятельности. Для инклюзивных волонтеров отсутствие необходимых средств доступности означает ограниченность в действиях и, следовательно, минимальный набор видов волонтерской деятельности.

Специфика данных проблем отчасти обусловлена отсутствием нормативно-правовых документов, составляющих нормативно-правовую базу инклюзивного волонтерства. Единственным нормативно-правовым документом, отражающим специфику инклюзивного волонтерства, является «Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2950-р от 27.12.2018. Недавно изданный документ говорит о том, что на инклюзивное волонтерство, как на реальный ресурс современного общества, обратили внимание буквально годом ранее. В государстве, в котором тема инклюзии поднимается уже несколько десятков лет, это большое упущение.

Проблемное поле, которое взаимосвязано со всеми вышеперечисленными моментами и остро актуально, – недостаточный уровень теоретизации инклюзивного волонтерства. На практике данный ресурс применяется (и весьма успешно), но отсутствие развитой и систематизированной теоретико-методологической базы ведет к дезорганизации в применении инклюзивного волонтерства. Опыт передается от региона к региону, и это отсутствие четкой структуры (программы) не позволяет контролировать деятельность и обнаруживать проблемные места. Невозможность осуществления контроля негативно сказывается на всей работе, поскольку лицу с ограничениями может быть нанесен вред, но это не будет выявлено вовремя. Такая ситуация не должна произойти, особенно если речь идет об учреждениях социальной помощи, которые выступают организаторами инклюзивного волонтерства.

В сравнении с западной моделью инклюзивного волонтерства отечественная, конечно же, значительно отстает в своем развитии. Это обусловлено историческими, экономическими и политическими особенностями нашей страны. В западных странах силы максимально сконцентрированы на борьбе с разного рода дискриминацией в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья: общественные места оборудованы техническими средствами реабилитации, широко развиты группы реабилитации, нет проблем с рабочими местами и профессиональной (трудовой) реабилитацией инвалидов. Инклюзивное волонтерство в западных странах – это уже укоренившаяся технология, испытанная годами. Инклюзивные волонтеры выполняют серьезную и значимую для общества работу, чувствуя себя полноценными людьми. Отечественная модель только стремится достичь такого уровня. Точных временных ориентиров получения такого результата нет, однако, авторы статей, посвященных инклюзивному волонтерству, приходят к выводу, что, благодаря государственным программам в области волонтерства и стремлениям общественного сектора, инклюзивное волонтерство достигнет высокого уровня в ближайшие несколько десятилетий и будет существовать в каждом регионе нашей страны.

Подводя итог, можно еще раз отметить, что ведение практики инклюзивного волонтерства требует разработки серьезной теоретической базы. Данная статья является средством привлечения внимания исследователей к обозначенной проблеме и предпосылкой разработки темы инклюзивного волонтерства в дальнейшем.

Библиографический список

1. Примак, Е. П. Год добровольца (волонтера) в России / Е. П. Примак // BIBLIOPSKOV.RU. – Псков, 2018. – URL: <http://bibliopskov.ru/zip/god2018Volontera.pdf> (дата обращения: 20.10.2019)
2. Агирбов, С. Р. Добровольчество (волонтерство): этический аспект / С. Р. Агирбов, А. С. Сказко // Научно-исследовательские публикации. – 2014. – № 4. – С. 68–73.
3. Быстрова, Л. И. Методические рекомендации по развитию волонтерских центров инклюзивного добровольчества : метод. пособие / Л. И. Быстрова, Л. В. Галиханова, Е. В. Крутицкая. – Москва : РГСУ, 2018. – 99 с.
4. Горбулева, М. С. Добровольчество: генезис и мотивы / М. С. Горбулева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5 (158). – С. 140–146.
5. Государственная программа «Доступная среда» на 2011–2025 гг. – URL: <https://rosmintrud.ru> (дата обращения: 22.10.2019).

УДК 316.3.4

Э. А. Хакимова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ГЕНЕЗИС ПОДХОДОВ И ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ИНДИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Рассматриваются подходы к осуществлению социальной работы в Индии в деятельности социальных реформаторов, общественных деятелей и организаций. Сформулированы основные принципы социальной работы в общественной мысли Индии Нового времени.

Ключевые слова: социальная работа, социальные реформаторы, гуманизм, справедливость, социальное равенство, социальное зло.

E. A. Khakimova

Penza State University, Penza

GENESIS OF APPROACHES AND PRINCIPLES OF SOCIAL WORK IN THE PUBLIC THOUGHT OF MODERN INDIA

Abstract. The article deals with the formation of approaches to the implementation of social work in India in the activities of social reformers, public figures

and organizations. The basic principles of social work in the social thought of India of the New time are formulated.

Keywords: social work, social reformers, humanism, justice, social equality, social evil.

Формирование социальной работы как специальной практики, так же как и ее теоретических основ в Индии связано с процессами модернизации, которые начались с периода британского колониального правления (XVIII–XIX в.). Трансформация традиционной системы социальных отношений под воздействием колониальной экономики и управления, введение правовых и политических структур, характерных для модернизирующегося общества стали предпосылкой формирования социальной мысли, в которой и обозначились базовые основания помощи и поддержки страдающих людей. Осознавать наличие в обществе социальных проблем, социальных пороков, и социальной ситуации, которые требуют изучения и изменения, начали интеллектуальные круги регионов, тесно контактирующих с европейской культурой, и первыми были мыслители Бенгалии [1, 208].

У истоков формирования подходов к осуществлению социальной работы находятся социальные реформаторы, общественные деятели и организации.

Потребность в социальных и религиозных реформах, проявившаяся в первые десятилетия XIX века, частично возникла благодаря проникновению в Индию западного образования и культуры. Благодаря контакту Индии с Западом образованные индийцы осознали, что социально-религиозные преобразования являются предпосылкой всестороннего развития страны. Период социальных реформ начался в Индии благодаря, с одной стороны, деятельности философа и общественного деятеля Раммохана Рая (1772–1833) и его единомышленников, а с другой, – с мероприятий британской колониальной власти.

Первым реформаторским движением можно считать основанное в 1828 году Раммоханом Раем религиозное общество «Брахмо самадж» [3, 19]. Его основная цель заключалась в утверждении монотеизма – веры в Брахмо (единого Бога), понимаемой как подлинная суть индуизма. Раммохан Рай ориентировался на освоение европейских социальных институтов с сохранением традиций и обычаев индийского общества [3, 40]. Никакие изменения в других сферах невозможны, пока не произойдут изменения в социальной сфере. Формирование гражданского общества – это важная состав-

ляющая социального возрождения. Раммохан Рай выступил против детских браков, унижения и зависимости женщин, кастовой системы, коррупции в судах. Он считал, что необходимо прививать людям милосердие, сострадание, доброжелательное отношение к окружающим, устранить несправедливость и дискриминацию по какому-либо признаку, формировать в Индии гражданское общество, где все равны перед законом, обладают одинаковыми правами и свободами. Также важную роль, по его мнению, играло воспитание и образование человека. Государство должно быть заинтересовано в формировании развитой, образованной и творческой личности, независимо от пола. Кроме этого, особое внимание следует уделять улучшению положения малообеспеченных слоев населения и бороться с бедностью. Эти положения объективно легли в основу представлений о социальной работе в Индии.

Позже религиозно-реформаторские общества появились и в других регионах Индии. В Мадрасе в 1864 году возникло Ведийское общество («Веда самадж») [2, 19], которое было организовано таким образом, что в нем господствовало взаимопонимание, любовь к окружающим и сотрудничество. В 1867 году в Бомбее было основано Молитвенное общество («Прартхана самадж»), среди целей были социальные изменения: его лидеры стремились отменить детские браки и бороться с дискриминацией женщин [4]. Еще одним религиозно-реформаторским обществом был «Арья Самадж», основанный Дайянандой Сарасвати в 1875 году [2, 20]. В социальной области оно выступало против кастовой системы, за распространение просвещения и проведение религиозных реформ, а также за женское образование и преодоление социальных обычаев, отсутствующих в «изначальном» учении Вед. Для всех перечисленных обществ характерно особое внимание к распространению идей гуманизма и сострадания к людям.

Во второй половине XIX века стали появляться просветительские организации других религиозных общин Индии – сикхов и мусульман. В Амритсаре в 1873 году было создано общество «Шри гуру Сингх сабха», основной целью которого было распространение образования [2, 21]. Деятельность общества «Сингх Сабха», была направлена на пропаганду образования, просветительской деятельности и выпуску религиозной и исторической литературы. При содействии данного общества в 1892 году был открыт Колледж Хальсы при университете в Амритсаре. Одной из первых организаций мусульман стало основанное в 1863 году в Калькутте «Мусульманское литературное общество». Его основал писатель и об-

щественный деятель Абдул Латиф, убеждённый в том, что человек должен быть образованным, и поэтому необходимо создать колледж для мусульманской молодежи по европейскому образцу.

В конце XIX – начале XX вв. многие социальные реформаторы выступили против кастовой дискриминации. Они выдвинули принцип существования одной касты и одного Бога. Опираясь на этот принцип, реформаторы строили храмы, которые были открыты для всех независимо от принадлежности к высшим и низшим варнам (сословиям).

В связи с деятельностью реформаторов и обществ в ответ на их социальные инициативы колониальная власть принимала законодательные акты, обеспечивающие преодоление традиционных обычаев и практик. Прежде всего это *сати* – практика сжигания вдовы с ее умершим мужем; в 1829 году она была объявлена незаконной и уголовно наказуемой [3, 226]. Сати как убийство – социальное зло, облеченное в религиозную форму, но содержанием его был социальный порок общества [3, 229]. Благодаря общественной кампании реформатора и просветителя Ишвара Чандры Видьясагара в 1856 году лорд Далхузи принял Закон о повторном браке вдов. Видьясагар также вёл кампании против детских браков и многоженства. Жестокий обычай предлагать маленьких детей в жертву богам, практикуемый некоторыми племенами, был запрещен. В трудах реформаторов настойчиво проводится идея о ценности человеческой жизни и ценности человека. Многие индийские просветители боролись за социальное равенство и выступали против дискриминации женщин. Со временем усилиями просветителей и энтузиастов образования стали получать образование женщины. Начала зарождаться идея о том, что ребенок нуждается в помощи и защите.

Реформаторские движения и организации готовили почву для развития профессиональной социальной работы. Первая школа социальной работы в Индии появилась в 1936 году в Бомбее.

Благодаря деятельности самаджей и реформаторов в общественной мысли Индии Нового времени начали зарождаться основные принципы социальной работы.

1. Принцип гуманизма, который предполагает уважение к человеку, признание достоинства его личности, доброжелательного к нему отношения.

2. Принцип социального равенства, обозначающий равенство прав людей независимо от их социального статуса, и принадлежности к различным классам и социальным группам.

3. Принцип справедливости, ориентирующий на соблюдение прав людей, равный доступ к социальным возможностям и культурным ценностям.

4. Принцип универсальности, который предполагает исключение дискриминации при оказании помощи по любым признакам идеологического, политического, религиозного, национального, расового, возрастного характера. Содействие должно оказываться каждому человеку по единственной причине – его потребности в помощи.

5. Принцип доступности обучения – предоставление каждому человеку возможности получать образование независимо от пола, расы, национальной принадлежности, социального статуса и т. д.

Таким образом, в основу подходов социальной работы в Индии Нового времени легли идеи и инициативы социальных реформаторов. Реформаторская практика задавала двухуровневую модель действия: 1) работу с сознанием людей в направлении развития сострадания и милосердного отношения к человеку; 2) практику непосредственной помощи жертвам жестоких традиционных норм и обычаев вместе с культурно-просветительскими инициативами.

Библиографический список

1. Скороходова, Т. Г. Бенгальское Возрождение. Очерки истории социо-культурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени / Т. Г. Скороходова. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2008. – 320 с.

2. Юрлов, Ф. Н. История Индии. XX век : учебник / Ф. Н. Юрлов. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2010. – 920 с.

3. Скороходова, Т. Г. Философия Раммохана Рая. Опыт реконструкции / Т. Г. Скороходова. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2018. – 416 с. – Сер. «Orientalia».

4. Скороходова, Т. Г. Прартхана Самадж – религиозно-реформаторское общество Махараштры // Педагогический институт им. В. Г. Белинского: традиции и инновации : сб. ст. науч. конф., посвящ. 75-летию Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (г. Пенза, 16–17 декабря 2014 г.) / под общ. ред. канд. физ.-мат. наук, доц. О. П. Суриной. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – С. 35–38.

А. А. Гарасиева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. Анализируется развитие благотворительной деятельности в России. Рассматриваются изменения в содержании конкретных форм благотворительности. Особое внимание уделяется роли благотворительности как экономической предпосылки развития социальной помощи населению.

Ключевые слова: благотворительная деятельность, социальная помощь, пожертвования, нуждающиеся, милостыня.

A. A. Garasieva

Penza State University, Penza

DEVELOPMENT OF CHARITABLE ACTIVITIES IN RUSSIA

Abstract. The article talks about how charitable activities developed in Russia. Changes in the content of specific forms of charity are considered. Particular attention is paid to the role of charity as an economic prerequisite for the development of social assistance to the population.

Keywords: charity, social assistance, donations, alms to the beggar.

Благотворительная деятельность уходит своими корнями глубоко в древность. Кажется, что благотворительность существовала всегда, а ее формы четко обозначены, к ним относятся государственная помощь и частные пожертвования как физических, так и юридических лиц. Однако анализ благотворительности в историческом контексте показывает, что данная деятельность развивалась и продолжает развиваться неравномерно и выражаться в различных формах социальной помощи.

Само понятие благотворительная деятельность не имеет четкого общепринятого определения. В зависимости от различных критериев, подходов, принципов, которые закладываются в основу определения, авторы трактуют это понятие по-разному. П. Я. Цитликов в своей книге «История социальной работы» трактует благотворительность как добровольную и безвозмездную помощь лицам, нуждающимся в поддержке и покровительстве [1, 7].

Сулакшин С. С. в книге «Благотворительность в России и государственная политика» дает следующее определение: «Благотворительная деятельность понимается как добровольное безвозмездное содействие одних членов общества другим, признаваемым нуждающимися в такой помощи в соответствии с нормами и обычаями данного общества» [2, 6].

Сегодня российское законодательство определяет благотворительность как «добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [3].

Под благотворительностью в рамках данной статьи мы будем понимать добровольную безвозмездную деятельность, направленную на оказание помощи лицам, которые в ней нуждаются. Осуществляется благотворительная деятельность как в форме частных пожертвований, в соответствии с возможностями граждан, так и в форме организованной помощи определенным категориям населения, что непосредственно закреплено в государственных документах.

Еще с древнейших времен была развита культура милосердия, благотворения и филантропии, однако, как социальный институт благотворительность оформилась не так давно, перед этим пройдя путь преобразований. Благотворительность зародилась с милостыни и частных форм помощи нуждающимся, развиваясь до институционально оформленной системы социальной защиты.

Возникновение благотворительности в Киевской Руси связывают с принятием христианства, именно в это время идея помощи «ближнему» окрепла. В церковном уставе, принятом в 996 г., в годы правления князя Владимира (958 г. – 1015 г.), определялось, что забота о немощных, больных, искалеченных и других нуждающихся вменялась в обязанность духовенству.

В «Повести временных лет» можно найти упоминания о том, как князья оказывали социальную помощь нуждающимся. Князь Владимир Святославич (Креститель) «повелел всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги», тем, кто не мог сам прийти, развозили хлеб, мясо, рыбу, различные плоды, мед и квас на специальных повозках [4, 39].

До XV века благотворительная деятельность носила стихийный характер, так как осуществлялась от имени частных лиц или

монастырями и церквями, если к ним обращались за помощью. Во время царствования Ивана III были сделаны первые попытки классифицировать нищих «по нуждам», то есть выделить определенные категории, которым необходима была помощь разного рода.

Более или менее организованная благотворительность появляется в 1551 году. Церкви и монастыри должны были заниматься благотворительной деятельностью под контролем государства. Иван IV Грозный повелел составить новые законы, многие статьи которых были специально посвящены немощным, больным, увечным, нищим [5, 69]. Также в круг государственных задач входило и призрение в отношении детей-сирот. Однако, несмотря на попытки урегулирования вопросов неравенства в обществе и помощи нуждающимся, реального применения принятые законы и положения не получили. А вот роль монастырей и церквей в оказании помощи нуждающимся оставалась значительной. В XVI в. растет количество монастырских богаделен и больниц для бедных и нищих. Одной из форм церковно-монастырской помощи нуждающимся было появление сиротских приютов, школ, церковных училищ для бедных. Монастыри продолжали быть убежищем для многих сирот и брошенных детей. И, если первые попытки организованной благотворительной деятельности не увенчались успехом, все же они делались, что положило начало более серьезным решениям в этой области.

С приходом Романовых на престол идея благотворительности, основанная на помощи ближнему, продолжала развиваться. В середине XVII в. при царе Алексее Михайловиче получила свое дальнейшее развитие идея постепенного сосредоточения призрения в руках гражданской власти. В это время были созданы приказы, которые были направлены на призрение бедных и сирот. Открываются сиротские дома [6, 158]. При дворце на полном обеспечении постоянно жили богомольцы, юродивые, странники.

В 1682 г. царь Федор Алексеевич издал указ, который, во-первых, обязал государство создать организованную систему призрения, во-вторых, из общего числа нищих выделялись нищие безродные дети. Так впервые поднимается вопрос о создании специальных домов с целью обучения их грамоте, ремеслам и наукам. В отношении немощных и увечных была предпринята попытка помещения их в особые госпитали-богадельни [7, 15].

Во время правления Петра I также существовала помощь различным категориям населения. В отношении бедных и нищих,

с одной стороны, издается указ в 1712 году, который запрещает им просить милостыню на улицах под страхом жестокого наказания. С другой стороны – Петр распорядился, чтобы больные, нищие и престарелые содержались в богадельнях. Для увечных во всех губерниях стали появляться «гошпитали». Петр I существенно изменил отношение к детям, в том числе и к сиротам. Уделялось большое внимание опеке и устройству ребенка в семью. Детей-сирот воспитывали, старались обучать грамоте и разному мастерству, по мере возможностей им давалось образование.

Содержание богоугодных учреждений в годы правления Петра I основывалось на частных пожертвованиях, отчислениях со штрафов с раскольников. Царь сам жертвовал до 1/3 своего жалования, для того, чтобы показать на личном примере, что необходимо помогать тем, кто нуждается в помощи. Однако, несмотря на все меры, принятые во время правления Петра, особых результатов это не принесло, и после этого внимание к проблемам общественного призрения сменилось периодом законодательного затишья в этой области.

Елизавета Петровна в 1748 г. возлагает на помещиков обязанность заботиться о нищих и увечных крестьянах. Она требовала строительства богаделен в губерниях, возложив их содержание на Статс-контору. Она настояла на том, чтобы помещики не снимали с себя ответственность за получивших увечье крестьян, которые не могли работать вообще или в полную силу, им должна была оказываться помощь.

При Екатерине II незаконнорожденные подкидыши стали поступать до совершеннолетия в Ведомство приказов общественных учреждений, после чего становились вольными. Осиротевших детей также пристраивали в семьи. В отношении нищих Екатерина II вновь запретила просить милостыню, которую в 1734 году Анна Иоанновна разрешила подавать. Также императрица дала полиции право задерживать нищих, но при этом велела до рассмотрения дела выплачивать им денежную дотацию, что немного улучшило их положение.

В 1764 году появляется первое благотворительное общество – Воспитательное общество благородных девиц. Это было первое женское учебное заведение, которое положило начало женскому образованию в стране. В первые годы своего правления императрица предприняла ряд шагов по открытию благотворительных учреждений нового типа, в которых содержали увечных, больных, убогих и престарелых людей.

В качестве содержания благотворительных организаций были учреждены приказы общественного призрения. Государственная казна выделяла деньги под проценты, а основная сумма на содержание данных учреждений формировалась за счет частных пожертвований. Так в 1781 году была официально разрешена частная благотворительная деятельность, в связи с этим частные лица могли открывать благотворительные заведения.

Таким образом, в рассмотренный исторический период формы социальной помощи претерпевали различные изменения в отношении нищих, детей-сирот, инвалидов и других категорий населения. Если первые попытки помощи нуждающимся носили стихийный, исключительный и автономный характер, так как, во-первых, не контролировались государством, во-вторых, не было деления на категории нуждающихся, то со временем роль и отношение к благотворительной деятельности изменяется и приобретает более оформленный статус, в первую очередь, на государственном уровне.

Создаются различные учреждения, в которых оказывалась помощь нуждающимся, появляются различные нормативно-правовые акты, регулирующие эту деятельность. Постепенно стала складываться система государственного призрения, которая была направлена на разумное и организованное обеспечение нуждающихся. Для эффективной реализации социальной помощи продолжает сочетаться частная и государственная благотворительность.

Начало XIX в. называют «золотым веком» благотворительности в России. Развивалась сословная благотворительность, которая, в основном, состояла из дворянской опеки, целью которой была помощь сиротам, больным, неимущим и престарелым дворянам. В крестьянстве призрение детей-сирот возлагалось на ближайших родственников или на общину.

Императрица Мария Федоровна, жена императора Павла I, внесла огромный вклад в развитие благотворительности, она создала целую систему учреждений призрения, действовавших на благотворительной основе. На даче императрицы в Павловске появилось училище для глухонемых детей, в Севастополе и Николаеве были основаны училища для детей военных низшего звена, открыт институт родовспоможения и «вдовьи дома» в Петербурге и Москве [2, 41]. В это время появляется Указ о выдаче пособия бедной матери. И желающих его получить становится все больше, поэтому в отношении детей-сирот и их матерей появляется так называемое «городское воспитание», суть которого заключается в выплате

определенного пособия матерям на воспитание своих детей дома до достижения ими 7-летнего возраста.

Что касается инвалидов, то было создано попечительство «Инвалидный капитал», все средства которого были впоследствии переданы Александровскому комитету о раненых, учрежденному Александром I.

Частная благотворительность набирала все большую популярность. Например, князь Голицын ежегодно жертвовал по 6 тысяч рублей, еще 142 тысячи рублей он завещал передать обществу после своей смерти. В 1792 г. граф Н. П. Шереметев начал строительство странноприимного дома с больницей для нищих и калек (сегодня это НИИ скорой помощи им. Склифосовского) [2, 43].

Таким образом, частная благотворительная деятельность поддерживала как государственные структуры, так и функционировала самостоятельно.

Развитие мер государственной поддержки выражалось в открытии различных заведений, которые предоставляли помощь гражданам. Так, во время правления Александра I был открыт первый Институт для слепых, стали возникать общества сестер милосердия, которые оказывали поддержку и медицинскую помощь раненым во время войны.

В отношении сирот вступил в силу Закон, который запрещал дальнейшее строительство воспитательных домов в губерниях, всех младенцев, попадавших в воспитательные дома, приюты, отсылали в деревню для формирования «крестьянского сословия». Назад воспитанники вернуться не могли. Однако учреждения для сирот продолжали появляться.

В целом в XIX веке проблемы инвалидов продолжают решаться, им стали назначаться пенсии, продолжают появляться богадельни и инвалидные дома. Также помощь данной категории населения оказывает не только государство, но и частные благотворители. Не менее активную деятельность по оказанию помощи увечным, инвалидам, тяжелобольным осуществляли органы государственного общественного управления. Одним из направлений их социальной деятельности была медицинская помощь населению. Богадельни выступали одним из типов учреждений призрения, которые оказывали помощь неимущим (взрослым), социальный состав которых был разнообразен. Часто богадельни обустроивались за счет частных пожертвований и помощи. Несмотря на то, что благотворительные учреждения носили общественный характер, они

были подконтрольны ведению министерств и ведомств, которые, так или иначе, решали похожие проблемы. В этом заключается связь государственной и общественной функций.

Преобразования в отношении детей-сирот продолжаются. Для более рациональной помощи детям-сиротам и их матерям в середине XIX века создается Комитет главного попечительства, а в 1839 г. разрабатывается «Положение о детских приютах». Матерям оказывается финансовая поддержка с целью предотвращения передачи ребенка в приют. Однако, чтобы определить ребенка в приют, необходимо было доказать материальную несостоятельность матери.

К началу XX века происходят большие преобразования в отношении социальной помощи нуждающимся. Меняются формы и виды учреждений и организаций, оказывающих поддержку населению, создаются различные законы, регулирующие отношения в данной сфере. И, несмотря на то, что проблемы различных категорий населения полностью не решены, идея помощи нуждающимся остается актуальной. Благотворительность выступает в качестве основы для дальнейшего развития форм социальной поддержки. Частная благотворительность остается одной из форм адресной помощи нуждающимся и финансирования государственных организаций. Так, например, предприниматели делали крупные взносы, вели большую социальную работу со своими работниками, которая также контролировалась и государством.

Благотворительность повлияла на развитие системы социальной защиты населения, развитие социальной политики и социального законодательства. Именно благотворительность стала первой попыткой помочь нуждающимся, защитить и поддержать уязвимые слои населения. Государственная благотворительность в основном постепенно вводила различные меры помощи, велись поиски более эффективных путей решения возникающих проблем. Частные пожертвования как разовые, так и систематические всегда присутствовали в жизни социума и носили вспомогательный характер не только для самих благополучателей, но и для государства. Это связано с тем, что государство не всегда имеет возможность помочь всем нуждающимся. Следовательно, сочетание государственной и частной благотворительности благотворно влияет на решение проблем общества. В целом формы благотворительной деятельности не менялись, но вот их содержание и воплощение на практике претерпевали значительные изменения в зависимости от исторических со-

бытий, от политики государства, от возможностей социума и многих других обстоятельств.

Благотворительная деятельность прошла огромный путь и продолжает развиваться по сей день. Если рассматривать примеры, приведенные в статье, то в отношении детей-сирот социальная поддержка прошла путь от милостыни и приюта при монастырях, до создания сиротских домов, а далее и приютов, где они не только жили, но и обучались грамоте и ремеслу. В отношении инвалидов, например, благотворительная деятельность прошла путь от милостыни и подаяния, до пособий и пенсий, создания богаделен, а в дальнейшем и домов инвалидов.

Библиографический список

1. Циткилов П. Я. История социальной работы : учеб. пособие для студентов вузов / П. Я. Циткилов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 448 с.

2. Благотворительность в России и государственная политика : монография / С. С. Сулакшин, Д. В. Бачурина, М. В. Вилисов, Г. Г. Каримова, И. Р. Киш, О. В. Куропаткина, Л. А. Макурина, А.С. Сулакшина. – Москва : Научный эксперт, 2013. – 224 с.

3. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федер. закон № 135-ФЗ от 11.08.1995 : [в ред. от 18.12.2018] // Собрание законодательства. – 1995. – № 33. – Ст. 3340.

4. Повесть временных лет / подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова ; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – 1-е изд. – Ч. 2. – Приложения. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. Наук, 1950. – 556 с.

5. Басов, Н. Ф. Становление и развитие социальной защиты и поддержки инвалидов в дореволюционной России / Н. Ф. Басов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. IV, Педагогика. Психология. – 2010. – № 3 (18). – С. 67–78.

6. Нагорнова, А. Ю. Призрение и социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России с древнейших времен до второй половины XX в. / А. Ю. Нагорнова, Е. Е. Вагина // История и современность. – 2016. – № 1. – С. 154–170.

7. Кононова, Т. Б. История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Кононова Т. Б. – Москва, 1997. – С. 115.

8. Бараненкова, Т. Благотворительность: история, традиции и современность // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 2. – С. 139–152.

УДК 316.36

Г. Ю. Козина, Н. В. Кузьмина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ СУПРУЖЕСКОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. Рассмотрено влияние насилия в супружеских отношениях на функционирование семьи. Определены особенности и детерминанты феномена супружеского насилия. В ходе анализа научной литературы выявлена конфронтация во взглядах на инициаторов супружеского насилия, что осложняет процесс изучения такой социальной группы, как семья. Супружеское насилие имеет негативный контекст для будущего поколения, лишая его успешной социализации в обществе и передавая ему насильственный паттерн поведения.

Ключевые слова: семья, функционирование семьи, насилие, супружеское насилие.

G. Yu. Kozina, N. V. Kuzmina

Penza State University, Penza

FUNCTIONING OF FAMILY UNDER THE MARRIAGE VIOLENCE

Abstract. This article discusses the impact of violence in marital relations on the functioning of the family. The features and determinants of the phenomenon of spousal violence are determined. An analysis of the scientific literature revealed a confrontation in the views on the initiators of spousal violence, which complicates the process of studying such a social group as a family. Spousal violence has a negative context for the future generation, depriving it of successful socialization in society and passing it a violent pattern of behavior.

Keywords: family, family functioning, violence, spousal abuse.

Институт брака своими корнями уходит в глубокую древность, а семья представляет собой и социальный институт, и достаточно устойчивую малую социальную группу. Традиционно принято считать, что именно на семью возлагаются самые значимые

задачи в обеспечении стабильного функционирования общества. В семье формируются, создаются и поддерживаются материальные и духовные потребности человека, определяются традиции, происходит становление личности. Параллельно существованию конструктивных функций семьи мы можем наблюдать издавна существующую и особенно острую в настоящее время проблему насилия в супружеских отношениях, которое влияет на функционирование семьи. Об этом свидетельствуют научные исследования, согласно которым насилие проявляется в каждой четвертой семье [1, 45].

По мнению Р. Г. Петровой, «насилие в семье – это агрессивные и враждебные действия в отношении членов семьи, в результате которых объекту насилия могут быть причинены вред, травма, унижения или смерть» [2, 108].

Актуальность изучения проблемы насилия в семье объясняется тем, что данный феномен по своим масштабам охватывает огромное количество субъектов социальных отношений, а также последствиями, которые оно оказывает не только на функционирование отдельно взятой семьи, но и общества в целом. Являясь единственным социальным институтом, главная функция которого заключается в воспроизводстве и воспитании новых членов общества, семья, в которой существует насилие, представляет собой источник жестокости и насилия для всего общества в целом.

Данному вопросу посвящено достаточно много научных работ. Мы выявили, что отсутствуют научные исследования, анализирующие функционирование семьи в рамках супружеского насилия. Однако можно выделить две проблемы степени его научной разработанности. Во-первых, исследователи рассматривают феномен супружеского насилия лишь с двух позиций: как посягательство на свободу либо женщины, либо мужчины. Во-вторых, проблема насилия между супругами не изучается сквозь призму влияния на функционирование семьи. Ряд ученых (Горшкова И. Д., Забелина Т. А., Крюкова М. В., Лысова А. В., Шведова Н. О. и др.) в своих научных трудах анализируют мужское насилие над женами, а Брайцев Е. А., Карельская Л. П., Тимко С. А. уделили внимание женскому насилию.

Российский социолог Шипунова Т.В. определяет супружеское насилие, как «воздействие одного социального агента (человека, группы, системы) на другого, которое причиняет этому другому вред (физический, психологический, моральный и т.д.) либо превышает меру эквивалентного воздаяния в ответных реакциях» [3, 143].

Современные исследователи (М. А. Беляева, Е. Н. Волкова, Т. А. Забелина, Д. Р. Масальская, Т. Я. Сафонова, Е. И. Цымбал, Е. М. Тимошина, Н. А. Шведова и др.) считают несостоятельным мифом представление о том, что насилие имеет место только в дезадаптированных семьях, где обострены социальные проблемы. По мнению Т. А. Гурко, «насилие в семье не имеет социальных границ, оно встречается во всех социальных группах независимо от уровня дохода, образования, национальности и религиозной принадлежности» [4, 96].

Большинство социологов полагают, что одной из причин насилия в семье является патриархальная социальная структура общества, которая благоприятствует доминированию мужчин. Многие мужчины, привыкшие поднимать руку на жену, оправдывают себя, утверждая, что она сама провоцирует их на это.

Американская исследовательница Карен Хорни истоки насилия видит в окружающей среде, которая формирует поведенческие установки личности еще с детства. По ее мнению, в процессе социализации к ребенку приходит осознание, что враждебность – норма социального взаимодействия, свойственная многим людям [5].

Социолог Галюкова М. И. считает, что «насилие между супругами порождается соперничеством за верховенство в семье» [6, 32].

Сегодня в отечественной социологической мысли имеет место конфронтация во взглядах на инициаторов супружеского насилия. Одни исследуют феномен женского насилия, когда именно жена становится носителем виктимного поведения, другие же в качестве жертв видят мужчин [7, 8]. По имеющимся данным МВД России, соотношение проявления насилия в супружеской паре примерно одинаково, а именно на 1000 пар в год зафиксировано 113 фактов мужского насилия и 121 – женского [8, 48].

Как известно, с активизацией действий неправительственных женских организаций за свои права появилась возможность открыто говорить о проблемах женщин в целом, и, в частности, о насилии над женами в супружеских отношениях. Иначе говоря, общество стало более открытым и конфликты, которые происходили в личной жизни супругов, постепенно стали «у всех на виду». Тем не менее, с уходом страха «вынести сор из избы» не ушло обстоятельство закрытости семьи как самостоятельной системы, что осложняет процесс изучения данной социальной группы.

Помимо внешней среды агрессивное поведение формируется также под воздействием устойчивых гендерных стереотипов, которые как бы негласно «узаконивают» насилие. Если возвращаться

к истокам регулирования брачно-семейных отношений, то можно проследить определенную историческую тенденцию в изменении положения женщины в семье. Речь идет именно о традиционной зависимости жены от мужа, когда последний считался добытчиком и «грозой семейства».

Возвращаясь к теме гендерных стереотипов, мы можем обнаружить, что по причине укоренившегося в общественном сознании представления о мужчинах как о физически сильных и агрессивных существах, игнорируется идея о том, что они могут быть жертвами супружеского насилия. По этой же причине редки случаи обращения мужчин в правоохранительные органы. Исследование Тимко С. А. показало, что респонденты-мужчины в качестве насильственных деяний со стороны партнёрш выделяют такие действия, как оскорбление, обвинение в любовных связях с кем-либо, постоянная критика, угрозы уйти или выгнать из дома, унижение при посторонних людях [9, 36].

Насильственные действия супругов опасны тем, что подрывают основы жизнедеятельности семьи, наносят ничем невозполнимый ущерб детям. Дети, выросшие в семье, где совершалось насилие, испытывают трудности социализации: у них нарушены связи со взрослыми, нет соответствующих навыков общения со сверстниками, они не обладают достаточным уровнем знаний и эрудицией, чтобы завоевать авторитет. Кроме того, усвоенные методы насильственного поведения с большой вероятностью будут практиковаться ими в своих семьях.

Говоря о функционировании семьи в условиях супружеского насилия, следует подчеркнуть, что жестокость в отношениях между партнерами сказывается на исполнении семьей социальных функций. В частности, семья может перейти в разряд дисфункциональной семьи, при которой происходит невыполнение или ненадлежащее исполнение функций семьей. Поскольку насилие порождает насилие и нередко сопровождается осуждениями, обвинениями и критикой в адрес критикуемых, оно может способствовать созданию неблагоприятной среды для прямой функции института семьи – социализационной. Также взаимное недовольство препятствует эмоциональной поддержке одних членов семьи другими, что выражается в эмоциональной нестабильности общества.

Итак, семья, оказавшаяся в сложной жизненной ситуации, связанной с супружеским насилием, нуждается в социальном сопровождении для успешного функционирования в современном обществе.

Библиографический список

1. Крюкова, М. В. Супружеское насилие в отношении женщин как социальная проблема / М. В. Крюкова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 1(21). – С. 45–51.
2. Петрова, Р. Г. Гендерология и феминология : учеб. пособие / Р. Г. Петрова. – Москва : Дашков и К°, 2007. – 232 с.
3. Шипунова, Т. В. Супружеское насилие в контексте виктимизации женщин / Шипунова Т. В. // Вестник московского университета. Сер. 18, Социология и политология. – 2016. – № 3. – С. 142–158.
4. Гурко, Т. А. Трансформация института современной семьи / Т. А. Гурко // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 95–99.
5. Хорни, К. Новые пути в психоанализе / К. Хорни ; пер. с англ. В. В. Старовойтова. – Москва : Академический проект, 2009. – 400 с.
6. Галюкова, М. И. Криминологические аспекты семейно-бытового насилия / М. И. Галюкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2007. – № 9(81). – Вып. 10. – С. 30–34.
7. Ерусланова, Р. И. Насилие в семье : учеб. пособие / Р. И. Ерусланова. – Москва : Дашков и К°, 2010. – 224 с.
8. Карельская, Л. П. Неоднозначность роли мужчин в супружеском насилии и социальная работа / Л. П. Карельская // Сборник научных трудов SWorld. – 2014. – Вып. 3. – С. 48–51.
9. Тимко, С. А. Мужчина – жертва семейного насилия: актуальность проблемы в России / С. А. Тимко, В. П. Тимко // Виктимология. – 2016. – № 3(9). – С. 33–40.

П. С. Папшева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

**МНОГОДЕТНОСТЬ НА ЗАПАДЕ:
ВОЗВРАТ К ТРАДИЦИОННОСТИ ИЛИ ЕСТЕСТВЕННАЯ
ПОТРЕБНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН?**

Аннотация. Проанализированы основные причины, по которым европейские молодые люди стремятся создавать большие (многодетные) семьи. Также выделяются группы факторов, которые оказывают влияние на рост количества многодетных семей в Европе.

Ключевые слова: многодетность, многодетные семьи в Европе.

P. S. Papsheva

Penza State University, Penza

**LARGE FAMILIES IN THE WEST:
RETURN TO THE TRADITIONAL OR NATURAL NEED
OF MODERN WOMEN?**

Abstract. In this article we analyzed the main reasons why European young people want to create large families. Also we highlighted groups of factors that influence the growth of large families in Europe. The basis for writing this article was the research that was conducted on the territory of the European Union from 2015 to 2018.

Keywords: large families, European large families.

В настоящее время одним из приоритетных направлений деятельности внутренней политики любой развитой страны является пропаганда многодетности. Государство создает разветвленные системы льгот, выплачиваются материнские пособия, которые должны дать многодетным семьям определенные преимущества и стабилизировать их финансовое положение. Влияние политики, государственных СМИ, финансовое стимулирование рождаемости – все эти меры активно призывают граждан создавать большие семьи, в которых будет минимум три ребенка. Кроме того, в последнее время активизировались общественные движения, борющиеся за запрет аборт. Не теряют актуальности и силы высказывания церковных представителей, которые не только аборт, но и контрацеп-

цию считают грехом, а также всячески осуждают планирование семьи. Но при этом необходимо заметить, что даже в период малодетности и время «чайлдфри» процент многодетных семей не так мал: на уровне ЕС из всех семей с детьми 13 % (8,5 млн) имеют троих и более детей [1]. Поэтому нам представляется интересным изучить причины, которые побуждают молодых людей создавать большие семьи, а также пути нахождения баланса между работой и семьей.

В 2017 году учеными из Европейской конфедерации многодетных семей был проведен опрос об условиях жизни многодетных семей, а также выявлялись причины, которые побуждают молодых людей создавать большие семьи. В целом ученые выделяют пять групп факторов, которые, по их мнению, оказывают влияние на повышение статуса многодетных семей в обществе: условия работы, жилье, влияние семьи и друзей, помощь правительства и степень религиозности. Согласно обобщенным результатам опроса, влияние данных факторов в европейском обществе распределилось следующим образом: преимущественное влияние при принятии решения о создании большой семьи оказывают условия труда обоих родителей. Как правило, учитываются следующие обстоятельства: наличие работы у обоих супругов; характер работы (постоянная или временная); форма занятости (полный или неполный рабочий день); возможность предоставления оплачиваемых и не оплачиваемых отпусков.

В большинстве многодетных семей наблюдается традиционное разделение семейных обязанностей с полной занятостью мужчины. Данное распределение встречается в 80% семей во всех странах Европы, кроме Франции, где почти половина всех многодетных отцов являются пенсионерами. При этом интересно оценить женскую деятельность: например, португальские многодетные семьи имеют удивительно высокую долю матерей с полным рабочим днем (70 %); в Испании, Латвии и Венгрии около 40 % женщин заняты полный день; в Польше и Италии около 30 %. Во Франции лишь десятая часть опрошенных многодетных матерей работают полный рабочий день. Удивительно и то, что в трех последних странах лишь пятая часть опрошенных заявляют о своем статусе матери-домохозяйки (и почти столько же в Испании и Латвии). Неполный рабочий день также распространен среди многодетных матерей в Италии, Испании, Франции, Венгрии и др. Таким образом, необходимо признать, что женщины перестают быть «хранительницами

очага» в традиционном понимании слова: они не хотят сидеть дома, уходить с работы, лишать себя общения с окружающим миром и посвящать всю свою жизнь воспитанию детей. Современные европейские женщины все чаще стараются найти баланс между семьей и работой. Но при наличии хотя бы троих детей данный баланс кажется невозможным чисто физически. Как же женщинам удастся совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями? Ответ кроется во второй группе факторов, влияющих на принятие решения о многодетности.

На втором месте расположился жилищный фактор. Он подразумевает под собой наличие рядом с домом детского сада, а также факт того, насколько близко от молодой семьи живут бабушки и дедушки. Бабушки и дедушки часто являются основными «поставщиками неформальных услуг по уходу за детьми». Поэтому близость проживания бабушек и дедушек имеет ключевое значение для многодетных семей, ведь они являются незаменимыми помощниками. Около 60 % многодетных семей, участвовавших в опросе, заявили, что их родители (т.е. бабушки и дедушки) живут неподалеку (за исключением Франции: там лишь треть опрошенных рассчитывают на помощь со стороны родственников).

Третьим по популярности ответом стало влияние родительской семьи, а также влияние друзей. В большинстве многодетных семей родители, как матери, так и отцы, выросли в больших семьях и имеют минимум двух братьев или сестер, поэтому молодые люди строят свою семью по аналогии с родительской. Однако при ответе на вопрос «Вдохновляют ли вас ваши многодетные друзья на создание большой семьи?» исследователи получают отрицательные ответы. Можно сделать вывод, что пример других многодетных семей не оказывает влияния на семьи. (Однако в данном случае исключением вновь является Франция и Италия, где более половины многодетных семей имели такое влияние).

Четвертым фактором, влияющим на создание большой семьи, являются религиозные установки респондентов (подавляющее большинство населения Европы принадлежат к католической церкви). В большинстве стран степень религиозности отца хотя и незначительно, но все же ниже уровня религиозности матери. Респондентам предлагалось оценить уровень своей религиозности по пятибалльной шкале. Ответы показывают, что значение ниже 2,7 опускается лишь в Латвии, остальные же страны демонстрируют высокий уровень религиозности: от 2,7 до 4,5. Как показывают

исследования, большинство многодетных родителей обладают высокой степенью религиозности и являются противниками абортов.

Удивительно, что самым слабым фактором, влияющим на многодетность, является государственная поддержка больших семей. Помощь со стороны государства имеет значение лишь в Венгрии, Франции и Германии, в отличие от Италии, Польши и Испании, где государственная поддержка многодетных семей ограничена [4].

В целом, детородные предпочтения трудно измерить, поскольку они зависят от различных факторов, включая социальные нормы и личные обстоятельства, и эволюционируют с возрастом. Чтобы получить лучшее представление об этих факторах, некоторые опросы направлены на различие общих взглядов на идеальный размер семьи, личные взгляды респондентов на желаемое количество детей, а также мнения о желаемом количестве детей в зависимости от числа уже рожденных.

Согласно опросу, проведенному организацией экономического сотрудничества и развития, 87 % женщин в 27 государствах-членах Европейского Союза (ЕС) сообщили, что их личным идеалом является семья, в которой двое и более детей. Из них 57 % сказали, что в семье должно быть 2 ребенка, а 30 % считают, что в семье должно быть трое и более детей [2]. В подавляющем большинстве стран наблюдается расхождение между идеальным и фактическим количеством детей. Такое расхождение может быть обусловлено рядом причин: финансовые ограничения семьи, отсутствие подходящего партнера, национальная нестабильность, бесплодие и др.

В 2015 году в международном журнале «Clinical neurosciences and mental health» были опубликованы результаты исследования многодетных семей. Результаты говорят об относительно высоком уровне удовлетворенности жизнью среди многодетных родителей. Кроме того, у них практически не наблюдается расхождений между идеальным и фактическим количеством детей [3].

Таким образом, на решение о создании большой семьи влияют различные факторы. Среди них можно выделить повторный брак, выход из многодетной семьи, религиозные традиции и связанные с ними определенные репродуктивные установки. Стремление людей к рождению определенного количества детей определяются их личными, а также экономическими и социальными факторами. К последним относятся мнения и поведение своей семьи и близких друзей. Семьи, которые считают, что могут рассчитывать на под-

держку родственников и друзей, как правило, не боятся становиться многодетными.

Ежегодно правительства европейских стран тратят десятки миллионов долларов на программы планирования семьи, повышения рождаемости внутри страны, а также на меры, способствующие увеличению количества многодетных семей. Однако данные программы проводятся без учета реальных причин, которые влияют на детородные предпочтения граждан. В большинстве случаев, женщины рожают меньшее количество детей по сравнению с желаемым количеством. Это также обусловлено рядом причин, среди которых могут быть финансовые ограничения, отсутствие подходящего партнера, национальная нестабильность и др.

Библиографический список

1. Статистическая служба Европейского союза. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>
2. Lyman Stone The Global Fertility Gap. – URL: <https://ifstudies.org/blog/the-global-fertility-gap>
3. Gonçalves, Marta. Welcome (one) more child: perspectives from mothers of large and non-large families / Marta Gonçalves, Rosário Boavida // Clinical neurosciences and mental health. – URL: http://ijcnmh.arc-publishing.org/uploads/article/file/62/IJCNMH_2015.2.2.pdf
4. Pau Serra del Pozo. Families and Societies / Pau Serra del Pozo, Livia Sz. Oláh, Iwona Sztajner // Working paper. – 2017. – № 80. – URL: http://www.familie-sandsocieties.eu/?page_id=131

УДК 316.3.4

А. А. Пертулисова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ-ИНВАЛИДАМИ

Аннотация. Рассмотрены общефилософские, общенаучные и специальные подходы к социальной реабилитации семей, имеющих детей-инвалидов. Определены достоинства теоретических подходов и возможности применения в социальной реабилитации данной категории клиентов.

Ключевые слова: социальная реабилитация, ребенок-инвалид, семья с ребенком-инвалидом.

A. A. Pertulisova

Penza State University, Penza

THEORETICAL APPROACHES TO SOCIAL REHABILITATION OF FAMILIES WITH DISABLED CHILDREN

Abstract. General philosophical, general scientific and special approaches to the social rehabilitation of families with children with disabilities are considered. The advantages of theoretical approaches and the possibility of using this category of clients in social rehabilitation are determined.

Keywords: social rehabilitation, disabled child, family with a disabled child.

В России, как и во всем мире, отмечается тенденция роста количества семей, воспитывающих детей с нарушениями здоровья. Увеличивающиеся потребности таких семей в социальной реабилитации и гуманистические стандарты в обществе обуславливают социальную реабилитацию как наиболее перспективное и одновременно сложное направление в современной практике социальной работы.

В настоящее время в нашей стране наблюдается стремление изменить сложившуюся ситуацию в области социальной работы с семьями, имеющими детей-инвалидов. Прделана важнейшая работа в целях обеспечения социальной защиты семей с детьми-инвалидами: на государственном уровне приняты соответствующие законы и социальные проекты, работают реабилитационные центры помощи, позволяющие комплексно решать многие проблемы, а также идет подготовка специалистов, обеспечивающих социальную реабилитацию данной категории нуждающихся.

Вместе с тем существует противоречие между теорией и практикой социальной работы с семьями, имеющими детей-инвалидов. Многие специалисты по социальной работе в первую очередь занимаются вопросами практического оказания помощи безотносительно к теоретическим подходам в данной области. Это отрицательно сказывается на эффективности их деятельности, так как в поиске решения проблем семьи с ребенком-инвалидом они не руководствуются теорией и не имеют возможности целостного понимания жизненной ситуации. Использование теоретических подходов дает преимущество в реализации комплексной помощи в процессе социальной реабилитации семьи.

В современной науке существует значительное количество теоретических подходов к социальной реабилитации семей, имеющих детей-инвалидов. Рассмотрим эти подходы и попробуем определить их достоинства и возможности применения в социальной реабилитации данной категории.

Интегрируя обозначенные типологии подходов к социальной реабилитации в научных источниках, можно объединить их в три группы: общепсихологические, общенаучные и специальные подходы.

В рамках первой группы подходов выделяют системный, деятельностный и структурно-функциональный.

Если в формировании семейной терапии исходить из системного подхода, то он признает взаимозависимость физического, социального, эмоционального компонентов в отношениях членов семьи [1, 8–16].

Проблемы, связанные с заболеванием ребенка, его лечением и воспитанием, существенным образом сказываются на большинстве сфер семейных взаимоотношений. Постоянно возникающие сложности негативно отражаются и на отношениях между супругами, а также ведут к повышению тревожности и общего напряжения по отношению к отклонению ребенка.

Достоинством системного подхода выступает признание значимости семьи как единого целого в сфере социальной работы с детьми-инвалидами и их родителями, так как потребности детей тесно связаны с нуждами семьи.

Деятельностный подход к определению сущности социальной реабилитации представлен в работах С. Григорьева, Л. Гусяковой, Т. Демидовой и др. Социальная реабилитация определяется как разновидность социальной деятельности по оказанию помощи слаборазвитым слоям населения [2, 72–73]. Этот подход к социальной реабилитации семьи с ребенком-инвалидом предполагает развитие данной категории клиентов в процессе деятельности посредством специального обучения, в ходе которого семья овладевает средствами, позволяющими ей осуществлять контроль и управление своей активностью. Можно констатировать, что ценность деятельностного подхода в том, что он пронизывает процесс формирования активной личности в семье.

Структурно-функциональный подход сложился в 30-е гг. XX в. В рамках данного подхода В. Робинсон называет процесс оказания помощи функцией общества. Социальную реабилитацию, социальную интеграцию, социальную политику государства по отношению к людям с ограниченными возможностями этот подход

позволяет конкретизировать в практической деятельности социальных служб по поддержке самих инвалидов и семей, имеющих инвалидов. Основное внимание уделяется процессу изменений, за реализацию которого отвечает сам клиент. Соответственно, в структурно-функциональном подходе к социальной реабилитации семей с детьми-инвалидами подчеркивается важность использования потенциала членов семьи и социальных и культурных факторов ее развития [3, 57].

Мы видим достоинство такого подхода в том, что специалист совместно с семьей ищет возможности достижения поставленной цели, выявляя формы взаимодействия с другими людьми.

Следующая группа подходов – общенаучные подходы, которые вытекают из взаимодействия социальной работы с различными смежными науками: социально-медицинский, социально-педагогический, социально-психологический подходы.

Социально-медицинский подход к реабилитации семей с детьми-инвалидами связан с восстановлением или компенсацией нарушенных функций ребенка до социально значимого уровня. Данный подход изолирует инвалида от общества, делает упор на предоставлении услуг по лечению его болезни. Недостаток социально-медицинского подхода в том, что он затрагивает отдельные стороны реабилитации семей с детьми-инвалидами и не позволяет составить целостное представление о процессе и эффективных путях ее осуществления.

Важными для социальной реабилитации семей с детьми-инвалидами представляются социально-педагогический и социально-психологический подходы, базирующиеся на традиционном подходе компенсаторного развития (Л. С. Выготский) [4, 208].

В рамках социально-педагогического подхода рассматривается теория оздоровления жизнедеятельности, подразумевающая самоуправление и самоконтроль семьи с ребенком-инвалидом без внешнего воздействия или принуждения.

Социально-психологический подход направлен на рассмотрение психологических проблем в семье и установление благоприятного внутрисемейного климата для развития личности ребенка-инвалида. Разработанная комплексная система психодиагностики и психокоррекции семьи может быть взята за основу в работе с этой категорией населения.

Достоинство названных общенаучных подходов состоит в том, что на их основе появляются инновационные технологии

в реабилитационной деятельности специалиста по социальной работе с ребенком и его семьей.

Далее остановимся на описании некоторых специальных подходов к социальной реабилитации семей, имеющих детей-инвалидов.

На основе общей теории систем сформировался частный социально-экологический подход. Рассмотрение семьи в социально-экологическом аспекте было предложено в 1970-х гг. У. Бронфенбреннером, а в контексте семейного стресса и детской инвалидности это направление развивают Д. Митчелл и Л. П. Бубольц [5, 11–14].

На основе понятия «модель жизни» социальная реабилитация понимается как обеспечение адаптации семьи к многообразным условиям среды. Являясь жизненной системой, семья с ребенком-инвалидом пытается поддерживать равновесие со своим социальным окружением. Нарушение такого равновесия приводит к возникновению различных социальных, психологических, экологических и иных проблем. Иными словами, речь идет о «тенденции понимания проблем индивида, группы, семьи в контексте отношений с социальным окружением, где одной из важнейших структурных характеристик выступает фактор культуры». Этот фактор связывает семью с конкретными культурными ценностями, верованиями и убеждениями, в рамках которых она функционирует [6, 53].

Личностно-ориентированный подход нацеливает специалиста по социальной реабилитации на работу с конкретным ребенком или другим членом семьи, с их проблемами и особенностями. Благодаря такому подходу личность становится активным субъектом деятельности и общения, а также получает возможность на саморазвитие и самореализацию.

Отдельный интерес представляет теория стигматизации И. Гоффмана, базирующаяся на социоцентристской парадигме. Она рассматривает социальные проблемы конкретной семьи через изучение отношения общества к данной социальной группе. Проблемы людей с ограниченными возможностями понимаются на основе таких понятий, как «девианты», «стигма», что, по содержанию в нашем контексте достаточно близко к понятию «наклеивание ярлыка». Рассмотрение механизмов и социальных последствий стигматизации с оговорками можно соотнести с механизмами социальной реакции, социального контроля.

Феноменологический подход отличает социокультурную теорию нетипичности Е. Р. Ярской-Смирновой [7, 38–45]. Феномен

«нетипичного ребенка» формируется и транслируется всем его социальным окружением. Этот феномен характеризуется всем многообразием исторически сложившегося макро- и микросоциума, в котором ребенок-инвалид проходит социализацию. Этот подход применён в исследованиях Д. В. Зайцева, Н. Е. Шапкиной и др. Целью социальной реабилитации, исходя из теории нетипичности, является восстановление общественного признания личности, обеспечение социальной адаптации в социуме. Эти авторы определяют и основные принципы социальной реабилитации: проведение реабилитационных мероприятий на ранних стадиях возникновения социальных проблем, непрерывность и системность их проведения, индивидуальный подход к каждой семье.

Примерно с середины 1970-х гг. в связи с появлением концепции независимой жизни инвалидов все большее распространение стали получать новые подходы в отношении социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе детей. Особенность концепции независимой жизни заключена в том, что ее разработали сами инвалиды. Понятие «независимая жизнь» в социально-политическом значении – это право человека быть неотъемлемой частью общества и принимать участие в социальных, политических и экономических процессах, это свобода выбора и доступа; это возможность быть субъектом [8, 7].

Интегральный подход, который синтезирует перечисленные теоретические подходы к социальной реабилитации, может послужить методологической базой для комплексных теорий, нацеленных на создание конкретных моделей социальной реабилитации. Прежде всего, интегральный подход дает возможность реализовывать в практической деятельности индивидуальные модели реабилитации для конкретной семьи на основе сочетания теоретических подходов.

До сих пор актуальными и часто обсуждаемыми являются вопросы, связанные с механизмами наиболее эффективного процесса социальной реабилитации семей, а также поиск наиболее приемлемых форм их адаптации и реабилитации в меняющемся обществе.

Работы отечественных и зарубежных исследователей показывают, что в настоящее время существует широкий спектр подходов к социальной реабилитации, понимаемой главным образом как система мер, имеющих своей целью возвращение семьи с ребенком-инвалидом к активной жизни в обществе.

Теоретические подходы к социальной реабилитации семей, имеющих детей-инвалидов, во многом еще не нашли должного

применения в практике социальной работы. Однако владение описанными подходами обеспечивает эффективное решение различных проблем семей, имеющих детей-инвалидов, а также разностороннее их развитие. Поэтому требуется не только освоение этих подходов социальными работниками, но еще и особые умения и способность к синтезу различных подходов, которые вырабатываются только на основе опыта работы специалиста.

Библиографический список

1. Павленок, П. Д. Системный подход в социальной работе / П. Д. Павленок // Отечественный журнал социальной работы. – 2005. – № 2. – С. 8–16.

2. Гусякова, Л. Г. Социологические парадигмы и дифференциация моделей практики социальной работы / Л. Г. Гусякова // Социология на пороге XXI века : сб. науч. ст. – Москва : Интеллект, 2008. – С. 72–75.

3. Морозова, Н. А. Современные интегративные теоретические подходы к социальной работе / Н. А. Морозова // Социальная работа: история, теория и технологии / под ред. И. Ф. Албеговой. – Ярославль : Социум, 2007. – С. 57–60.

4. Шептенко, П. А. Методика и технология работы социального педагога : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / П. А. Шептенко, Г. А. Воронина ; под ред. В. А. Слостенина. – Москва : Академия, 2001.

5. Демидова, Т. Е. Социальная деятельность в меняющемся мире: проблемы и противоречия / Т. Е. Демидова // Социальные технологии, исследования. – 2005. – № 3. – С. 11–14.

6. Иванова, К. Г. Основные подходы к организации социальной работы / К. Г. Иванова, М. И. Андросова // Концепт. – 2017.

7. Ярская-Смирнова, Е. Р. Социальное конструирование инвалидности / Е. Р. Ярская-Смирнова // Социс. – 1999. – № 4. – С. 38–45.

8. К независимой жизни : пособие для инвалидов, организаций и специалистов в области инвалидности. – Москва : Перспектива, 2001.

Н. А. Мали, С. В. Старшева

Пензенский государственный университет, г. Пенза

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ
ВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА**

Аннотация. Посвящена проблеме социального взаимодействия детей младшего школьного возраста в условиях временного детского коллектива. Рассматриваются особенности постоянного коллектива и временного детского коллектива. Представлено исследование личностных качеств детей младшего школьного возраста, участников временного детского коллектива. Даются характеристика особенностей социального взаимодействия младших школьников, которые находились в летнем оздоровительном лагере, и рекомендации для преодоления трудностей общения.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, коллектив, временный детский коллектив, дети младшего школьного возраста, навыки общения, самостоятельность, инициативность, самооценка, дружеские взаимоотношения.

N. A. Mali, S. V. Starcheva

Penza State University, Penza

**FEATURES OF SOCIAL INTERACTION OF CHILDREN
OF PRIMARY SCHOOL AGE IN THE CONDITIONS TEMPORARY
CHILDREN'S COLLECTIVE**

Abstract. The article is devoted to the problem of social interaction of primary-school pupils in the conditions of temporary children's group. Features of permanent group and temporary children's collective are considered. The authors presented the research of personal qualities of primary-school children, who were participants of temporary children's group. The article presents specific characteristics of social interaction of primary-school pupils who were in summer health-improving camp, and proposals for overcoming the difficulties of communication are given.

Keywords: social interaction, group, temporary children's group, primary-school pupils, communication skills, independence, initiative, self-esteem, friendly relations.

Одной из главных задач развития в младшем школьном возрасте является приобретение навыков социального взаимодействия с группой сверстников [1, с. 459]. Этот возрастной период характе-

ризуется тем, что дети активно овладевают навыками общения, учатся устанавливать более тесные социальные контакты со сверстниками и поддерживать их продолжительное время. Поступление в школу дает ребенку широкие возможности для развития необходимых навыков, так как значительная часть его жизни теперь проходит в условиях школьного коллектива. Особенность данного коллектива заключается в том, что, как и любой коллектив, он является социальной общностью, объединяющей людей, но эти люди поначалу не имеют значимых целей, общих ценностных ориентиров, совместной деятельности и общения [2, с. 44]. Все эти характерные черты, свойственные каждому коллективу, в условиях школы можно наблюдать далеко не сразу, их развитие требует определенного времени, а появление говорит о том, что коллектив становится не формальным объединением, а настоящей общностью детей.

Формирование у младших школьников навыков общения может происходить и в условиях временного детского коллектива. Примером такого коллектива может стать отряд детей в летнем оздоровительном лагере. Такой коллектив обладает некоторыми отличительными особенностями, к которым можно отнести кратковременный срок жизнедеятельности, специфический состав, замкнутый характер организации жизни, коллективный характер жизнедеятельности, завершённый цикл развития, круглосуточный контроль [2, с. 44]. В таком коллективе каждому ребенку приходится активно налаживать межличностные отношения и общаться со сверстниками, участвуя в совместной деятельности. С одной стороны, благодаря этому у младших школьников развиваются необходимые навыки общения, с другой – не всегда взаимоотношения с другими детьми складываются успешно, что препятствует созданию детского коллектива.

От чего это может зависеть? Психологи отмечают, что, если ребенок обладает такими личностными качествами, как самостоятельность, уверенность в себе и инициативность, то ему проще поддерживать дружеские отношения со сверстниками [1, с. 463]. Но основой этих качеств является позитивная самооценка, без которой невозможно представить комфортное социальное взаимодействие членов коллектива. Для того, чтобы проверить это утверждение, мы провели исследование самооценки детей младшего школьного возраста, которые находились в летнем оздоровительном лагере, и, таким образом, являлись участниками временного детского коллектива. Количество детей в отряде было 24 человека (мальчики),

возраст – от 6 до 11 лет. Отряд формировался в основном из детей, которые занимаются в военно-патриотических клубах или в кадетских классах, однако среди них были ребята, которые первый раз приняли участие в профильной смене по данному направлению. Социальная характеристика ребят была различной: все дети были из разных семей, их воспитание тоже отличалось.

Для изучения самооценки детей использовалась методика «Лесенка». Исследование проводилось в середине смены. В результате было выявлено, что у 6 человек (28 %) наблюдается адекватная самооценка, то есть у каждого ребенка сформировано положительное отношение к себе, он умеет правильно оценивать себя и свою деятельность. У 7 человек (29 %) уровень самооценки несколько занижен, что может говорить об определенных психологических проблемах, в том числе, возможно, о трудностях во взаимоотношениях с людьми, которых ребенок считает главными. Также причина заниженной самооценки может быть и ситуативной, то есть связанной с некоторыми не очень приятными событиями и ситуациями, в которых он побывал. В таком случае, спустя некоторое время, заниженная самооценка может стать адекватной. У 11 детей (43 %) была выявлена низкая самооценка, что может объясняться различными причинами, прежде всего, связанными с ощущением возможного неуспеха и некомпетентности при выполнении каких-либо заданий или поручений, а также с критическим отношением значимых для ребенка взрослых.

В связи с тем, что самооценка большинства школьников относится к низкой или заниженной, то можно предположить, что в процессе социального взаимодействия в коллективе они испытывают определенные трудности. Наблюдения за общением и взаимодействием детей в коллективе позволяют прийти к сходному выводу. Активными участниками коллектива можно было назвать только некоторых детей, благодаря которым возростала общая организованность и инициативность отряда. У многих ребят преобладают личные, а не общие, мотивы и потребности. Они больше думают о себе, не хотят выполнять задания и участвовать в жизни коллектива, их интересует только то, что хочется им самим.

При решении коллективных задач ребят было очень трудно организовать. В большинстве случаев они либо отказывались выполнять совместные коллективные задания, либо выполняли их в своих общих группах по интересам. В связи с этим организацией и проведением занятий и отрядных мероприятий чаще занимались вожатые и воспитатели. Командир отряда обладал в самом начале

смены не очень большим авторитетом, но постепенно ребята стали больше к нему прислушиваться и выполнять его просьбы и распоряжения. Но это происходило не во всех случаях, иногда его команды тоже оставались без внимания.

Социальное взаимодействие у детей осуществлялось чаще в небольших группах, чем общим коллективом. Эти группы образовались по разным причинам. Первая из них – возраст, т.е. младшие начинали общаться друг с другом, так как им вместе было интереснее. Другая причина – это схожесть характеров и поведения, на основе которых складывались дружеские взаимоотношения между детьми. Иногда эти отношения шли на пользу всему отряду, но в некоторых случаях совместные действия таких друзей способствовали ухудшению дисциплины и общей ситуации в коллективе. Общение детей из разных групп было не слишком интенсивным, достаточно редким, и внутри групп часто происходили ссоры и споры. Тем не менее, в группах были ребята, которые были готовы выслушать друг друга и попытаться исправить ситуацию в коллективе, но были и такие, которые своим поведением отрицательно влияли на весь коллектив, снижая общий уровень дисциплины в отряде.

В качестве рекомендации для формирования комфортного социального взаимодействия в коллективе взрослым предлагается создавать такие условия, чтобы каждый ребенок смог реализовать свои потенциальные возможности и раскрыть ценность своих умений и способностей для каждого члена коллектива [1, с. 464]. Понимание и принятие ценности и неповторимости каждого ребенка, его способности делать что-то лучше всех, становится основой адекватной самооценки и положительных взаимоотношений со сверстниками. С одной стороны, в условиях временного детского коллектива такие рекомендации трудно выполнить из-за недостаточного количества времени, с другой стороны, насыщенность занятий дает возможность каждому проявить себя наиболее ярко. В результате планомерной и целенаправленной работы взрослых, которая проводилась в течение смены, большинство детей стали чувствовать себя полноправными членами коллектива. Об этом говорят результаты методики «Я в круге», которая проводилась в конце смены. Методика позволяет определить эффективность вхождения детей в коллектив, степень принятия ими норм и правил совместного проживания. По результатам исследования большая часть детей (20 человек, или 84 %) определили свое положение как «внутри круга», т.е. ощущали себя полноправными членами коллектива; 4 человека (8 %) указали свое положение как «рядом с

границей круга», т.е., хотя и не исключали себя из коллектива, но и не считали его активным членом.

Таким образом, следует отметить, что большинство детей стали чувствовать себя в коллективе комфортно. Возможность проявления своих способностей и умений может стать основой для формирования у ребенка положительной самооценки, что позволяет налаживать успешное социальное взаимодействие со сверстниками.

Библиографический список

1. Психология : учеб. для студ. учреждений сред. проф. образования / И. В. Дубровина, Е. Е. Данилова, А. М. Прихожан, А. Д. Андреева ; под ред. И. В. Дубровиной. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Академия, 2013. – 496 с.

2. Лобачева, С. И. Справочник водителя / С. И. Лобачева, О. Е. Жиренко. – Москва : ВАКО, 2007. – 192 с.

Раздел III

ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

И. А. Медведева, О. И. Москвина

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ К СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. Представлен теоретический анализ развития проблемы толерантности к неопределенности, а также приведено описание актуальности изучения и исследования толерантности к неопределенности.

Ключевые слова: неопределенность, толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности.

I. A. Medvedeva, O. I. Moskvina

Penza State University, Penza

PSYCHOLOGICAL STUDIES OF THE PROBLEM OF TOLERANCE TO SITUATION OF UNCERTAINTY

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the development of the problem of tolerance to uncertainty, as well as a description of the relevance of the study and study of tolerance to uncertainty.

Keywords: uncertainty, tolerance to uncertainty, intolerance to uncertainty.

Мы живем и функционируем в мире, где происходят постоянные изменения, в мире полном неоднозначности, то есть неопределенности. Ситуация неопределенности пронизывает всю нашу жизнь.

В силу объективных и субъективных причин человек не может контролировать многие социальные и природные процессы своей жизнедеятельности. Человек в наличной ситуации не может обладать исчерпывающей информацией обо всем происходящем. Ситуации избыточной или недостаточной информации также порождают состояние неопределенности.

С неопределённостью мы сталкиваемся везде: в повседневной жизни, в учебной и профессиональной деятельности, в ситуациях межличностного взаимодействия, в ситуациях принятия решения. В межличностной коммуникации неопределенность связана с полисемантической используемых понятий, с тем, что объективная реальность не соответствует воспринимаемой информации. Неоднозначность ролевых моделей участников общения становится в процессе взаимодействия фактором возникновения неопределенности. При решении разного рода социальных задач, особенно в проблемных ситуациях, неопределенность порождается дефицитом информации, а также вероятностным характером развития событий. Наука призвана уменьшить эту неопределённость. И в современной психологии традиционный научный принцип детерминизма сменяется на новое понимание мира с принципом неопределенности.

Человеку, как субъекту множества видов деятельности, для успешного функционирования в быту, в профессиональной и учебной деятельности важно приспособиться не только к неопределённым ситуациям в повседневной жизни, но и к характеру деятельности в целом. Вследствие необходимости объяснения особенностей поведения человека в ситуациях неопределенности и многозначности в психологии было введено понятие «толерантность к неопределённости», означающее степень способности человека видеть и находить в динамично развивающемся мире источник новых возможностей, путь к саморазвитию, не нарушая его баланса с окружающим миром.

Понятие толерантности к неопределенности имеет множество трактовок. Выделим наиболее известные подходы, сложившиеся при изучении данного феномена:

- толерантность к неопределенности как личностная характеристика;
- толерантность к неопределенности как ситуационно-специфичная установка;
- толерантность к неопределенности как метакогнитивный процесс и сформированный навык [1, 44].

Большая часть исследователей рассматривает толерантность к неопределенности, как черту личности. В других исследованиях данный конструкт рассматривается как средовой фактор. При этом толерантность к неопределенности выступает как конструкт, характерный для определенной области, но не переносимый на другую, т.е. он исследуется как ситуационно-специфичная установка. Суще-

ствуется также и точка зрения, относительно которой толерантность к неопределенности рассматривается как навык, что позволяет ставить вопрос о способах и пределах развития толерантности к неопределенности.

Термин «толерантность к неопределенности» возник относительно недавно – в середине XX столетия. Впервые он был введен Э. Френкель-Брунsvик в качестве одной из характеристик авторитарной личности в связи с работами по изучению авторитаризма в рамках исследовательского проекта, выполнявшегося под руководством Т. Адорно. Э. Френкель-Брунsvик, изучая субъективность восприятия человеком в условиях изменяющейся двусмысленной стимуляции, показала, что при формировании образа важную роль имеет этап принятия решения. Первоначально неопределённость выступала в качестве фактора, задающего направление изменениям в перцептивной переменной, определяемой изменениями в вероятностных характеристиках стимуляции. В дальнейшем был введен термин интолерантность к неопределенности, который определяется, как «тенденция человека приходить к решениям по типу "черное-белое", принимать поспешные решения, зачастую не учитывая реального положения дел, и стремиться к очевидному и безусловному принятию или отторжению в отношениях с другими людьми» [2, 108–143].

К. Дюрхейм и Д. Фостер, отмечают, что за счёт включения толерантности к неопределенности и интолерантности к неопределённости в теорию авторитарной личности данный конструкт начал рассматриваться как базовая черта личности [1, 45].

В рамках теории черт толерантность к неопределенности рассматривается как полюс шкалы в личностном континууме, противоположный интолерантности к неопределенности. Эта личностная характеристика отражает когнитивные, эмоциональные и конативные компоненты реакции на неопределенность. По мнению С. Баднера, толерантность к определенности проявляется как «тенденция воспринимать неопределенные ситуации как желаемые». В противоположность толерантности к неопределенности, автор определил интолерантность к неопределенности как «тенденцию воспринимать (интерпретировать) неопределенные ситуации как источник угрозы» [3, 29–50].

В обзорной статье А. Фурнам и Т. Рибчестер представлены основные проблемы исследования толерантности к неопределенности. Среди них такие, как размытость конструкта и зависимость по-

казателя от методики измерения. Нерешенность этих проблем делает уязвимыми результаты сравнения данных различных исследований, а также снижает кумулятивный эффект накопления фактов об этой личностной черте [4].

Известны исследования, в которых установлен факт связи интолерантности с тревожностью. А именно было выявлено, что люди с низким уровнем толерантности к неопределенности склонны проявлять тревогу в ситуациях неоднозначности. Есть эмпирические данные и о том, что толерантность к неопределенности влияет на обучение. Так, в ситуации отсутствия структурированных данных толерантность к неопределенности является важным фактором, влияющим на результат обработки информации [5].

В отечественной психологии изучение толерантности к неопределенности началось с конца прошлого столетия. В 1998 г. в Санкт-Петербургском госуниверситете Е. Г. Луковицкой была защищена кандидатская диссертация на тему «Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности». Автор исследования предлагает взгляд на толерантность к неопределенности как социально-психологическую установку с ее трехкомпонентной структурой, «поскольку она содержит в себе оценивание неопределенности, и эмоциональное реагирование и определенное поведенческое реагирование» [6]. Кроме того, Е. Г. Луковицкая исследовала гендерные различия восприятия неопределенности. В ее работах было установлено, что связь толерантности к неопределенности с самооценкой у женщин более выражена в сравнении с мужской выборкой [5].

Значительный вклад в изучение данного конструкта внесли А. Г. Матушанская и Б. С. Алишев. Эти авторы рассматривают толерантность к неопределенности в трех аспектах: толерантность к двусмысленности, толерантность к неопределенности и толерантность к неизвестности. Отметим, что по мнению Э. Френкель-Брунsvик двусмысленность выражается в способности индивида носить в себе как отрицательные, так и положительные качества в одном и том же объекте [7].

Объединяющей многих авторов является точка зрения, заключающаяся в положении о том, что толерантность к неопределенности не просто связана с теми или иными личностными или поведенческими характеристиками, но и активно влияет на сами динамические процессы, связанные с преодолением или порождением неопределенности [1].

Таким образом, конструкт «толерантность к неопределенности» на сегодняшний день имеет много трактовок и много направлений его исследования. Несмотря на интенсивность проводимых исследований как в зарубежной и отечественной психологии, очевидно, что феномен толерантности к неопределенности обладает еще не до конца раскрытым потенциалом исследовательских разработок.

Библиографический список

1. Леонов, И. Н. Толерантность к неопределённости как психологический феномен: история становления конструкта / И. Н. Леонов // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 4. – С. 44–50.

2. Френкель-Брунsvик, Э. Нетерпимость к неопределенности как эмоциональная переменная восприятия личности / Э. Френкель-Брансуик // Журнал о личности. – 1948. – Вып. 18. – С. 108–143.

3. Баднер, С. Нетерпимость к двусмысленности как личностная переменная / С. Баднер // Личность. – 1962. – Т. 30. – С. 29–50.

4. Зотова, Е. Ю. Современные исследования толерантности к неопределенности в зарубежной психологии / Е. Ю. Зотова // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2009. – Т. 3. – Вып. 1. – 147 с.

5. Габдулхакова, Миляуша В. Соотношение толерантности к неопределённости, мотивации к успеху, мировосприятия и тревожности у студентов мужского и женского пола в высших учебных заведениях г. Казани / Миляуша В. Габдулхакова // Образование и саморазвитие. – 2019. – Т. 14, № 1. – С. 47–48.

6. Луковицкая, Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности : дис. ... канд. психол. наук / Луковицкая Е. Г. – Санкт-Петербург, 1998.

7. Матушанская, А. Г. Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкты когнитивной психологии / А. Г. Матушанская, Б. С. Алишева // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153. – Кн. 5. – 26 с.

Ю. С. Орлова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА
«ЗЛОВЕЩАЯ ДОЛИНА»**

Аннотация. Приведены сведения о существовании такого феномена, как «зловещая долина». Кратко рассмотрена история происхождения этого явления, а также говорится о вероятных причинах возникновения данного феномена. Сделан краткий обобщающий анализ теорий.

Ключевые слова: «зловещая долина», роботы, робототехника, социальный робот, андроид, чувство страха, восприятие.

Yu. S. Orlova

Penza State University, Penza

**PSYCHOLOGICAL ANALYSIS
OF THE PHENOMENON «SINISTER VALLEY»**

Abstract. This article refers to the existence of such a phenomenon as the "uncanny valley." The history of the origin of this phenomenon is briefly reviewed, as well as the probable causes of this phenomenon. A brief generalized analysis of theories is made.

Keywords: uncanny valley, robots, robotics, social robot, android, sense of fear, perception.

Как часто люди обращают внимание на внешний вид вещей, предметов и существ, окружающих их? Насколько часто понимают, что они испытывают при контакте с чем-либо? Осталось уже немного времени перед тем, как человек полноценно обзаведется новым соседом в своей жизни – роботом. В настоящее время больше не существует вопроса о разработке робототехники для повседневного использования, но создание робота такого типа вызывает ряд вопросов, одним из которых является вопрос о внешности такого существа. Роботу необходимо быть принятым в человеческом обществе, а обществу необходимо понять свои ожидания насчет того, каким она хочет видеть робота. Одну из проблем интеграции социального робота в общество значительно осложняет наличие такого феномена как «зловещая долина».

Социальный робот – робот, способный в автономном или полуавтономном режиме взаимодействовать и общаться с людьми в общественных местах. К социальным роботам также относятся роботы для реабилитации и персональные роботы-помощники [1].

Более 40 лет назад Масахиро Мори, будучи профессором робототехники в Токийском технологическом институте, написал эссе о том, как он представлял реакцию людей на роботов, которые выглядели и действовали почти как люди. В частности, он выдвинул гипотезу о том, что реакция человека на робота-человека может внезапно измениться с эмпатии на отвращение, когда он приблизится к человеческой внешности, но не станет полностью реалистичным. Это отвращение известно как гипотеза о зловещей долине. Эссе появилось в японском журнале под названием «Energy» в 1970 году и в последующие годы ему почти не уделялось внимания, однако в последнее время концепция «зловещей долины» стала широко известна в робототехнике и других направлениях, а также в массовой культуре. Некоторые исследователи изучали значение этого явления во взаимодействии человека с роботом и компьютерной графикой, в то время как другие исследовали его биологические и социальные корни. Теперь интерес к «зловещей долине» должен только усиливаться, поскольку технологии развиваются, и создаются роботы, которые становятся все более и более человекоподобными [2].

Исследование, проведенное в 2017 году на небольшой выборке студентов [3], подтверждает одну из теорий о том, что на выбор культурного интерфейса влияет уровень тревожности и эмпатии. Чем выше уровень тревожности и эмпатии у человека, тем сильнее становится его неприязнь к роботу с андроидным интерфейсом; также имеют влияние фобические реакции.

Существует множество теорий, предполагающих происхождение данного эффекта, но они не являются взаимоисключающими, а, скорее дополняющими друг друга. Наиболее полно теории отражены в работе Катерного И.В. «Каузальные объяснения эффекта «зловещей долины» в робототехнике: теории и исследовательские данные» [4].

Если обобщить несколько существующих теорий причины возникновения «зловещей долины» у человека, то можно прийти к следующему выводу. Робот, копирующий человека и очень на него похожий, может вызывать негативные эмоции у смотрящего по причине того, что андроид может неосознанно восприниматься

человеком больше как мертвец (особенно способный двигаться), нежели живое существо; человека пугает неопределенность, специфические – либо слишком плавные, либо слишком резкие движения вызывают тревогу, так как не соответствуют «нормальным» и привычным движениям человека, становится невозможным предугадать реакцию такого существа, так как она не является типичной, такое существо начинает восприниматься как опасное, враждебное к человеку; ко всему прочему некоторые люди склонны изначально воспринимать роботов в негативном ключе (например, воспринимая их как конкурентов в борьбе за существование, «восстание машин», испытывая страх порабощения).

Все эти данные подводят нас к вопросу о том, как человек может воспринимать андроида: как равного себе члена общества, как личность, обладающую своими правами или же как вещь, которая должна служить человеку? На данный момент развития общества подобные вопросы пока остаются открытыми, как и вопросы о том, как все же преодолеть «зловещую долину», и стоит ли это делать.

Библиографический список

1. Романовский, Н. С. Взаимодействие людей с социальными роботами / Н. С. Романовский, Г. И. Могилевская // Студенческий электрон. науч. журнал. – 2019. – № 3(47). – URL: <https://sibac.info/journal/student/47/130542>

2. The Uncanny Valley: The Original Essay by Masahiro Mori (Translated by Karl F. MacDorman and Norri Kageki). – URL: <https://spectrum.ieee.org/automaton/robotics/humanoids/the-uncanny-valley>

3. Орлова, Ю. С. Исследование отношения к культурному интерфейсу социального робота / Ю. С. Орлова // Проблемы современной психологической теории и практики : сб. науч. ст. – 2018. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35218096>

4. Катерный, И. В. Каузальные объяснения эффекта зловещей долины в робототехнике: теории и исследовательские данные / И. В. Катерный // Качество и жизнь. – 2017. – № 4(16). – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32424274>

Л. Ю. Бухлина, М. С. Тигунова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

АФФЕКТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНТОК С РАССТРОЙСТВАМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Рассмотрены наиболее распространенные расстройства пищевого поведения у молодых людей, такие как нервная анорексия и нервная булимия. Обращается внимание, что расстройства пищевого поведения связаны с негативными установками, различными негативными эмоциональными проявлениями. Показано, что расстройства пищевого поведения и аффективные расстройства могут выступать предпосылками друг для друга.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, анорексия, булимия, аффективные расстройства, депрессия.

L. Yu. Bukhlina, M. S. Tgunova

Penza State University, Penza

AFFECTIVE PROBLEMS OF FEMALE STUDENTS WITH EATING DISORDERS

Abstract. Eating disorders are among the most common diseases in young people. Most often it is anorexia nervosa and bulimia nervosa. To date, it is known that the treatment of persons with these diagnoses should be represented by psychotherapeutic work. This is a struggle not only with addiction, with negative attitudes, but also with various negative emotional manifestations. In this case, eating disorders and affective disorders can act as prerequisites for each other.

Keywords: eating disorders, anorexia, bulimia, affective disorders, depression.

Расстройства пищевого поведения (РПП) – одна из самых популярных проблем у детей подросткового и юношеского возраста. Нервная анорексия стоит на третьем месте по распространенности психических заболеваний у подростков. Среди лиц 15–24 лет смертность от анорексии в 12 раз выше, чем от любых других возможных причин [1]. Как видно, по большей части РПП представлены в столь раннем возрасте нервной анорексией, которая, согласно МКБ-10, характеризуется преднамеренной потерей массы тела, иницированной и поддерживаемой пациентом [2]. Популярность нервной анорексии, в частности, в подростковом возрасте, можно

объяснить тем, что на данном этапе жизни важным становится принятие группой сверстников. На первый план выходит романтизация, идеализация жизни. И если внешность подростка вызывает негативную реакцию со стороны тех, мнение кого для него крайне важно, то вероятность возникновения дисморфофобии повышается, когда человек становится чрезмерно обеспокоенным видом своего тела. И чаще всего этому подвержены именно представительницы женского пола. Почти у 25 % девушек подросткового возраста наблюдается неудовлетворенность своим внешним видом [3, 16].

Помимо нервной анорексии в подростковом и юношеском возрасте встречается нервная булимия – синдром, характеризующийся повторными приступами переедания и выраженным беспокойством по поводу контроля за массой тела [2]. Согласно статистическим данным, у 13,2 % девушек в США к 20 годам появляются нервная булимия или компульсивное переедание [4].

Нынешняя ситуация такова, что границы того или иного возрастного периода становятся размытыми, и, пожалуй, особенно трудным является отделение подросткового от юношеского возраста. Есть тенденция к переносу специфических особенностей того или иного периода на более поздние периоды онтогенеза человека. Так, сугубо подростковые проблемы становятся, в том числе, и проблемами современных девушек и юношей. Поэтому в данной работе будут представлены данные, полученные на выборках испытуемых и подросткового, и юношеского возрастов. При этом отметим, что студентами могут быть подростки от 15 лет и выше.

РПП как расстройства, предполагающие повышенную критичность человека к собственной внешности, представлены и некой аффективной симптоматикой, в частности, боязнью набрать вес, повышенной тревожностью. Согласно результатам одного из исследований, в котором приняли участие 76 испытуемых в возрасте 15–18 лет, у 95 % подростков (15–16 лет) и у 94 % лиц раннего юношеского возраста (17–18 лет) были диагностированы те или иные признаки нарушений пищевого поведения. Диагностика РПП проводилась с помощью опросника «Типы нарушений пищевого поведения» (DEBQ). При этом отмечено, что у лиц с полным отсутствием признаков РПП не было обнаружено повышенного или высокого уровня тревожности. У 14 % подростков при наличии признаков всех трех типов нарушений пищевого поведения (согласно используемой методике) был диагностирован повышенный или высокий уровень тревожности. А у 13 % испытуемых юношеского

возраста при наличии всех трех типов нарушений пищевого поведения были обнаружены нормальный или высокий уровень тревожности [5, 354–355].

Кроме того, в раннем юношеском возрасте, согласно данному исследованию, преобладает эмоциогенный тип нарушений пищевого поведения, т.е. «заедание» эмоций. 72 % подростков склонны к ограничительному типу нарушений пищевого поведения, что обращает наше внимание на вопрос о преобладании именно нервной анорексии среди других РПП на данном возрастном этапе. 69 % подростков склонны к экстернальному типу нарушений пищевого поведения, что проявляется в повышенной чувствительности к запаху еды, вкусу, к разговорам о еде, рекламе с демонстрацией продуктов питания, к образу человеку, потребляющего пищу и т.д. [5, 355–356]. В данном случае было бы интересно изучить данную группу лиц на предмет наличия у них дисморфофобических тенденций, так как экстернальный тип по своему описанию приближен к булимической симптоматике.

В другом исследовании с 60 испытуемыми (30 юношами и 30 девушками) в возрасте 19–21 года было обнаружено, что юношам в целом не свойственны озабоченность формой собственного тела, нарушения пищевого поведения, но при этом имеется легкая степень неудовлетворенности образом собственного тела. Последнее связано у представителей сильного пола с невозможностью точно распознать чувство голода или насыщения, а неудовлетворенность формой тела у них связана с ограничительным типом пищевого поведения [6, 112]. То есть юноши считают, что если они наберут вес, и вследствие этого им не понравится их внешний вид, то ситуацию можно исправить, уменьшив количество потребляемой пищи.

У девушек в данном исследовании выявились в целом легкая степень неудовлетворенности образом собственного тела, легкая степень озабоченности формой собственного тела и несоответствие между реальным и идеальным образом своего тела. Также у девушек диагностирована повышенная склонность к ограничительному, эмоциогенному и экстернальному пищевому поведению. Все эти моменты напрямую связаны у девушек данной выборки с невозможностью точно почувствовать голод или насыщение [6, 112]. Таким образом, мы видим, что девушки в большей степени обеспокоены внешним видом собственного тела, они более требовательны к себе, по сравнению с юношами. Поэтому среди девушек пищевое поведение более разнообразно по своим проявлениям.

Но не только РПП несет за собой различного рода переживания. Так, в одном из исследований с выборкой, состоящей из 21 девушки в возрасте 15–17 лет с поставленным диагнозом «нервная анорексия», было выявлено, что возникновению данного расстройства предшествовали различные аффективные проблемы. Отметим, что в период до возникновения у девушек данного заболевания их индекс массы тела находился в норме. Следовательно, нервная анорексия на тот момент не могла стать причиной диагностированных аффективных нарушений. Например, у 45 % девушек данной выборки были отмечены сезонные моно- и биполярные фазовые состояния в возрасте 9–11 лет (в то время диагноз «нервная анорексия» на период исследования стоял у девушек в течение 2–26 месяцев). У 43 % испытуемых имел место наследственный характер возникшего пищевого расстройства (аффективные нарушения родителей, в том числе депрессия). В 29 % случаев в семейном анамнезе девушек-испытуемых были выявлены черты тревожно-мнительного круга. В 57 % случаев нервная анорексия возникла на фоне затяжной эндогенной депрессии. Также у 57 % девушек данной выборки отмечены сочетание депрессии, тревоги, тоски и дисфории (болезненно-пониженного настроения) [7, 70–71].

Подводя итоги, можно сказать, что РПП в большей степени подвержены лица до 17 лет. Но это не исключает того, что данные проблемы не могут появиться и позже. Если в условно подростковом возрасте нарушения пищевого поведения носят более ограничительный и экстернальный (восприимчивый к стимулам извне) типы, то в юношеском возрасте развивается некая стратегия снятия эмоционального напряжения с помощью еды. Наша нервная система устроена таким образом, что в процессе поедания вкусной пищи в центр удовольствия поступают сигналы. Соответственно, при злоупотреблении этим эффектом (в нашем случае – при «заедании» эмоций, тем самым устранении негативных эмоций или их замещении позитивными) может сформироваться зависимость. Это, в свою очередь, может привести к возникновению компульсивного переедания как потребности в употреблении калорийной пищи при возникновении стрессовых ситуаций, а затем – к нервной булимии, когда у человека появляется недовольство видом собственного тела. Но привычка заедать стресс остается. Так образуется замкнутый круг из негативных для психологического и физического здоровья привычек.

Это говорит о том, что в подростковом и даже юношеском возрасте существует проблема незнания рациональных способов

эмоционального отреагирования и неумения их применить в жизни. Очевидно, что следует уделять больше внимания формированию у детей коммуникативных навыков и навыков рефлексии, целенаправленно заниматься психологическим просвещением родителей.

Библиографический список

1. Статистика расстройств пищевого поведения. – URL: <https://svetlyachok.livejournal.com/900380.html>

2. МКБ-10. Расстройства пищевого поведения. – URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4289>

3. Якимова, Л. С. Психосоциальные и психологические факторы развития дисморфофобий у современных подростков / Л. С. Якимова, Н. А. Кравцова // Тихоокеанский медицинский журнал. – 2017. – № 3. – С. 15–19.

4. Статистика о распространенности булимии. – URL: <https://cirpp.ru/blog/statistika-o-bulimii/>

5. Осадчая, В. А. Частота встречаемости нарушений пищевого поведения у подростков и старших школьников с разными уровнями тревожности / В. А. Осадчая, Ю. В. Живаева // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – 2013. – С. 352–358.

6. Удалова, Е. А. Особенности образа тела и пищевого поведения у мужчин и женщин юношеского возраста / Е. А. Удалова // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2018. – № 3. – С. 99–114.

7. Грачев, В. В. Аффективная патология в доманифестном периоде нервной анорексии в подростковом возрасте / В. В. Грачев // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. – 2013. – Т. 113, № 5-2. – С. 69–74.

Ю. С. Бузыкина, А. М. Позднякова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Представлен теоретический анализ особенностей межэтнического взаимодействия в студенческой среде. Рассмотрены виды и механизмы формирования межэтнических отношений, а также роль установок и стереотипов при выборе тактики поведения с представителями той или иной этнической общности.

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие, этнические стереотипы, этнические установки, межэтнические отношения.

Yu. S. Buzykina, A.M. Pozdnyakova

Penza State University, Penza

THEORETICAL ANALYSIS OF FEATURES OF INTERETHNIC INTERACTION IN THE STUDENT ENVIRONMENT

Abstract. This article presents a theoretical analysis of the features of interethnic interaction in the student community. The types and mechanisms of the formation of interethnic relations, as well as the role of attitudes and stereotypes in choosing tactics of behavior with representatives of one or another ethnic community, are examined.

Keywords: interethnic interaction, ethnic stereotypes, ethnic attitudes, interethnic relations.

В настоящее время в обществе происходит стремительный рост миграции и межэтнических конфликтов, которые обусловлены рядом факторов: политических, экономических, психологических, культурных и др.

Основные различия этносов состоят в особенностях их культуры, национального сознания, традициях, а также в языковых нормах. При этом немалое значение имеет изучение этнических форм общения, этнического самосознания и стереотипов.

Решая многочисленные проблемы, возникающие в различных сферах жизнедеятельности, человек вырабатывает определенное

отношение к происходящим явлениям, процессам, людям, что в дальнейшем может определять специфику его взаимодействия с другими людьми как в своей, так и в других этнических группах.

В настоящее время во многих учебных заведениях различных стран обучаются студенты разных национальностей. Это способствует формированию межэтнического взаимодействия среди студентов и преподавателей, которое может способствовать изменению и интеграции индивидуальных и социальных качеств представителей каждой из взаимодействующих этнических общностей.

Взаимодействуя друг с другом, студенты различных национальностей способны изменять свои сложившиеся представления, превращать некоторые особенности в нечто общее, преобразовывая их в совместное достояние.

Существует три основных вида межэтнического взаимодействия:

- воздействие, т.е. однонаправленное влияние одной этнической группы на другую, посредством доминирования и активности одного этноса и инертностью, пассивностью по отношению к данному воздействию другого;

- содействие, когда несколько этнических общностей на равноправных началах поддерживают друг друга, оказывают помощь и достигают определенного единства в своих делах и намерениях, тем самым сотрудничество выступает высшей формой данного вида этнического взаимодействия;

- противодействие, или препятствие действиям, противоречие в позициях и намерениях, создание помех для другой этнической общности и блокирование ее усилий, а также активное противостояние другой этнической группе, вплоть до военных действий.

Каждый из этих видов имеет свою особенность, которая может отражаться в специфике результативности. Так, результатом длительного воздействия одной этнической общности на другую может стать ассимиляция, которая проявляется либо в активном подавлении одной этнической группы другой, либо в потере этнической общностью некоторых своих традиций, обычаев, верований и других характеристик.

Другим результатом этнического взаимодействия может являться дискриминация, которая отражается в ограничении прав определенной категории граждан в силу их национальных или языковых различий. В рамках проявления расовой и этнической дискриминации выделяют такое явление, как сегрегация, которая может порождать у студентов той или иной национальности

презрение и неуважение к другим нациям, национальное высокомерие и чувство национальной отчужденности [1, с. 64–65].

Но, в тоже время, в основе межэтнического взаимодействия лежат нравственные принципы, правовые нормы, а также нормы взаимного доверия, уважения и сотрудничества. Межнациональное сотрудничество представляет собой взаимодействие между представителями различных этнических групп, которое находит отображение в экономических, политических, культурных и социальных отношениях. Главным принципом межнационального сотрудничества студентов является взаимопомощь, а также уважение к представителям других народов.

В межэтнических отношениях студентов можно выделить два основных уровня: личностный и групповой.

В первом случае характер отношений в большей степени зависит от индивидуально-психологических качеств самого студента. Межэтнические отношения проявляются в различных сферах деятельности, направленности на межэтнические контакты, в этнических стереотипах, в поведении, поступках людей и представителей других этнических общностей.

В основе межэтнических отношений лежат потребности в этническом и национальном развитии, национальные интересы, которые осознаются, как народом, так и личностью. Как правило, отношения одного человека, который является представителем одной этнической группы, с представителем другой этнической группы принимают личностную окраску.

Межгрупповые отношения – это, прежде всего, отношения между различными группами, а также между различными этническими общностями [2, с. 117]. На групповом уровне межэтнические отношения студентов могут формироваться в различных сферах деятельности, начиная от образования и трудовой деятельности, заканчивая дружеским и неформальным общением. Складываются эти отношения в зависимости от конкретной ситуации, культуры, экономического положения в той или иной стране, а также политической обстановки, исторического опыта и интереса в общении.

Стоит отметить, что одним из механизмов межэтнического взаимодействия является межгрупповое восприятие, которое имеет следующие виды:

– внутригрупповой фаворитизм, характеризующийся тенденцией способствовать социальному восприятию членов своей этнической группы в ущерб другой группе;

– физиогномическая редукция (восприятие внешности представителя другой этнической группы и последующая или одновременная интерпретация его личности);

– стереотипизация, рассматриваемая как восприятие и оценка объектов путем приписывания им различных характеристик, свойственных определенной группе, на основе представлений и стереотипов [3, 70–73].

Межэтническое взаимодействие, как в студенческой среде, так и в целом в обществе, может зависеть от этических норм, конкретным проявлением которых являются традиции, обычаи, культура, верования, национальные правила и установки. Установки могут быть как положительными, выраженными в толерантном отношении, так и отрицательными, выступая в качестве стереотипов и предрассудков [4, 88].

Стереотипы играют основную роль при выборе тактики поведения с представителями той или иной этнической общности, что имеет большое значение в процессе сплочения студентов различных национальностей.

По характеру складывающихся отношений можно судить об уровне благоприятности стереотипов, а если характер межэтнических отношений меняется в кардинальной степени, то можно наблюдать разрушение у человека прежних стереотипов и установок [2, 118].

При выборе тактики поведения преподавателей и студентов с представителями различных национальностей на основе сформированных этнических стереотипов необходимо учитывать, что они могут играть как положительную роль, то есть способствовать упрощению получаемой информации, так и негативную – искажать существующую реальность, что может приводить к межэтническим конфликтам. Так, в случае конфликта между студентами различных национальностей моментально могут выстраиваться противоположные образы. В отношении себя и своей общности зачастую выстраиваются положительные представления, а в отношении других – отрицательные [5, с. 87]. Объединение представителей различных национальностей в образовательных учреждениях должно способствовать развитию благоприятных и позитивных взаимоотношений между ними.

Библиографический список

1. Крысько, В. Г. Этническая психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Г. Крысько. – Москва : Академия, 2002. – 320 с.

2. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – Москва : Институт психологии РАН : Академический проект, 1999. – 320 с.

3. Агеев, В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В. С. Агеев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 240 с.

4. Бузыкина, Ю. С. Этнические установки и стереотипы в молодежной среде / Ю. С. Бузыкина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 7-2 (61). – С. 88–91.

5. Баронин, А. С. Этнопсихология : учеб. пособие / А. С. Баронин. – Киев : МАУП, 2000. – 116 с.

УДК 376.4

М. С. Новикова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ИЗМЕНЕ

Аннотация. Посвящена актуальной теме, связанной с представлениями молодежи об измене. Дано понятие «измена», рассмотрены результаты эмпирических и теоретических исследований, рассматривающих факторы, способствующие измене.

Ключевые слова: измена, брак, отношение, молодежь, партнер.

M. S. Novikova

Penza State University, Penza

PSYCHOLOGICAL STUDIES OF YOUNG PEOPLE'S PERCEPTIONS OF INFIDELITY

Abstract. This article is devoted to a relevant topic related to youth perceptions of treason. The concept of «treason» is given, the results of empirical and theoretical studies addressing the factors contributing to treason are considered.

Keywords: adultery, marriage, attitude, youth, partner.

В настоящее время в обществе происходят значительные изменения, связанные с институтом семьи и брака. Очевидно, что российская семья, как основной институт социализации, передаю-

щих социальные ценности от поколения к поколению, подвергается значительным деформациям [1, 412]. Возникает тенденция непостоянства в отношениях среди молодежи, для которых ценность создания семьи теряет свою значимость. Если раньше большинство людей ответственно подходило к выбору своего партнера и находились в браке с одним человеком всю жизнь, то сейчас можно наблюдать, что многие молодые люди относятся к этому выбору необдуманно, что в дальнейшем ведет к неудовлетворению своими отношениями, вследствие чего люди совершают измену.

В связи с этим актуальной является проблема, связанная с представлениями молодежи об измене.

Что же означает понятие «измена»? Измена – это акт предательства, нарушение верности в любви или в супружестве. Но каждый человек в понятие «измена» вкладывает разный смысл. Для кого-то непростительной является духовная измена, а кто-то и на физическую измену способен закрыть глаза. Когда человек все время думает о ком-то другом, но не о своем партнере, скучает по нему, проводит с ним время, при этом, не совершая физического контакта, это является духовной изменой. Под физической изменой в основном понимается совершение полового акта между лицом, состоящим в браке или в любовных отношениях, и лицом, не являющимся его супругом или партнером.

Почему же люди совершают измену? Причин может быть множество, и у всех они разные. Довольно распространенная причина – это неудовлетворенность своими отношениями. В данном случае человек пытается восполнить на стороне то, чего ему не хватает в своих отношениях. Также это может совершаться для поднятия самооценки, уверенности в себе. Помимо этого причиной может послужить слишком ранний брак или вынужденный брак. В этом случае партнерам, еще психологически не созревшим для создания семьи, начинает казаться, что они совершили ошибку при выборе брачного партнера. Однако, в данной ситуации на развод решаются не многие, поэтому для них «лучшим» решением становится появление любовника или любовницу для восполнения эмоций и ощущений, которых не хватает в браке.

Н. С. Фонталова, занимающаяся проблемой изучения особенностей отношения к измене у современной молодежи, выявила, что в целом люди всех возрастных категорий к измене относятся отрицательно. При этом молодые люди переживают измену более тяжело, чем люди более старшего возраста.

Взрослые же люди считают, что измена – это самое настоящее предательство, не только их самих, но и всей семьи в целом. Зрелые люди больше опираются на свои мысли и рассуждения, чем на эмоции и чувства, в связи с чем уверены, что измена – это признак того, что партнёр чем-то неудовлетворен в отношениях и это необходимо исправлять. Автором было выявлено, что к изменам больше склонны представители старшего поколения. Измена совершается ими в том случае, если наступает разочарование в своей жизни и в отношениях. Также исследователь указывает на различия в отношении к измене в молодежной среде. Для одних характерно крайне негативное отношение, для других отношение к измене вполне лояльное. Кроме того, женщины придают измене более яркую эмоциональную окраску, чем представители мужского пола.

Помимо этого, некоторые молодые люди мужского пола (ещё не вступившие в брак) считают, что измена не запрещена, это обычное явление. Отношения между мужчиной и женщиной, по их мнению, не должны быть чем-то обязывающим.

Т. Н. Кочеткова, занимающаяся изучением социальных представлений о допустимости измены в контексте гендерных отношений, говорит о том, что в современном обществе добрачные и внебрачные связи становятся социальной нормой, в связи с этим и возникает склонность к супружеской измене [2, 31].

Молодые люди, которые ещё не состоят в супружеских отношениях, обосновывают измену своим желанием разнообразить отношения и интимную жизнь [3, с. 39–49]. Юноша совершает измену в случае неудовлетворения своей партнёршей, из чувства мести или же, чтобы самоутвердиться. Женские измены обусловлены сексуальной неудовлетворенностью и сложностью во взаимоотношениях.

Большая часть молодежи убеждена в том, что отношения без измены в принципе невозможны [4, 173–182], что обусловлено несерьезностью их собственных отношений, формальностью выбора своего партнера, что не расценивается ими, как дальнейший крепкий союз [5, 29].

В своём исследовании автор делает акцент на деструктивной и созидательной роли измены. По ее мнению, измена в диадных отношениях является разрушительным фактором для союза партнеров, так как факт измены будет связан с возможной потерей дорогого человека, с утратой доверия, с ощущением психологического напряжения, со снижением самооценки и т.п. [6, 14–23]. Но есть и противоположная сторона.

В настоящее время появились авторы, которые говорят о положительных последствиях неверности. Это связано с тем, что измена сопряжена с гедонистическим мотивом, т.е. тот, кто изменил, начинает испытывать чувство вины, вследствие чего становится более терпимым в интимно-сексуальной сфере со своим партнером, начинает больше им дорожить, происходит переоценка ценностей. Обманутый партнёр начинает стремиться к внутренним и внешним изменениям в лучшую сторону, пытается развивать себя во всех планах. В этом случае справиться с последствиями измены также помогает уход в творчество [7, 88–95].

В результате проведенных исследований Т. Н. Кочеткова сделала вывод, что большинство юношей и взрослых мужчин положительно относятся к собственным изменам, но при этом нетерпимо относятся к женским изменам. По их мнению, если физическая измена совершается без любви, то в этом нет ничего плохого и запретного. Также выяснилось, что женщины реже изменяют своим партнерам.

Помимо этого, были выявлены факторы, способствующие измене в романтических или супружеских отношениях: опыт добрых связей, личностные характеристики партнера и его возраст. Измена может выступать как положительный фактор, способствующий укреплению союза, изменению обоих партнеров в лучшую сторону, выявлению положительных черт партнеров. Однако не стоит забывать, что в большинстве случаев измена все-таки является разрушающим фактором в отношениях, поскольку факт измены может подорвать психическое и физическое здоровье обманутого человека.

Библиографический список

1. Бузыкина, Ю. С. Изучение особенностей самоотношения женщин, находящихся в разводе / Ю. С. Бузыкина, Т. Ю. Сладкова // Университетское образование (МКУО-2014) : сб. ст. XVIII Международ. науч.-метод. конф. / под ред. А. Д. Гулякова, Р. М. Печерской. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 584 с.
2. Рудницкая, Т. Ю. Проблемы семьи в светском и религиозном концептах : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Рудницкая Т. Ю. – Пермь, 2010. – 178 с.
3. Маленова, А. Ю. Гендерные особенности отношения к браку и семье представителей разных поколений / А. Ю. Малено-

ва, Ю. А. Дружинина // Вестник Омского университета. Сер.: Психология. – 2010. – № 1. – С. 98.

4. Щучинов, О. С. Сексуальная измена как фактор дестабилизации парных отношений / О. С. Щучинов, С. К. Казанцева, Н. А. Орехова // Вестник Удмуртского университета. – Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2006. – № 3. – С. 173–182.

5. Воеводина, Ю. С. Незарегистрированный брак как социальный механизм формирования брачно-семейных отношений в российском обществе: методология социологического анализа : дис. ... канд. соц. наук / Воеводина Ю. С. – Москва, 2009. – 225 с.

6. Айвазова, Д. Г. Семейное неблагополучие в зеркале психологии / Д. Г. Айвазова // Психологические проблемы современной семьи : сб. тез. VI Междунар. науч. конф. / под ред. О. А. Карабановой, Е. И. Захаровой, С. М. Чурбановой, Н. Н. Васягина – Москва, 2015. – 89 с.

7. Анурин, В. Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт / В. Ф. Анурин // Социологические исследования. – 2000. – № 9. – 133 с.

УДК 159.99

Г. Р. Хаметова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Представлен теоретический анализ проблемы выявления роли ценностей в формировании представлений о семейной жизни в студенческой среде. Сделаны выводы о том, что важную роль в формировании представлений о семейной жизни молодежи играют ценностные ориентации личности, изучение и трансформация которых способствует гармоничному развитию семейных отношений молодых людей.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, семейная жизнь, студенты.

G. R. Khametova

Penza State University, Penza

THE ROLE OF VALUES IN FORMING REPRESENTATIONS OF FAMILY LIFE IN THE STUDENT ENVIRONMENT

Abstract. This article presents a theoretical analysis of the problem of identifying the role of values in the formation of ideas about family life in the student environment. It is also concluded that an important role in the formation of ideas about family life of young people is played by value orientations of personality, the study and transformation of which contributes to the harmonious development of family relations of young people.

Keywords: values, value orientations, family life, students.

Немаловажную роль не только в жизни человека, но и в жизнедеятельности всего общества играют ценности и ценностные ориентации. Занимая главную позицию в структуре личности, ценности оказывают значительное влияние на направленность человека и содержание его социальной активности, а также на поведение и поступки, его отношение к себе и другим людям.

На сегодняшний день одним из наиболее актуальных направлений исследования выступает проблема влияния ценностно-смысловой сферы на формирование мировоззрения человека, его взглядов и представлений.

В психологии под ценностями принято понимать наиболее значимые для человека объекты, явления, их свойства и абстрактные идеи, которые отражают социальные идеалы личности [1].

Стоит подчеркнуть, что юношеский возраст наиболее благоприятен для развития ценностных ориентаций, как свойств личности. Специфика возраста – резкое усиление саморефлексии, определяющее стремление к самопознанию, к оценке своих возможностей и способностей, а также выбору дальнейшего жизненного пути [2, с. 416].

По мнению Рубинштейна С. Л., в юношеском возрасте происходит формирование ценностных ориентаций, с помощью которых выявляется сущность человека, складывается его мировоззрение, которое выступает как система обобщенных представлений о мире в целом, окружающей действительности, других людях, а также самом себе. На основе этого формируется осознанное, обобщенное, итоговое отношение к жизни [3, с. 424].

Ценностные представления являются почвой для осмысления и оценки индивидом тех социальных объектов и ситуаций, которые его окружают, а также для познания и конструирования полноценной картины социального мира [4].

На основе проведенного нами анализа иерархии ценностных ориентаций современных студентов можно утверждать, что наиболее значимыми ценностями для этой возрастной группы являются: здоровье (физическое и психическое), развитие (совершенствование; развитие в карьере), счастливая семейная жизнь, материальное благополучие, многогранность и яркая эмоциональная насыщенность жизни, наличие хороших и верных друзей, свобода, а также уверенность в себе. При этом на первый план выходят ценности здоровья, развития и счастливой семейной жизни.

Какова же роль ценностей в формировании представлений о семейной жизни в студенческой среде?

Семья – основа любого государства. Она обладает наивысшей ценностью, которая выступает важным условием сохранения и поддержания духовной истории народа, традиций, национальной безопасности. Семья играет ведущую роль в становлении семейных ценностей, ценностей детей, воспитания, а также обучения и развития. Представления о семье – часть мировоззрения любого человека, которые определяют реальные взаимоотношения в данной сфере [5, с. 238].

Подготовка к семейной жизни является настоятельной необходимостью, ведь среди ценностей, которые созданы человечеством, семья является одной из ведущих. Она играет главенствующую роль в укреплении здоровья и воспитания, а также при обеспечении экономического и социального процессов общества, в улучшении демографических процессов [6, с. 734].

Представления молодежи о семье и семейных ценностях, являясь частью мировоззрения человека, в условиях современной российской действительности достаточно часто меняются.

В последнее время наблюдаются негативные тенденции в брачно-семейных отношениях среди молодежи: снижаются нравственные критерии в молодежных семьях; увеличивается число разводов и количество матерей-одиночек; меняются представления о нормах половых отношений; отмечается отрицание многими молодыми семьями, в том числе студенческими, принципов совместного проживания со старшим поколением; преимущество отдается профессионально-карьерным ценностям, нежели семейным.

Модель семьи в современном российском обществе вариативна. Она может включать в себя супругов с детьми, которые находятся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару «мать и ребенок»; бездетных партнеров, которые не вступили в

брак, при этом ведущие совместное хозяйство; полигамный союз, который основан на религиозных обычаях или новых нравственных нормах, а также однополый фактический брак.

Различные исследования социологов, психологов, педагогов указывают на то, что стабильная семья может быть создана в том случае, если имеется определенная степень готовности к браку молодых людей. В том случае, если будущий семьянин обладает гуманистической направленностью личности, а также при наличии комплекса определенных знаний и умений, которые в последующем будут применены, можно говорить о готовности личности к браку и семейной жизни.

В современном мире наиважнейшим становится вопрос о ценностях, которые формируются «в условиях семейного социума» (Г. Н. Филонов). Немаловажен вопрос, касающийся формирования у молодежи семейных духовно-нравственных ценностей, которые выступают как общая культура в контексте брачно-семейного поведения [7, с. 62–76].

Действительно, только через понимание системы ценностей и норм, которые существуют в обществе, своеобразии отношений молодых поколений можно оценить воздействие современности на показатели демографического поведения.

Таким образом, студенческий возраст является периодом интенсивного формирования системы ценностей, которые оказывают влияние на становление личности в целом. Важную роль в формировании представлений о семейной жизни молодежи играют ценностные ориентации личности, изучение и трансформация которых способствует гармоничному развитию семейных отношений молодых людей.

Библиографический список

1. Абдулина, О. А. Личность студента в процессе профессиональной подготовки / О. А. Абдулина // Высшее образование в России. – 1993. – № 3.
2. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В. И. Слободчиков. – Москва : Школьная пресса, 2013. – 416 с.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 424 с.

4. Лебеденко, О. А. Социально-философский анализ ценностных ориентаций студентов современной России / О. А. Лебеденко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 3(9) : в 3 ч. – Ч. 2. – С. 122–125.

5. Вербина, Г. Г. Психология семьи: курс лекций / Г. Г. Вербина. – Чебоксары, 2006. – 238 с.

6. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология : учеб. пособие для вузов / Л. Б. Шнейдер. – Москва : Академический проект, 2011. – 734 с.

7. Реан, А. А. Семья в структуре ценностей молодежи / А. А. Реан // Российский психолого-педагогический журнал. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 62–76.

УДК 316.6

Н. А. Глухова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Уделяется внимание актуальной проблеме, связанной с межнациональными отношениями и возникновением конфликтов на фоне национальных противоречий в молодежной среде. Молодое поколение в силу своих возрастных особенностей в условиях окружающей социальной ситуации, влияющих на становление национального самосознания, особо предрасположено к проявлению интолерантности. Поэтому в современном мире стоит вопрос о создании системы мероприятий, направленных на формирование толерантного мышления молодого поколения.

Ключевые слова: молодежь, межнациональные отношения, этнические конфликты, толерантность, интолерантность, толерантное сознание.

N. A. Glukhova

Penza State University, Penza

THE PROBLEM OF ETHNIC CONFLICTS AMONG THE YOUTH

Abstract. The article pays attention to the actual problem related to inter-ethnic relations and the emergence of conflicts against the background of national contradictions in the youth environment. The younger generation, due to its age

characteristics in the conditions of the surrounding social situation, affecting the formation of national consciousness, is particularly predisposed to the manifestation of intolerance. Therefore in the modern world there is a question of creation of system of the actions directed on formation of tolerant thinking of young generation.

Keywords: youth, interethnic relations, ethnic conflicts, tolerance, intolerance, tolerant consciousness.

В эпоху информационного диалога актуален вопрос межгрупповых отношений. Так, В. А. Тишков определяет этнический конфликт как «любую форму гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны, или одна из сторон, мобилизуются, действуют или страдают по признаку этнических различий» [1]. В таком понимании конфликт – крайняя стадия обострения противоречий, проявляющаяся в конфликтном поведении.

Одними из наиболее значимых являются конфликты между этническими общностями. Диапазон причин возникновения таких конфликтов широк. В основе конфликта может лежать как недостаточное знание чужого языка, так и просто недопонимание партнера по общению. Возможно наличие и более скрытых причин, неосознаваемых и самими участниками коммуникации [2].

В межэтнических конфликтах межгрупповая дифференциация представляется в противостоянии разных групп, когда негативное оценивание другой группы является важным условием для победы в конфликте.

Кроме того, возникает феномен иллюзорной корреляции, когда два явления никак не связанные между собой, представляются как близкие и тесно связанные. Впоследствии возникают стереотипы, воспринимающиеся обществом как абсолютная истина, например, корреляция между групповой принадлежностью и негативными свойствами.

Также при любом межэтническом конфликте имеет место механизм каузальной атрибуции, когда агрессивные действия, направленные на противника, считающегося ответственным за негативные ситуации (например, голод, войны), находят оправдание [3].

По данным социологических исследований, современная молодежь в сравнении с другими социально-демографическими группами более этноцентрична, т.е. может проявлять нетерпимость, неприязнь к представителям той или иной национальности. В молодежной среде могут господствовать националистические убеждения. Отчасти это связано с возрастными особенностями и слож-

ной социальной ситуацией, подталкивающей к проявлениям экстремизма и интолерантности. Ученые объясняют это стремлением молодых людей ощущать себя сильными по духу и успешными в жизни, склонностью делить людей на «своих» и «чужих» по национальному признаку.

Негативные представления о «чужаках» формировались с первобытных времен и поддерживались как внутренними кризисами, так и различными внешними процессами. Однако наравне с таким восприятием одним народом другого, формировалось и стремление понять иную культуру, разобраться в различиях и сходствах устоев, традиций и обычаев разных народов [4].

Толерантное сознание является ключевым звеном в цепи межнациональных отношений, именно поэтому его нужно формировать в среде молодежи. Однако, воспитание уважения, толерантности и патриотизма является одной из наиболее сложных проблем современности, Сложно найти баланс между заботливым отношением к родной культуре и толерантным взглядом на чужие и незнакомые для молодого человека обычаи и традиции, язык и ценности.

Встает вопрос о том, возможно ли разрешить конфликт, навязывая толерантное сознание молодым людям? В процессе воспитания акцентируется внимание на гуманных ценностях, а средства массовой информации могут пропагандировать формирование образа врага, виновного во всем, что, в свою очередь, лишь подтолкнет молодое поколение к более агрессивным действиям. Рост агрессивности, и, в частности, агрессивных образцов поведения отдельных личностей, является печальным следствием социально-психологического механизма, которым оперирует массовое сознание [5, 41].

В обществе существует потребность в поиске новых методов формирования толерантного сознания, немаловажную роль в котором может играть современное искусство, обладающее большим авторитетом в молодежной среде. Отсутствие конфликтов между народами и их конструктивное взаимодействие является основой для создания продуктивных межнациональных отношений. Этнический диалог позволяет предотвратить противоречия и конфликты, в результате чего рождается уважение и доверие между людьми. В нашей стране диалог культур имеет большую историю, так как Россия – многонациональная страна, где проживает более ста пятидесяти народов с разнообразными традициями, обычаями и ценностями.

Формирование толерантного сознания у молодых людей способствует снижению уровня агрессивности, конфликтного отношения друг к другу. Важно развивать умение вести диалог, проявлять уважение, как к своему народу, так и к другим народам и их ценностям [6].

Как уже говорилось выше, значимое влияние на формирование толерантного сознания и мышления молодежи оказывают средства массовой информации, через которые открываются факты, свидетельствующие о ненависти, насилии, преступном поведении, что особенно влияет на сознание подрастающего поколения. На базе полученной информации и сформированного негативного отношения, могут вырабатываться социальные установки, провоцирующие разжигание межэтнических конфликтов.

В силу этого на сегодняшний день особое внимание следует уделять поликультурному воспитанию личности. Данная модель способствует увеличению адаптационных свойств личности к ценностям разных народов, ориентации на продуктивный диалог культур. Реализация поликультурной модели воспитания позволяет создать атмосферу, в которой каждый человек чувствует себя свободно, не возвышая и не принижая свободу других, то есть уважает права людей на самобытность культурного развития. Данная концепция приводит молодое поколение к принятию и пониманию специфики культур различных этнических групп.

Таким образом, межнациональные конфликты могут возникать на почве неприязни к представителям той или иной национальности в силу возрастания в обществе демонстрации агрессивных форм поведения, особенно среди молодежи. В силу чего необходимо проводить систематическую профилактическую работу, направленную на решение межнациональных конфликтов. Ведь это способствует улучшению жизни внутри страны и за ее пределами, как в настоящем времени, так и в будущем.

Библиографический список

1. Денисова, О. Особенности рассмотрения межэтнических конфликтов в русской философии конца XX в. / О. Денисова // Общечеловеческое и национальное в философии: Кантовские чтения в КРСУ : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. КРСУ (22 апреля 2004 г.) / под ред. И. И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С. 343–348.

2. Авксентьев, В. А. Этнические проблемы современной России: социально-философский аспект анализа / В. А. Авксентьев, В. А. Шаповалов. – Ставрополь, 1997.

3. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – Москва : Институт психологии РАН : Академический проект, 1999. – 320 с.

4. Целищева, З. А. Культура межнационального общения как часть общей и политической культуры общества / З. А. Целищева, М. М. Наполова // Актуальные проблемы современной науки : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. А. Сукиасян. – Уфа, 2015. – Ч. 1. – С. 83.

5. Бузыкина, Ю. С. Отношение к экстремизму: региональный аспект : монография / Ю. С. Бузыкина. – Тамбов : Консалтинговая компания Юком, 2017. – 93 с.

6. Гутова, С. Г. Молодежь и глобальные вызовы современности / С. Г. Гутова // Научные труды SWorld. – 2015. – Т. 10, № 1 (38). – С. 57–63.

УДК 159.953.4

А. В. Андриянова

Пензенский государственный университет, г. Пенза

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ВЛИЯНИЮ СЕНСОРНЫХ СТИМУЛОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАПОМИНАНИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Представлен теоретический анализ источников по проблеме исследования эффективности запоминания информации, рассмотрены эмпирические исследования по влиянию сенсорных стимулов на запоминание информации.

Ключевые слова: память, процесс запоминания, сенсорный стимул, обонятельный стимул, слуховой стимул, кинестетическая система.

A. V. Andriyanova

Penza State University, Penza

ANALYSIS OF RESEARCH ON THE EFFECT OF SENSORY STIMULI ON THE EFFECTIVENESS OF LEARNING INFORMATION MEMORIZATION

Abstract. The article examines the theoretical analysis of sources on the problem of researching the effectiveness of information storage, empirical studies on the influence of sensory stimuli on the storage of information are considered.

Keywords: memory, memorization process, sensory stimulus, olfactory stimulus, auditory stimulus, kinesthetic system.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в современном мире научно-технического прогресса повышается требование к мнемической деятельности человека. Наблюдается проблема повышения продуктивности памяти. В этой связи предполагается изучение вопроса природы памяти, особенностей ее функционирования, и, самое главное, повышения эффективности запоминания различных видов информации. Человеческая память и процесс обучения – проблема, которая была и остается предметом изучения пристального внимания многих направлений научной психологии и педагогики. Деятельность современного человека требует непрерывного саморазвития, самосовершенствования всех когнитивных функций и, прежде всего, функций памяти.

Роль памяти в структуре когнитивной сферы субъекта трудно переоценить, потому что она является компонентом и механизмом, который участвует в организации и функционировании всех психических процессов и форм психической деятельности [1, 324–336].

В сфере образования наблюдаются постоянные изменения в сторону совершенствования учебно-воспитательного процесса, в этой связи наблюдается необходимость создания таких условий, которые могли бы максимально способствовать реализации потенциальных способностей обучающихся в рамках образовательного процесса. Одним из направлений такого рода реализации возможностей учащегося может выступать влияние сенсорного стимула на человека в процессе усвоения учебной информации, которое впоследствии будет способствовать эффективному запоминанию и воспроизведению информации.

Одним из направлений подобного рода исследований является изучение повышения эффективности запоминания за счет влияния обонятельной стимуляции. Швейцарским ученым Бьорном Рашем и его коллегами было установлено, что каждое воспоминание может быть отмечено определенным запахом. В рамках своего эксперимента Раш предлагал испытуемым запомнить расположение предметов в пространстве. В то время как участники эмпирического исследования выполняли инструкцию, экспериментаторы распылили в лаборатории запах розы. Следующим этапом испытуемым было предложено уснуть, после чего в глубокой фазе сна соответствующий запах распылялся еще раз для экспериментальной группы. После пробуждения определялось количество информации, которую

запомнили участники контрольной и экспериментальной группы. Было выявлено, что испытуемые экспериментальной группы запомнили 97 % от общего объема информации, а участники контрольной группы – 86 %. Данный показатель разницы является статистически значимым. Можно сделать вывод о том, что обонятельный стимул, предъявляемый при обучении, связан в памяти с запоминаяемой информацией, а в фазе глубокого сна данный стимул активизирует гиппокамп, вызывая вновь эту ассоциацию [2].

Также повышению продуктивности мнемических функций может способствовать влияние слуховой стимуляции посредством звука. Исследователи из Северо-Западного университета США во главе с Майл О’Брайн доказали, что определенный звук может быть связан с конкретным объектом. В ходе эксперимента было установлено, что, если процесс запоминания объектов сопровождается звуковой стимуляцией, то при предъявлении этого же звука в фазе глубокого сна контрольной группе повышается объем воспроизведенной информации. Повторное проигрывание этого процесса помогает лучше запомнить необходимую информацию. Кроме того, в ходе еще одного из серии экспериментов испытуемым нужно было выучить две песни из четырех нот. После того, как с различным временным интервалом достаточно хорошо запоминали обе, им предлагалось лечь спать, после чего им предъявлялась одна из выученных ранее композиций. На следующем этапе после пробуждения им необходимо было воспроизвести запомненные мелодии. Были получены следующие результаты: лучше испытуемые воспроизводили мелодию, которая предъявлялась повторно во время сна [3, 35].

Еще одним интересным экспериментом было исследование израильских ученых под руководством Аната Арзи. Арзи с коллегами предлагали своим респондентам получить новые знания, пребывая в состоянии глубокого сна. На первом этапе участникам эксперимента было предложено заснуть в лаборатории. Экспериментаторы проигрывали один из звуковых сигналов, после чего к носу испытуемых подносили палочки с образцами приятного и неприятного запахов. Через время следовал новый звуковой сигнал и новый обонятельный стимул, который являлся противоположным по своим качественным характеристикам предыдущему аромату. В ходе каждой части исследования ученые следили за работой мозга испытуемых при помощи электроэнцефалографа. Следует отметить, что в случае, если испытуемый готов был проснуться при предъявлении неприятного запаха или звука, его дисквалифициро-

вали от участия в эксперименте. Выводом Арзи и ее коллег послужило то, что мозг человека обрабатывал появление новых раздражителей, что проявлялось в возникновении характерных линий на электроэнцефалограмме. При этом и тело испытуемых самостоятельно реагировало на запахи: снижалась глубина дыхания при появлении неприятного запаха, а при появлении приятного запаха наблюдалось учащение дыхания. Спустя день ученые поставили цель проверить, сформировались ли в памяти испытуемых ассоциативные связи между запахами и звуками. Ученые включали те же самые звуки и наблюдали за изменениями работы мозга и физиологической реакцией. Звуковые сигналы вызывали у испытуемых ту же реакцию, что и запахи в предыдущей серии эксперимента. Таким образом было доказано, что человек способен запоминать новую информацию во время сна [4, 82–97].

Кроме того, установлено, что на запоминание учебной информации оказывает влияние кинестетическая система. Наше тело оказывает большое влияние на то, как человек думает и какие чувства он при этом испытывает. О причинно-следственной связи двигательной системы и мозговых процессов свидетельствуют внешние проявления переживаний. Напряженное состояние мышц от тревожного состояния блокирует полноценное снабжение кислородом зажатых участков, ухудшающих самочувствие и психологическое состояние [5].

К использованию движений при обучении и запоминании учебного материала можно отнести работу с оригами. Достоинством использования подобного рода методов является то, что в процессе выполнения заданий на мелкую моторику происходит естественный массаж кончиков пальцев рук, это способствует речевому развитию. Это обусловлено тем, что речевой центр и центр, который управляет мелкой моторикой пальцев рук, располагаются рядом в головном мозге и оказывают взаимное влияние друг на друга. Таким образом, в ходе применения методик и техник, связанных с использованием двигательной сферы для запоминания и усвоения учебного материала, прослеживается следующий алгоритм запоминания учебной информации: действие/предмет – «якорение» – процесс запоминания, что подтверждает мысль о том, что движения играют важную роль не только в донесении информации до слушателей. Они помогают высвободить умственную энергию. Удерживая часть сведений при работе, связанной с мелкой моторикой, можно не только отчасти разгрузить свой мозг, но и запомнить информацию [6, 315–320].

Исходя из анализа исследований по влиянию сенсорных стимулов на запоминание учебной информации можно сделать вывод о том, что на процесс запоминания и воспроизведения может оказывать влияние обонятельная, слуховая и кинестическая стимуляция. Но помимо вышеуказанного влияния следует помнить о том, что на эффективное запоминание и понимание учебной информации оказывают влияние психические особенности личности самого учащегося, а также профессиональные особенности экспериментатора или педагога.

Библиографический список

1. Романов, К. М. Психология человека : учебник / К. М. Романов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 476 с.
2. Робсон, Д. Обучение во сне: мечты сбываются? / Д. Робсон // BBC. – URL: https://www.bbc.com/russian/science/2014/07/140724_vert_fut_learn_while_you (дата обращения: 10.11.2019).
3. Aegitas. Как управлять собственным мозгом / Aegitas. – Москва : Русская семерка, 2017. – 50 с.
4. Humans can learn new information during sleep / A. Arzi, L. Shedlesky, M. Ben-Shaul, K. Nasser, A. Oksenberg, I. Hairston, N. Sobel // Nature neuroscience. – 2012. – Vol. 15(10). – P. 1460–1465.
5. Ионов, И. И. Развитие межполушарного взаимодействия на занятиях по иппотерапии / И. И. Ионов // Наука и спорт: современные тенденции. – URL: <http://www.livingthread.ru/content/view/40/9/> (дата обращения: 12.11.2019).
6. Чиркова, Е. И. Влияние движений тела на запоминание учебного материала при обучении английскому языку / Е. И. Чиркова, Е. Г. Черновец, Е. М. Зорина. – Орлов : Изд-во Орловского гос. ун-та, 2016. – Вып. 2. – С. 315–320.

Сведения об авторах

Андрянова Анастасия Вячеславовна – студентка группы 18НППМ1, ФППиСН ПГУ.

Антипов Михаил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Церковная история и философия», Пензенская духовная семинария Пензенской епархии Русской православной церкви.

Бузыкина Юлия Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Бухлина Лариса Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Викторова Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Гарасиева Алина Абуевна – студентка группы 18НРМ1, ФППиСН ПГУ.

Глухова Наталья Андреевна – студентка группы 18НППМ1, ФППиСН ПГУ.

Козина Галина Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Колесникова Юлия Вячеславовна – студентка группы 18НППМ1, ФППиСН ПГУ.

Кузнецов Максим Владимирович – аспирант направления 47.06.01 «Философия, этика и религиоведения», ФППиСН ПГУ.

Кузьмина Наталья Викторовна – студентка группы 17НР1, ФППиСН ПГУ.

Лавренова Татьяна Ивановна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Лыгина Мария Аркадьевна – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Педагогика и психология», ФППиСН ПГУ.

Мали Наталья Александровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Дошкольное и дефектологическое образование», ФППиСН ПГУ.

Медведева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Прикладная психология», ФППиСН ПГУ.

Москвина Ольга Ивановна – студентка группы 19НППм1, ФППиСН ПГУ.

Мясников Андрей Геннадьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Методология науки, социальные теории и технологии», ФППиСН ПГУ.

Мясникова Татьяна Андреевна – студентка направления «Философия» МГУ имени М.В. Ломоносова.

Нестеренко Оксана Юрьевна – старший преподаватель кафедры «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Новикова Мария Сергеевна – студентка группы 19НППм1, ФППиСН ПГУ.

Обушникова Мария Дмитриевна – студентка группы 18НРм1, ФППиСН ПГУ.

Орлова Юлия Сергеевна – студентка группы 19НППм1, ФППиСН ПГУ.

Очкина Анна Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Методология науки, социальные теории и технологии», ФППиСН ПГУ.

Папшева Полина Сергеевна – студентка группы 18НРм1, ФППиСН ПГУ.

Пертулисова Анна Александровна – студентка группы 18НРм1, ФППиСН ПГУ.

Позднякова Анастасия Михайловна – студентка группы 19НППм1, ФППиСН ПГУ.

Синев Евгений Николаевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Методология науки, социальные теории и технологии», ФППиСН ПГУ.

Сладкова Татьяна Ивановна – студентка группы 16НС1, ФППиСН ПГУ.

Старшева Софья Вячеславовна – студентка группы 17ИПД1, ИФФ ПГУ.

Стенякова Наталья Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Педагогика и психология», ФППиСН ПГУ.

Суркова Виктория Владимировна – аспирант направления 47.06.01 «Философия, этика и религиоведения», ФППиСН ПГУ.

Тигунова Милана Сергеевна – студентка группы 19НППм1, ФППиСН ПГУ.

Тугаров Александр Борисович – доктор философских наук, профессор кафедры «Теория и практика социальной работы», декан ФППиСН ПГУ.

Тужилова Татьяна Алексеевна – студентка группы 16НС1, ФППиСН ПГУ.

Хакимова Эльвира Алиуловна – студентка группы 19НРМ1, ФППиСН ПГУ.

Хаметова Гульнара Рафиковна – студентка группы 19НППМ1, ФППиСН ПГУ.

Шарикова Екатерина Сергеевна – студентка группы 19НРМ1, ФППиСН ПГУ.

Шевцова Элина Александровна – соискатель кафедры «Теория и практика социальной работы», ФППиСН ПГУ.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник научных статей
по материалам научно-практической конференции
«XIX Социологические чтения»

г. Пенза, 14 ноября 2019 г.

Под редакцией
кандидата философских наук, доцента *Т. И. Лавреновой*

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Технический редактор *М. Б. Жучкова*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 11.02.2020.
Формат 60×84_{1/16}. Усл. печ. л. 8,72.
Тираж 30. Заказ № 49.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная , 40
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru